

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2025 Том 25

ISSN 1818-9601 (Print)

ISSN 2541-8998 (Online)

Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

Уфимцева Е. И. «Живая религия» в тылу и на фронтах Великой Отечественной войны 362

Быченко Ю. Г., Зиновьева Е. А. Развитие творческого потенциала в оценках курсантов военного института 373

Кузьмина Е. В. Причины, мотивы и жизненные контексты обращения к социальному контракту по направлению «Индивидуальная предпринимательская деятельность» 379

Баев П. А. Социальные последствия цифровизации труда 387

Ардашев Р. Г. Суицидальное поведение молодежи: виртуальное информационное воздействие 393

Слово молодым социологам

Тюрин И. А. Социологический анализ финансового поведения представителей старшего поколения: предпосылки виктимности в условиях телефонного мошенничества 398

Исаева К. В., Вантяева А. С. Клиповое мышление как социальный феномен современного общества «в цифре» 404

Курманов Р. Ш. Мотивация военно-профессиональной деятельности военнослужащих национальной гвардии 413

Фомина М. А. Влияние статуса на взаимоотношения в семьях офицеров запаса 418

Политология

Ананченкова П. И. Политический эмпауэрмент пожилых: анализ концептуальных рамок и факторов, влияющих на политическое участие 426

Араев С. И., Осокин Р. В. Политические аспекты обеспечения экологической безопасности в условиях вооруженных конфликтов 433

Голуб К. Ю. Обеспечение информационной безопасности в формате ОДКБ как региональный ответ на вызовы и угрозы в сфере ИКТ 440

Ахмадуллин В. В. Политика продовольственной безопасности Королевства Саудовская Аравия 447

Слово молодым политологам

Иванкин А. П. Особенности легитимности власти на уровне субъекта Российской Федерации в условиях информатизации общества 456

Шешменёва М. В. Цифровая пропаганда как инструмент политической коммуникации в сетевом пространстве Рунета 463

Шуруб М. К. Политический контекст международных санкций против российских спортсменов 475

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 года. Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.4.1; 5.4.2; 5.4.3; 5.4.4; 5.4.5; 5.4.6; 5.4.7; 5.5.1; 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4)

Подписной индекс издания 36016. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Дударева Светлана Сергеевна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Спицына Светлана Юрьевна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 21.11.2025.

Подписано в свет 28.11.2025.

Выход в свет 28.11.2025.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41 (15,5).

Тираж 100 экз. Заказ 111-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2025

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov>

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

– текст статьи в электронном виде;

– сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: mupinaov@sgu.ru (социология) и nikshestov@mail.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

Ufimceva E. I. “Lived religion” in the rear and on the fronts of the Great Patriotic War 362

Bychenko Yu. G., Zinovieva E. A. Development of creative potential in the assessments of cadets of the military institute 373

Kuzmina E. V. Reasons, motives and life contexts of applying to the social contract in the direction of individual entrepreneurial activity 379

Baev P. A. Social consequences of labor digitalization 387

Ardashev R. G. Suicidal behavior of youth: Virtual information impact 393

New Voices: Young Sociological Scientists' Research

Tyurin I. A. Sociological analysis of the financial behavior of the older generation: Prerequisites for victimization in the context of telephone fraud 398

Isaeva K. V., Vantyaeva A. S. Clip thinking as a social phenomenon of modern digital society 404

Kurmanov R. Sh. Motivation of military-professional activities of military personnel of the National Guard 413

Fomina M. O. The influence of status on relationships in the families of reserve officers 418

Politology

Ananchenkova P. I. Political empowerment of the elderly: An analysis of the conceptual framework and factors influencing political participation 426

Araev S. I., Osokin R. V. Political aspects of ensuring environmental safety in the context of armed conflict 433

Golub K. Yu. Ensuring information security within the CSTO framework as a regional response to the IT related challenges and threats 440

Akhmadullin V. V. Food security policy of the Kingdom of Saudi Arabia 447

New Voices: Young Political Scientists' Research

Ivankin A. P. Features of the legitimacy of power at the level of the constituent entity of the Russian Federation in the context of the informatization of society 456

Sheshmeneva M. V. Digital propaganda as a tool of political communication within the Runet network space 463

Shurub M. K. Political context of international sanctions against Russian athletes 475

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Мунина Ольга Владимировна, кандидат социол. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Баттерфилд Джим, Ph.D. (Каламазу, США)

Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, доцент (Пенза, Россия)

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Готлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)

Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Казakov Александр Александрович, доктор полит. наук, доцент (Саратов, Россия)

Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Судьин Сергей Александрович, доктор социол. наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)

Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
SOCIOLOGY. POLITOLOGY”**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Olga V. Munina (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Jim Butterfield (Kalamazoo, USA)

Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)

Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)

Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)

Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)

Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)

Marina E. Elutina (Saratov, Russia)

Alexander A. Kazakov (Saratov, Russia)

Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)

Arbakhkan K. Magomedov (Moscow, Russia)

Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)

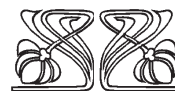
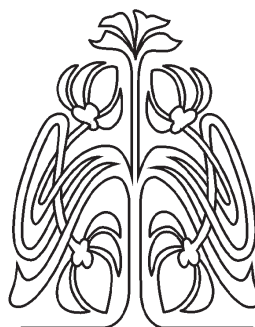
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)

Sergey A. Sudin (Nizhniy Novgorod, Russia)

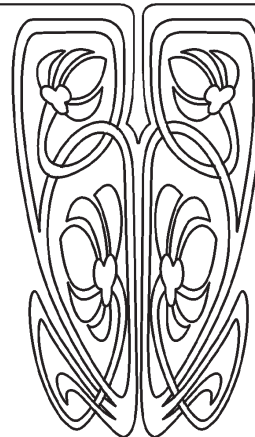
Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)

Irina M. Fadeeva (Moscow, Russia)

Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 362–372

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 362–372

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-362-372>

EDN: FEVTKS

Научная статья
УДК 316.74:271.2

«Живая религия» в тылу и на фронтах Великой Отечественной войны

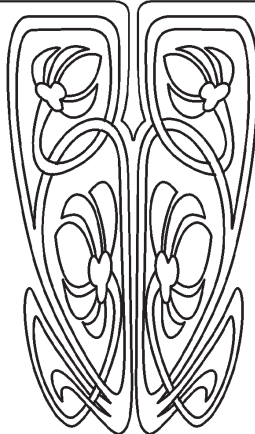
Е. И. Уфимцева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Уфимцева Екатерина Игоревна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии социальной работы, ufim75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0164-2430>

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Аннотация. Статья посвящена анализу повседневных религиозных практик советских граждан в период Великой Отечественной войны. Теоретико-методологическим основанием анализа является концепция «живой религии», разработанная Мередит Б. Мак-Гвайр, Робертом Орси, Айвэном Стренски. Изучение нами повседневного религиозного опыта в период Великой Отечественной войны в рамках концепта «живой религии» предусматривает фокусировку исследовательского внимания на повседневных религиозных практиках советских верующих разных религиозных конфессий, реализуемых как в частной, так и в общественной сферах; включающих как рутинные, так и уникальные религиозные акты; как культового, так и социального характера; имеющих полифункциональное значение. В статье представлены результаты авторского социологического исследования, проведённого в период с 2018 по 2023 г. и посвященного изучению особенностей обращения в православие возрастной когорты 70+, а также результаты вторичного анализа данных исследований, описывающих социально-религиозный компонент событий Великой Отечественной войны. Осуществляется функциональный анализ культовых религиозных практик (молитвенных, богослужебных, атрибутивно-идентификационных, обрядовых) и социальных религиозных практик (благотворительных), реализуемых советскими верующими разных конфессий в разных социальных контекстах: на фронте, в тылу, в оккупации. **Ключевые слова:** «живая религия», повседневные религиозные практики, Великая Отечественная война

Для цитирования: Уфимцева Е. И. «Живая религия» в тылу и на фронтах Великой Отечественной войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 362–372. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-362-372>, EDN: FEVTKS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

«Lived religion» in the rear and on the fronts of the Great Patriotic War

E. I. Ufimceva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ekaterina I. Ufimceva, ufim75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0164-2430>

Abstract. This article is devoted to the analysis of everyday religious practices of Soviet citizens during the Great Patriotic War. The theoretical and methodological basis of the analysis is the

concept of “lived religion”, developed by Meredith B. McGuire, Robert Orsi, Ivan Strensky. Our study of everyday religious experience during the Great Patriotic War within the framework of the concept of “lived religion” provides for the focus of research on the daily religious practices of Soviet believers of various religious denominations, implemented in both private and public spheres.; including both routine and unique religious acts; both cultic and social in nature; having a multifunctional meaning. The article presents the results of the author’s sociological research conducted in the period from 2018 to 2023 and is devoted to the study of the peculiarities of conversion into Orthodoxy in the age cohort of 70+, as well as the results of a secondary analysis of research data describing the socio-religious component of the events of the Great Patriotic War. The functional analysis of cult religious practices (prayer, liturgical, attributive-identification, ritual) and social religious practices (charitable), implemented by Soviet believers of different faiths in different social contexts: at the front, in the rear, in occupation, is carried out.

Keywords: “lived religion”, everyday religious experience, the Great Patriotic War

For citation: Ufimceva E. I. “Lived religion” in the rear and on the fronts of the Great Patriotic War. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 362–372 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-362-372>, EDN: FEVTKS

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В юбилейный год 80-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, в год, объявленный Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным «Годом защитника Отечества», мы обращаемся к нашему национальному и метасоциальному социально-историческому опыту военных лет, трагическому по своему содержанию и победоносному по своим смыслам, чтобы найти в нём нравственные ответы на острые вопросы и социально-политические вызовы сегодняшнего дня. В контексте специальной военной операции этот опыт приобретает особую актуальность и значимость, в том числе в аспекте организации религиозной жизни в условиях военного времени.

В концепте «живая религия» религиозная жизнь зафиксирована на уровне повседневных практик. Концепт «живая религия» описывает повседневные проявления религии на индивидуальном уровне: проживание, переживание и осмысление религии социальными акторами. Н. Аммерман указывает, что изучение повседневного религиозного опыта в рамках концепта «живой религии» предусматривает предпочтение опыту религиозных профессионалов опыт неспециалистов, неэкспертов, тех, кто не зарабатывает на жизнь религиозностью и не пишет о религиозных идеях [1]. С точки зрения исследователя, пространство религиозной повседневности находится за пределами организованных религиозных организаций. В то же время это пространство не ограничивается только частной жизнью отдельных индивидов, оно включает общественный религиозный опыт. Пространство религиозной повседневности может быть связано с обычным порядком вещей, но также с переживаниями кризисных состояний и особыми, уникальными событиями в жизни людей.

Е. Г. Трубина и С. Лубна по-своему определяют специфику исследовательского подхода «живой религии» [2]. Во-первых, они указывают, что при исследовании религиозных феноменов акцент делается на признании отличий между официально предписанными религиозными нормами поведения и реальной практикой реализации этих норм. Во-вторых, повседневные религиозные практики осмысляются как ритуализированные действия, включающие человека в символическое пространство конкретной религии. В-третьих, важное значение при исследовании повседневных религиозных практик имеет выявление их индивидуальных смыслов и символических значений.

С нашей точки зрения, методологически значимым положением концепции «живой религии» является понимание религии как комплекса социальных практик, посредством которых та или иная религиозная организация определяет границы собственной религиозной идентичности. Именно религиозные практики советских граждан в период Великой Отечественной войны выступают объектом нашего исследовательского внимания в данной статье. В то же время понятие «живая религия» используется нами не только в методологической плоскости, но и в символической. Во-первых, понятие «живая религия» осмысливается нами также как религия, выжившая в условиях беспрецедентных политических гонений со стороны советской власти в период с 1917 по 1940 г. Во-вторых, учитывая функциональное значение религиозных практик в период Великой Отечественной войны, понятие «живая религия» постулируется нами как социальная практика, стимулирующая индивидуальную и коллективную активность граждан в военное время.

Как указывает Д. В. Поспеловский, на 1914 г. в Российской империи было 117 млн

православных христиан, которые проживали в 67 епархиях, управляемых 130 епископами. В 48 тыс. приходских храмов служили 50 тыс. священников и диаконов [3, с. 35]. По сведениям исследователя, в ведении Русской Православной Церкви находилось 48 тыс. приходских храмов, 35 тыс. начальных школ и 58 семинарий, 4 академии, а также больше тысячи действующих монастырей с почти 95 тыс. монашествующих. Н. В. Емельянов и О. И. Хайлова указывают, что в дореволюционной России было около 100 тыс. монашествующих и более 110 тыс. белых священников и диаконов (с учетом членов семей к сословию духовенства на рубеже XIX и XX вв. относилось 630 тыс. человек) [4, с. 114–116]. В результате антирелигиозной деятельности советской власти на территории Советского Союза к 1 сентября 1939 г. осталось всего 100 храмов, четыре архиерея, 200 священников. Общее число православных верующих, пострадавших за веру в 1917–1950-е гг., составило 564 тыс. человек. Из 425 митрополитов, архиепископов и епископов расстрелян или замучен был каждый второй.

Русская православная церковь в Саратовской области также была на грани уничтожения к 1940 г. По сведениям Я. Ю. Гусевой, с 1937 г. по июнь 1942 г. Саратовская епархия фактически не действовала, так как не имела правящего епископа [5, с. 398]. До 1928 г. на территории современной области насчитывалось до полутора тысяч православных храмов, которые проводили в среднем до 20 тыс. официальных религиозных мероприятий в месяц. К 1941 г. на территории области не осталось ни одного действующего православного храма. Последним был закрыт Свято-Троицкий кафедральный собор г. Саратова. В феврале 1936 г. он стал собственностью государства¹. От уничтожения собор спасло заступничество работников Саратовского областного музея краеведения, Саратовского государственного художественного музея имени А. Н. Радищева, а также преподавателей Саратовского государственного университета.

В отношении мусульман и буддистов советская власть также применяла карательные формы воздействия. Как указывает М. В. Палеолог, к началу 1930-х гг. численность исламского духовенства в ТАССР сократилась в четыре раза

[6]. В Центральной России и Поволжье осталось только две действующие мечети – Соборная мечеть в Москве и мечеть «Марджани» в Казани. Буддийское духовенство было истреблено практически полностью: большинство лам были расстреляны, а часть оказались в лагерях. К 1936 г. все храмы и дацаны Забайкалья были уничтожены. Редкие тибетские книги выкидывались и сжигались.

Однако, несмотря на амбициозные намерения Союза воинствующих безбожников «забыть имя Бога» в СССР к 1 мая 1937 г., разгром религиозных организаций не привел к желаемым результатам. В тех случаях, в которых люди не могли открыто исповедовать свои религиозные убеждения или боялись, они это делали подпольно. Проведённое нами в период с 2018 по 2023 г. социологическое исследование особенностей обращения в православие возрастной когорты 70+ показало, что для поколенческой группы 1930–1940-х годов рождения было характерно крещение на дому, а в отсутствие сосланных или расстрелянных священников – самостоятельно, мирянским чином.

Так, респондент 1941 г.р. обратил внимание на нестандартные обстоятельства своего крещения, о которых он узнал от родных при случайных обстоятельствах. Он рассказал, что в детском возрасте нашёл коробочку, в которой было несколько нательных крестиков. Поинтересовавшись у бабушки о находке, он узнал, что это его нательные кресты, полученные им в таинстве крещения. Но так как его мама и бабушкины сёстры крестили его тайно, не посвящая в это даже друг друга, то получилось, что он был крещён трижды. Мы можем предположить, что подобным образом были крещены его двоюродные братья и сёстры, так как бабушки респондента применяли подобную практику крещения и к ним. Более того, они собирали всех знакомых детей, которые жили по соседству и крестили. Примечательно, что о подобной практике крещения вспомнила респондентка 1937 г.р., мать которой также собирала детей из соседних домов и приглашала в дом священника для совершения таинства крещения: *А у меня мама тогда что делала. Нельзя же было крестить. И может, поэтому её и помнили в храме. Она по Вакуровской улице пройдёт, ребятшек наберёт, человек 4–5. А у нашей бабушки был большой дом! Привезёт батюшку из храма нашего, вот и крестили.* Подобным тайным образом на дому совершались богослужения.

¹ История собора // Архиерейское подворье – Свято-Троицкий кафедральный собор г. Саратова. URL: <https://trsobor.ru/12347-2/> (дата обращения: 10.03.2025).

Респондентка 1929 г.р. вспомнила случай, что когда в её посёлке закрыли храм, то какое-то время богослужения проводились в частном доме. На одно такое праздничное пасхальное богослужение мать взяла и её: *Она [мать] мне говорит: «Мария, нынче бабы собираются в церковь, попеть там, Пасху встречать».* А тут как раз *впереди как, алтарь, и вот в этом уголке мы все стояли.* В верующих семьях дома отмечали православные праздники – Пасху, Рождество Христово: *Бабушка нас всё время приучала молиться, к праздникам. Рождество, Пасха – это, не знай, какой праздник! Косички нам, ситцевые платюшки. Очень верующая была!* (жен., 1937 г.р.). Респондентке 1926 г.р. запомнилось, что к Пасхе её мать в обязательном порядке пекла куличи, красила яйца, но всё это прятала в стол, чтобы случайно зашедшие соседи не донесли поселковой администрации: *Потому что если бы кто-то донес на отца, что они пекут пасху и красят яйца, отца бы немедленно исключили из партии, отобрали билет.*

В верующих семьях детей приучали к молитве. Респондентка 1940 г.р. упомянула, что пока жила с верующими бабушкой и бабушкой по материнской линии, вместе с ними молилась. Со слов женщины 1937 г.р., её бабушка по материнской линии иногда заставляла их с братом молиться «перед образами». Женщина 1941 г.р. указала, что в детском возрасте её верующая мать записала ей молитву «Богородице Дево, радуйся», она эту молитву выучила наизусть и молилась этой молитвой, когда ходила в школу за 18 км. Информантка 1938 г.р. вспомнила, что в детском возрасте она записала со слов неграмотной верующей бабушки молитву и перед контрольной в начальных классах читала её.

У верующих обязательным атрибутом домашнего быта были иконы – в каких-то семьях они располагались открыто, а в каких-то прятались и доставались только для совместной домашней молитвы. Респонденты обратили внимание, что иконы, перед которыми молились их родители (прародители) и они в детстве, являются для них «живой» семейной реликвией и составляют часть их домашнего иконостаса, перед которым они и сегодня совершают свои молитвы. Как было отмечено нами в одной из статей, посвящённой описанию результатов проведённого исследования, атрибутивная практика ношения нательного креста, передавалась в семьях респондентов по-разному [7]. В семье информантки 1948 г.р. ношение нательного

креста было обязательным для всех членов семьи, в том числе для детей и вне зависимости от обстоятельства. Она подчеркнула, что обязательность ношения нательного креста, к которой её приучали родители, она поддерживала в течение всей жизни вне зависимости от изменения собственного социального статуса: *Носили крест всё время. И мама, и папа носили, и мы с детства. Я и сестра моя младшая. Мы всё время носили. Я вам говорила, что в октябрюта принимали, и в пионеры принимали, и всё с крестом. И ни разу не сказали: «сними крест». Никто никогда не говорил. То ли так Господь хранил, что не видели на мне креста, но я всю жизнь ходила с крестом. И работала всю дорогу: и в горисполкоме, здесь и в райисполкоме Ленинском и на Гоголя, 14 лет проработала.* А вот другая респондентка вспоминает, что нательный крест она носила только дома, а идя в школу, снимала: *И: Вы крест носили, в детстве, в школе? Р: В школу мы не надевали. И: Боялись или почему не надевали? Р: Да, у нас надо было бояться этого. Школа не разрешала, учительница рассказывала, нельзя* (жен., 1929 г.р.). Две участницы опроса, 1937 и 1942 г.р., заметили, что их верующие родители/прародители прикалывали нательный крест булавкой к майке, чтобы при внезапном медицинском осмотре не обнаружилось, что они носят нательный крест.

Таким образом, многовековая религиозная традиция русского народа в условиях политических гонений за веру приняла своеобразные формы, но сохранила своё духовно-нравственное содержание. В условиях Великой Отечественной войны потребность в религиозной вере не только не исчезла, но значительно возросла.

В работе В. А. Македонской отмечается, что на вопрос корреспондента «Известий»: «Чем занималась Церковь во время войны?» – патриарх Московский и всея Руси Алексей (Симанский) ответил: «Церковь, прежде всего, молилась» [8, с. 89]. Это утверждение патриарха справедливо не только в отношении Церкви как религиозной организации, но и Церкви как религиозного сообщества, как общности верующих. Как показал наш вторичный анализ данных, основными культовыми практиками советских верующих в военные годы были частная молитвенная практика и участие в общественных богослужениях.

Молитвенное обращение людей к Богу во время войны было повсеместно: в тылу и на фронте, в партизанском подполье и в плену. Оно было обусловлено, прежде всего, тяжёлыми

испытаниями, выпавшими на долю советских граждан, опасениями за судьбу ушедших на фронт родных и близких, гибелью боевых товарищей, страхом смерти. В этих условиях молитва духовно укрепляла, придавала мужество, душевную стойкость преодолевать нечеловеческие страдания, ужасы военного времени, потерю близких, а также давала надежду выжить и веру в победу. Смысл и значение молитвенной практики в тыловых условиях приоткрывает текст письма Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию (Симанскому) от прихожанина Свято-Троицкого собора г. Саратова Владимира Ивановича Орешникова, представленное в работе А. А. Яковлева: «Святейший Владыко!.. Наблюдая во всех деталях жизнь своего народа русского, я никак не могу забыть лица молившейся одно время перед иконой Богоматери за какой-то службой в нашем соборе одной пожилой женщины. Сколько в нём было веры! Какое-то оно было одухотворённое. Глаза у неё были устремлены на лик Богоматери и беззвучно шептали ей губы слова молитвы. И, наверное, эта горячая молитва ей была за близкого её сердцу человека, может быть, за сына... Вот вошли в храм с дорожными мешочками приехавшие с фронта молодые красноармейцы, а некоторые из них даже с офицерскими погонами. И я смотрел на них, как они усердно и искренне молились. И среди них был молоденький офицер, может быть, сын этой православной матери, воспитавшей его в почтении и уважении к Церкви, с таким восторгом в лице слушал пение и с таким усердием молился... А сколько ходит в церковь раненых из госпиталей, ведь их, увечных, никто не понуждает, и я видел, как один из них, на костылях стоял на одной ноге всю обедню, прислонившись немного только к решётке возле архиерейского места. Мы родители этих людей, сражавшихся бойцов и командиров, стойких защитников нашей Великой Родины... Наша родительская горячая молитва есть тоже вклад в общее дело, и он, я уверен, поддерживает дух наших детей и веру во Всесильную десницу Божию...» [9, с. 9–10].

Обращение советских граждан к молитве на фронте было, прежде всего, в ситуациях, опасных для жизни. Е. Ф. Кринко приводит воспоминания одного фронтовика: «У меня случай вот такой был: ...“Фердинанд” – немецкое самоходное орудие ползет прямо на меня... лежу, и вырвалось у меня “Спаси Господи” или “Помоги

Господи” [смеется]. И “Фердинанд” остановился» [10, с. 108]. Вера Дмитриева, прошедшая Великую Отечественную войну медсестрой, ставшая позднее монахиней, вспоминала, как она молилась во время боя, вынося раненных бойцов: «Я читала молитву, и страх как-то током в землю уходит. И слышно, как сердце бьется. И не боишься уже»². Когда возникала непосредственная угроза жизни, то к молитве обращались даже люди, считающие себя неверующими. Медицинская сестра Е. С. Тюкина, попав под жестокую вражескую бомбардировку, неожиданно для себя самой стала молиться: «Я сижу и трясусь вся и говорю: “Господи, помилуй! Господи, помилуй!”. Хотя я была атеистка, тогда были совсем другие дети, воспитаны в другом духе, а тут я: “Господи, помилуй! Господи, помилуй!» [10, с. 108]. Находясь на фронте или в госпитале, солдаты просили в письмах своих родных и близких молиться о них и о победе советского народа. Один из бойцов писал матери из госпиталя, в который попал во время боёв под Сталинградом в сентябре 1942 г.: «Прошу тебя, сходи за меня в церковь, помолись за меня... и поставь несколько свечей перед иконой. Помолись Богу за скорейшее окончание войны, многострадающий русский народ, за новый мир» [10, с. 109].

Особое значение на фронте, в условиях постоянной угрозы жизни, приобретали для верующих нательные кресты и иконы. Митрофорный протоиерей Иоанн Букоткин во время войны воевал на Третьем Белорусском фронте связистом³. Он всегда носил нательный крест, а когда потерял его, то старшина подарил ему иконку, с которой он прошёл до конца войны. Протоиерей Иоанн вспоминал, что многие солдаты и офицеры в его окружении носили либо нательные кресты, либо иконки в гимнастёрках. В рамках нашего социологического исследования респондентка 1948 г. также указала на факт того, что её отец всю войну прошёл с небольшой иконкой Пресвятой Богородицы, будучи убеждён, что именно благодаря тому, что его хранила Пресвятая Богородица, он живым вернулся с войны: ...*Папа у меня, например, воевал, <...> он у меня прошёл всю войну с иконкой Богородицы. Она у меня сейчас висит над кроватью. Такая маленькая, «Благодат-*

² Священники и монахи – ветераны Великой Отечественной войны. URL: <https://www.pravmir.ru/veterany-svyashhenniki-i-monaxini/> (дата обращения: 10.03.2025).

³ Там же.

ная Мария, Господь с тобой», он с ней прошёл всю войну... И сказал: если бы не эта иконка... К. В. Цеханская обращает внимание на то, что подобная практика была характерна и для советского генералитета: маршала Г. К. Жукова всю войну сопровождала икона Казанской Божией Матери; замначальника Генштаба Б. М. Шапошников носил на груди образок святителя Николая Чудотворца [11, с. 32]. Обращение в военных условиях к подобной атрибутивно-идентификационной религиозной практике, к которым можно отнести ношение религиозных символов, элементов религиозной одежды, было характерно для представителей и других конфессий. А. Шнеер приводит записанное им свидетельство ветерана 201-й Латышской стрелковой дивизии Лазаря Шнеера о том, как в 1943 г. его после возвращения из разведки вызвали к замполиту, который рылся в его вещмешке и нашёл тфилин: «Я догадываюсь, что это такое, я жил среди евреев. Ты что, в бога веришь?» Л. Шнеер замялся, опасаясь согласиться и не желая врать: «Мать дала. Как талисман ношу с собой». Тот посмотрел и отдал: «Ладно, возьми и никому не показывай!»». Эта ситуация разрешилась без серьезных последствий: «Я обрадовался, была уверенность: если тфилин со мной, жить буду». А. Шнеер отмечает, что таких бойцов, «сохранивших традиции и веру отцов, в дивизии было много» [12, с. 381–382]. В условиях военного времени ношение религиозных символов имело, прежде всего, атрибутивное, а не идентификационное значение. Данная практика давала убежденность, что человек находится под покровительством, особой защитой Бога.

Молитвенная практика во время Великой Отечественной войны носила не только частный, но и общественный, коллективный характер. С первых дней войны Церковь как религиозная организация непрерывно совершала рядовые богослужения, а также специальные, имевшие непосредственной целью общественную молитву о даровании победы советскому народу. Так, 26 июня 1941 г. местоблюститель патриаршего престола митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) отслужил в Богоявленском соборе г. Москвы первый молебен о даровании победы, основой которого стал «Молебен в нашествии супостатов, певаемый в Русской православной церкви в дни Отечественной войны» [13, с. 54]. После этого подобные молебны стали служить во

всех храмах Русской Православной Церкви. Богослужения совершались в любые погодные условия, под бомбёжками.

И. В. Дубровицкая о своем отце-протоиерее Владимире Дубровицком, служившем в блокадном Ленинграде, вспоминала: «Всю войну не было дня, чтобы отец не вышел на работу. Бывало, качается от голода, я плачу, умоляю его остаться дома, боюсь – упадет, замерзнет где-нибудь в сугробе, а он в ответ: “Не имею я права слабеть, доченька. Надо идти, дух в людях поднимать, утешать в горе, укрепить, ободрить”» [14]. Свидетели вспоминают, что во время богослужений немногочисленные храмы были переполнены. С каждым годом количество верующих, участвовавших в богослужениях, возрастало. Как указывает Е. Ф. Кринко, если в 1942 г. на Пасху московские церкви посетили 75 тыс. чел., в 1943-м – 83 тыс., то в 1944 г. – уже 250 тыс. чел. [10, с. 106]. Богослужения посещали не только рядовые граждане, но и офицерский состав. В работе К. В. Цеханской отмечается, что Г. Г. Карпов, председатель Совета по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров СССР, докладывая в ЦК ВКП(б) о праздновании Пасхи в ночь с 15 на 16 апреля 1944 г., указывал, что почти во всех церквях города присутствовали военные офицерского и рядового состава, общим числом более 500 чел. [11, с. 34]. Представители советского генералитета также открыто проявляли свою веру: генерал Л. А. Говоров неоднократно присутствовал на богослужениях в ленинградском Никольском кафедральном соборе, а маршал В. Н. Чуйков стал посещать богослужение после Сталинградской битвы [11, с. 32, 33].

В тех населённых пунктах, в которых не было действующих православных храмов, советские граждане обращались в органы власти с ходатайством об их открытии. Как отмечает Е. Ф. Кринко, с просьбами об открытии храмов обращались сотни людей, включая бывших фронтовиков, инвалидов Великой Отечественной войны, передовиков производства: «Церковь и богослужение, беседы и речи священника для нас необходимы. Мы крайне нуждаемся в ободрении, утешении в той жизнерадостной атмосфере, какой так насыщено Евангелие и наше богослужение. Там все полно веры и надежды на лучшую, счастливую жизнь, все бодрит и утешает» [10, с. 105]. 3 октября 1942 г. решением Исполкома Саратовского горсовета депутатов трудящихся Свято-Троицкий собор г. Саратова

был передан общине верующих. Уже вечером 7 октября, в праздник преподобного Сергия Радонежского, в храме состоялось первое богослужение. По мнению Я. Ю. Гусевой, открытие собора в 1942 г. не было случайным [5, с. 400]. Под Сталинградом шли кровопролитные бои. Прифронтовой Саратов находился под постоянными бомбёжками. В это напряжённое время люди нуждались в духовной поддержке, утешении и надежде на спасение. Некоторое время Свято-Троицкий кафедральный собор был единственным православным храмом, открытым на территории Саратовской области во время войны. А. А. Яковлев указывает, что с конца 1943 по 1944 г. саратовцами было подано 25 ходатайств об открытии церквей, из которых только два было удовлетворено в том же году [9, с. 8]. Такие же прошения поступили из 17 районов Саратовской области. В 1945 г. было подано 37 заявлений. В исключительных случаях в отсутствие действующих храмов православные верующие организовывали стихийные и несанкционированные богослужения. В архиве Саратовского управления ФСБ РФ хранится документ, описывающий подобный случай в селе Широкий Карамыш: «В день объявления Указа Правительства о выпуске военного займа собралась большая группа верующих на площади, где когда-то была церковь, и организовала моление. Председатель Совета решил воспрепятствовать им в этом. Когда он появился на площади и предложил немедленно разойтись, 75-летний старик, руководивший молением, исполняя роль священника, заявил: “Уйдите и не мешайте нам молиться о даровании победы над фашистами”. Председатель вынужден был уйти» [9, с. 10–11].

Следует заметить, что богослужебная практика была основной религиозной практикой и для советских мусульман. По сведениям Е. Ф. Кринко, в 1943 г. в мечети Центрального духовного управления мусульман в Уфе на праздничных молениях присутствовали более 3 тыс. верующих [10, с. 106]. 4 декабря 1944 г. была вновь открыта самая древняя в России Дербентская мечеть. Участие мусульман в богослужениях сопровождалось также особыми обетами приношения специальных жертвоприношений и молений за сохранение здоровья и жизни своим близким. Л. А. Королева приводит текст донесения пензенского уполномоченного по делам религий, который сообщал в столицу по этому поводу: «В период Великой Отече-

ственной войны мусульмане по своей традиции давали обет приношения специальных жертвоприношений и молений за сохранение здоровья и жизни своим близким, находившимся в рядах Советской Армии, и по возвращении таковых из армии данный ими в свое время обет выполняли» [15, с. 33]. Посещение демобилизованными мечетей значительно укрепляло авторитет веры и привлекало в храмы молодежь.

Во время Великой Отечественной войны богослужебная практика имела место не только в тылу, но и на фронте. Правда, в отличие от тыловой практики, она, разумеется, не могла носить регулярного характера: была эпизодической и имела место в исключительных случаях. Например, В. А. Македонская указывает, что в самый разгар Сталинградской битвы, в ноябре 1942 г., митрополитом Николаем (Ярушевичем) под Сталинградом, на берегу Волги, был отслужен молебен перед образом Казанской Божьей Матери [8, с. 86]. А. Федотов пишет, что в 1944 г. при взятии г. Луки по приказу командующего Ленинградским фронтом генерала М. М. Лобанова был отслужен благодарственный молебен в честь победоносного сражения [16].

Ещё один уникальный случай фронтовой богослужебной практики упоминается в разных исследованиях – это знаменитое Кёнигсбергское моление 7 апреля 1945 г., организованное начальником Генштаба, командующим 3-м Белорусским фронтом маршалом А. М. Василевским. Множество очевидцев свидетельствуют об этом событии. В статье А. И. Фарберова приводятся воспоминания некоторых из них, в том числе воспоминания радистки Е. М. Ошариной: «...Помню Кенигсберг. Мы относились ко 2-му Белорусскому фронту, которым командовал маршал Константин Константинович Рокоссовский. Но наше подразделение – 13-й РАБ (район авиационного базирования) – находилось вместе с войсками Прибалтийского фронта, недалеко от места боев за Кенигсберг. Очень трудно он давался. Мощные укрепления, связанные подземкой, большие силы немцев, каждый дом – крепость. Сколько наших солдат погибло!.. Взяли Кенигсберг с Божией помощью. Я сама видела, хотя наблюдала с некоторого отдаления. Собрались монахи, батюшки, человек сто или больше. Встали в облачениях с хоругвями и иконами. Вынесли икону Казанской Божьей Матери... А вокруг бой идет, солдаты посмеиваются: “Ну, батюшки пошли, теперь дело будет!”

И только монахи запели – стихло все. Стрельбу как отрезало. Наши опомнились, за какие-то четверть часа прорвались... Когда у пленного немца спросили, почему они бросили стрелять, он ответил: «Оружие отказало» [17]. Другой участник штурма, Н. Бугаенко, вспоминает: «7 апреля, на Благовещенье, мы ждали боя. Вдруг видим, вдоль линии фронта движется крестный ход – впереди священники несут икону Казанской Божией Матери. За ними – вереница людей с иконами, крестами и хоругвями в руках. Это было так неожиданно, как будто и нет войны, никто не стреляет, ясно различимы слова молитв, песнопений... А дальше произошло совсем невероятное. Фашисты вдруг побросали оружие, орудия их тоже смолкли и с криком – «Мадонна!» – побежали прочь. Без единого выстрела мы взяли этот участок фронта» [17]. Все участники и очевидцы кёнигсбергских событий подчеркивали, что прорыв на участках фронта, где прошел молебен, совершился быстро, бескровно и даже без выстрелов.

Во время Великой Отечественной войны богослужения проводились также в лагерях для военнопленных. Протоиерей Василий Ермаков вспоминает, что в 1943 г. в 16-летнем возрасте вместе с сестрой он был пригнан в лагерь Палдиский в Эстонии. В этом лагере таллинское православное духовенство совершало в лагере богослужения⁴.

Культовые практики исповеди и причастия также имели место в военных условиях, но упоминаются в воспоминаниях значительно реже практик молитвы и участия в богослужениях. Так, К. В. Цеханская указывает на подобный факт, связанный с архиерейским служением архиепископа Сан-Францисского Иоанна (Шаховского) [11, с. 38–39]. В 1942 г. он посетил лагерь советских военнопленных в Бад-Киссингене, где находились около трех тысяч офицеров. Архиепископ указал в своих воспоминаниях, что из этих офицеров, родившихся после Октябрьского переворота, образовался церковный хор, спевший без нот всю Божественную литургию. Половина пленных исповедались и причастились Святых Тайн. Сохранились свидетельства, что некоторые священники, такие как отец Василий Капычко, «партизанский поп», не только священнодействовали в белорусских партизанских отрядах, но также исповедовали и причащали православных верующих [14].

⁴ См.: Священники и монахи – ветераны Великой Отечественной войны.

Следует заметить, что религиозная активность верующих во время Великой Отечественной войны выражалась не только в культовых практиках. Значительное место в религиозной деятельности советских верующих разных религиозных конфессий занимали благотворительные практики, практики социальной помощи и социальной поддержки. Можно сказать, что период Великой Отечественной войны стал временем возрождения религиозной благотворительности, которая официально было запрещена советской властью в 1928 г. Востребованность религиозного социального служения в условиях всенародного бедствия была бесспорна. Прежде всего, советские религиозные организации и рядовые верующие организовывали финансовые сборы в помощь Красной Армии. С первых месяцев военных событий Русская православная церковь объявила сбор средств в фонд помощи бойцам Красной Армии. После отслуженного в Богоявленском соборе г. Москвы первого молебна о победе русского оружия митрополит Сергей (Страгородский) призвал верующих начать сбор пожертвований на нужды Красной Армии, и в заключение проповеди он снял бриллиантовый крест с клобука и наперсный крест в качестве священного «зачала» общенародной помощи [11, с. 28].

Как указывает О. А. Рашитова, по предложению митрополита Алексия (Симанского) уже с 23 июня 1941 г. православные приходы Ленинграда начали сбор пожертвований на оборону страны [18, с. 47]. В пользу обороны были переданы запасные суммы, имевшиеся в храмах на благотворительные нужды. Прихожане жертвовали не только финансовые средства, но и теплые вещи, продовольствие для больных. Общая сумма благотворительных взносов духовенства и мирян Ленинградской епархии за годы войны составила около 17,5 млн руб.

Саратовская епархия также принимала активное участие в церковных благотворительных сборах. А. А. Яковлев отмечает, что благотворительные сборы в Саратовской епархии, как и во всей Церкви, проводились на несколько основных целей: на сооружение танковой колонны имени св. Дмитрия Донского, на авиаэскадрилью имени св. Александра Невского, на восстановление Сталинграда, в помощь детям и семьям погибших бойцов Красной Армии и другие цели [9, с. 11–12]. Центрами сбора средств на нужды обороны стали пять действующих хра-

мов епархии: Свято-Троицкий кафедральный собор г. Саратова, Благовещенская церковь в Вольске, Казанская церковь в Петровске, Александро-Невская церковь в Ртищево, Воскресенская церковь в Пугачёве. С 1943 по 1946 г. православные верующие Саратовской епархии пожертвовали 10 731 776 руб. Прихожане храмов сдавали в фонд обороны не только денежные средства, но и изделия из драгоценных металлов и камней, вещи, продукты питания. Личные сбережения жертвовали священники. Так, в 1945 г. четверо саратовских священников, в том числе настоятель Свято-Троицкого собора г. Саратова Дмитрий Иванович Жог, священники Михаил Фёдорович Лобачёв, Георгий Иванович Осипов, Николай Иванович Цветков внесли 100 тыс. руб. на строительство самолёта эскадрильи имени святого Александра Невского. Как отмечает Е. Ф. Кринко, всего за годы войны Русская Православная Церковь внесла в Фонд обороны 300 млн руб., построила танковую колонну им. Дмитрия Донского, авиационную эскадрилью им. Александра Невского [10, с. 109].

В процесс сбора материальной помощи Красной Армии активно включились советские мусульмане. Как указывает М. В. Палеолог, 3 марта 1943 г. газета «Известия» опубликовала телеграмму муфтия Габдрахмана Зайнулловича Расулева, в которой сообщалось, что мусульмане СССР начали сбор средств на постройку танковой колонны [6, с. 130]. Лично муфтий внес в фонд сбора средств 50 тыс. руб. Всего в исламских республиках СССР было собрано: в Узбекской ССР – 365 млн руб., в Казахской ССР – 470 млн руб., в Таджикской ССР – 100 млн руб., в Туркменской ССР – 243 млн руб. На деньги, собранные в Туркмении, было построено пять танковых колонн. Л. А. Королева отмечает, что мусульмане Поволжья, как и их единоверцы по всей стране, активно поддержали все благотворительные начинания своих религиозных лидеров. Пензенские мусульмане за период с 1 сентября 1944 г. по 1 июня 1945 г. сдали в фонд Красной Армии и семей военнослужащих 17 340 руб. и 150 шт. овчин [15, с. 33].

Армянская апостольская церковь также приняла активное участие в сборе средств на строительство танковых колонн «Давид Сасунский» и «Ованес Баграмян» [6, с. 134]. Еврейский антифашистский комитет, созданный в Советском Союзе в апреле 1942 г., обратился с воззванием к «евреям во всём мире» прийти

на помощь Советскому Союзу⁵. В ответ на этот призыв было собрано 16 млн долл. в США: 15 млн в Англии и Канаде, 1 млн в Мексике, 750 тыс. долл. в британской Палестине, а также переданы для Красной Армии грузовые и санитарные машины, медицинское оборудование, одежда.

Помимо сбора благотворительной помощи в фонд Красной Армии, верующие принимали участие в сборе средств для военных госпиталей, инвалидов, семей фронтовиков, для эвакуированных граждан, для детей-сирот. Только в 1943 г. прихожане Свято-Троицкого собора г. Саратова собрали: в фонд обороны 585 000 руб., в фонд помощи пострадавшим от немецких налетов жителям Саратова – 100 000 руб., в фонд эвакуированных – 100 000 руб., на подарки для бойцов Красной Армии – 85 000 руб., на помощь детским домам – 15 000 руб. [19, с. 10–14]. Духовенство и верующие также брали шефство над военными госпиталями, ухаживали за ранеными, собирали им подарки. Прихожане Введенской церкви Кировского района г. Курска пожертвовали на помощь раненым с 8 февраля 1943 г. по 24 января 1944 г.: на подарки раненым бойцам Орла и Белгорода – 1300 руб., продуктовые подарки раненым 397 госпиталя – 11 678 руб., на раненых от церковно-приходского совета и причта – 29 400 руб., на оборудование для госпиталя офицерского состава – 25 000 руб., на подарки раненым – 9792 руб., а также 32 кг картофеля, 16 кг свеклы, 4 пуховых подушки и пр. [20, с. 90–91]. По подсчетам О. Ю. Редькиной и С. В. Мордвинова, православными верующими Астраханской области с января по май 1945 г. было собрано 300 000 руб. семьям фронтовиков, 50 000 руб. – на подарки раненым бойцам в госпиталях Астрахани; верующие Сталинградской епархии собрали и передали в госпитали 2779 руб. [21, с. 120]. В. А. Македонская отмечает, что в апреле 1943 г. в Калужской области епископ Питирим (Свиридов) инициировал организацию шефства над местным госпиталем [8, с. 88]. Прихожане собрали 50 000 руб. и приобрели на них 500 подарков, которые были розданы раненым, также для раненых проводились концерты. Митрополит Константин (Горянов) от-

⁵ «Имя твое – Победитель!» – вклад еврейского народа в Великую Победу. URL: <https://www.samddn.ru/novosti/novosti/-imya-tvoe-pobeditel-vklad-evreyskogo-naroda-v-velikuyu-pobedu/> (дата обращения: 10.03.2025).

мечает, что после освобождения Киева, которое состоялось 6 ноября 1943 г., Покровский женский монастырь на собственные средства и своими силами оборудовал госпиталь [14]. До 1946 г. в качестве медсестер и санитарок в этом госпитале служили сестры монастыря, осуществляя свой христианский долг.

Отдельным направлением социальной помощи верующих во время Великой Отечественной войны являлась забота о детях-сиротах. В 1945 г. в Сталинградской епархии православными верующими в фонд помощи детям-сиротам было собрано 86 854 руб. [21, с. 120]. По окончании войны мусульманские общины Кузнецкого района Пензенской области собрали 3600 руб. на помощь инвалидам и сиротам Великой Отечественной войны [15, с. 33]. Отдельного внимания заслуживает история социальной помощи детям-сиротам, находящимся в детском трудовом лагере, организованном фашистами в посёлке Вырице летом 1942 г. на базе дома отдыха Ленинградской швейной фабрики им. Володарского⁶. В этом лагере были собраны дети с оккупированных территорий Ленинградской области и использованы не только для сельхозработ, но и для сбора крови, а также для проведения медицинских экспериментов. С первых дней открытия этого страшного учреждения иеросхимонах Русской Православной Церкви, а ныне прославленный святой в лике преподобных, Серафим Вырицкий призвал всех оставшихся взрослых жителей посёлка собрать детям тёплую одежду и еду. Вдохновлённые словами и примером батюшки жители помогали и по возможности спасали детей, оказавшихся в этом концлагере, до самого освобождения Вырицы войсками Красной Армии в январе 1944 г.

Таким образом, годы Великой Отечественной войны стали временем интенсификации религиозной жизни советских граждан. Потребность в религиозной вере не только не исчезла, но значительно возросла. Верующие люди стали открыто и публично заявлять о своих религиозных потребностях, проявлять инициативу в возобновлении, организации богослужебной деятельности на фронте, в тылу, в оккупации, в партизанском подполье. Участие в религиозной жизни было характерно не только для гражданских лиц и рядовых солдат, но

также для представителей военно-командного состава. Религиозные практики обрели значение и оказались востребованы, в том числе людьми, религиозно индифферентными. Частная молитва и повседневное использование объектов религиозного поклонения (нательных крестов, икон, ладанок), элементов религиозной одежды стали основными культовыми практиками в это время. Рутинное участие в богослужебной деятельности сопровождалось уникальными религиозными актами – просительными и благодарственными молебнами, крестными ходами во время боевых действий.

Социальные религиозные практики имели массовый характер. Они включали: частные денежные пожертвования и участие в массовых денежных благотворительных сборах в фонд обороны, в фонд раненых, в фонд семей военнослужащих, эвакуированных граждан, детей-сирот, инвалидов; покупку военной техники, медицинского транспорта и оборудования; покупку и пожертвование одежды, предметов быта, продуктов питания; уход за ранеными, проведение концертов в госпиталях. Условия военного времени актуализировали, в первую очередь, компенсаторное значение (функцию) как культовых, так и социальных религиозных практик верующих. Они играли роль адаптивных или функциональных копинг-стратегий, позволяющих адаптироваться в стрессовых ситуациях, адекватно реагировать на сложные обстоятельства, уменьшать уровень тревоги, справляться с деструктивными эмоциональными переживаниями и тяжёлыми эмоциональными состояниями, находить решения проблем, преодолевать трудности, обретать социально-психологическую поддержку. Дополнительными функциями религиозных практик в военный период выступали интегративная, ценностно-смысловая, нормативная функции. С одной стороны, социальные условия военного времени особым образом структурировали религиозную жизнь советских граждан. С другой стороны, возрождённая в период Великой Отечественной войны религиозная практика существенно ревитализировала социальные условия военного времени на уровне институций и на уровне отдельных субъектов.

Список литературы

1. Ammerman N. T. Introduction: Observing Modern Religious Lives // *Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives* / ed. by N. T. Ammerman.

⁶ Детство за колючей проволокой // Гатчинская правда. 2021. 10 апр. URL: <https://gtn-pravda.ru/2021/04/10/detstvo-za-koljuchey-provolokoy.html> (дата обращения: 10.03.2025).

- Oxford University Press, 2007. P. 3–18. <http://dx.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195305418.003.intro>
2. Трубина Е. Г., Сауд Лубна. От исследований повседневности к исследованиям религиозной повседневности: понятие «живой религии» // Манускрипт. 2020. Т. 13, вып. 11. С. 185–188.
 3. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М. : Республика, 1995. 511 с.
 4. Емельянов Н. В., Хайлова О. И. Гонения на Русскую Православную Церковь (1917–1950-е гг.) // Россия и современный мир. 2008. № 4 (61). С. 111–128. EDN: KDYGDN
 5. Гусева Я. Ю. Взаимоотношение Советского государства и Русской Православной Церкви в начальный период Великой Отечественной войны (на материалах Саратовского Поволжья) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 398–404. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-398-404>
 6. Палеолог М. В. Религиозные конфессии СССР в годы Великой Отечественной войны // Постсоветский материк. 2015. № 2 (6). С. 117–136.
 7. Уфимцева Е. И. Практики обращения в православие возрастной когорты 70+: модель «отложенного обращения» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 274–285. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-274-285>, EDN: DJYNLC
 8. Македонская В. А. Духовный фактор народной победы // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2015. № 5 (14). С. 83–90.
 9. Яковлев А. А. Саратовская епархия в годы Великой Отечественной войны. Саратов : Изд-во Саратовской епархии, 2005. 16 с. (Посвящается 60-летию Великой Победы).
 10. Кринко Е. Ф. Религиозная жизнь в тылу и на фронте в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета : электронный научный журнал. 2015. № 1 (13). С. 98–112. URL: <http://vestospu.ru/archive/2015/articles/Krinko1-13.html?ysclid=mbaoqj5u2s862083196> (дата обращения: 10.03.2025).
 11. Цеханская К. В. Война и вера: религиозный аспект подвига советских людей в годы Великой Отечественной войны // Метаморфозы истории. 2019. Вып. 13. С. 19–51.
 12. Шнеер А. Плен: Советские военнопленные в Германии 1941–1945 гг. М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2005. 620 с.
 13. Зеленова О. В. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. Т. 8, вып. 3. С. 52–63. EDN: UGTGML
 14. Константин (Горянов), митрополит. Вклад Русской Православной церкви в Победу в Великой Отечественной войне // Валаам. URL: <https://valaam.ru/publishing/26905/> (дата обращения: 10.03.2025).
 15. Королёва Л. А., Королёв А. А. Власть и мусульмане в СССР в Великой Отечественной войне (по материалам Пензенской области) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2010. Вып. 1 (13). С. 30–34.
 16. Федотов А. Патриотическое служение Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 // Благодатный огонь. URL: <http://www.blagogon.ru/biblio/716> (дата обращения: 10.03.2025).
 17. Фарберов А. И. Молебен у стен Кенигсберга // Пастырь. Июнь 2008. С. 68. URL: <https://old.glineskie.ru/common/mpublic.php?num=548> (дата обращения: 10.03.2025).
 18. Рашитова О. А. Государственно-церковные отношения в блокадном Ленинграде // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия: История. 2008. № 4. С. 46–55.
 19. Гришанина О. В. Информационный потенциал архивов Саратовской области в раскрытии темы «Саратовская епархия в годы Великой Отечественной войны» // Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны : материалы межрегион. практ. семинара (Саратов, 21 октября 2009 г.) / под ред. О. В. Гришаниной. Саратов : СП-Принт, 2009. 84 с.
 20. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. док. / сост. О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова. М. : Изд-во Крутицкого подворья. О-во любителей церковной истории, 2009. 786 с. (Материалы по истории церкви).
 21. Редькина О. Ю., Мордвинов С. В. Власть и церковь в 1943–1950 гг.: проблема церковной патриотической благотворительности (на материалах Нижней Волги и Дона) // Власть. 2012. № 4. С. 118–121.

Поступила в редакцию 09.04.2025, одобрена после рецензирования 29.04.2025, принята к публикации 30.08.2025

The article was submitted 09.04.2025, approved after reviewing 29.04.2025, accepted for publication 30.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 373–378

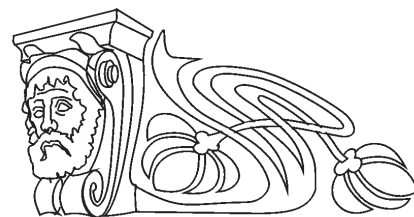
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 373–378

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-373-378>, EDN: FQBBZW

Научная статья
УДК 316.4.05

Развитие творческого потенциала в оценках курсантов военного института

Ю. Г. Быченко¹✉, Е. А. Зиновьева²

¹Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Россия, 410023, г. Саратов, ул. Московская, д. 158

²Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии, Россия, Саратовская область, 413865, г. Балаково, ул. Красная Звезда, д. 8/1

Быченко Юрий Григорьевич, доктор социологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук, bychenkoug@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2094-6453>

Зиновьева Евгения Александровна, кандидат социологических наук, и.о. заведующего кафедрой государственно-правовых дисциплин, sgap-balakovo@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1247-5359>

Аннотация. Уточнено содержание развития творческого потенциала как комплекса полученных, а также самостоятельно усвоенных умений, компетенций, способностей к творческому действию, а также мера их реализации в процессе осуществления военной службы. Обоснованы самооценочные зоны последовательной оценки развития творческих способностей: образовательная, а также служебно-трудовая (практическая). Доказано, что в военном институте в контексте обучения и одновременной реализации военной службы постепенно наблюдается переход от применения косных алгоритмов выполнения поставленных задач к реализации творческого потенциала по выработке оптимальных решений, действий, направленных на эффективное достижение поставленных служебных задач. Раскрыты факторы торможения развития творческого потенциала курсантов: недостаточный уровень обеспеченности компьютерной техникой; закрытость образовательных процессов и частичное ограничение доступа к внешним информационным ресурсам; традиционная организация учебных занятий, не предполагающих развитие творческих способностей; неэффективность системы мотивации творческой активности обучаемых. Предлагается частичный пересмотр традиционных подходов к военному образованию. Последнее включает, с одной стороны, резкое повышение компьютерного обеспечения образовательных процессов, расширение доступа обучаемых к внешним информационным потокам, с другой стороны, внедрение новых методов обучения, включая комплексное использование симуляторов, виртуальных тренажеров, игровых технологий и других инновационных инструментов, которые должны позволять моделировать сложные социальные ситуации и развивать у курсантов навыки принятия решений в условиях социальной неопределенности. Подчеркивается важность комплексной материальной и духовной мотивации процессов саморазвития и повышения творческой активности, развития и реализации аналитических способностей в процессе обучения, а также реализации служебно-трудовой деятельности.

Ключевые слова: творческий потенциал, образовательный процесс, курсанты, военный институт, научно-образовательная и служебно-трудовая деятельность

Для цитирования: Быченко Ю. Г., Зиновьева Е. А. Развитие творческого потенциала в оценках курсантов военного института // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 373–378. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-373-378>, EDN: FQBBZW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Development of creative potential in the assessments of cadets of the military institute

Yu. G. Bychenko¹✉, E. A. Zinovieva²

¹Saratov Military Order of Zhukov of the Red Banner Institute of the National Guard Troop, 158 Moskovskaya St., Saratov 410023, Russia

²Balakovo Branch of Saratov State Law Academy, 8/1 Krasnaya Zvezda St., Balakovo 413865, Saratov region, Russia

Yuri G. Bychenko, bychenkoug@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2094-6453>

Evgenia A. Zinovieva, sgap-balakovo@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1247-5359>

Abstract. The content of creative potential development as a complex of received and independently acquired skills, competencies, abilities for creative action, as well as the measure of their implementation in the process of military service are specified. The self-assessment zones of consistent assessment of creative abilities development are substantiated: educational, as well as service-labor (practical). It is proved that at

the military institute in the context of training and simultaneous implementation of military service there is a gradual transition from the use of rigid algorithms for completing assigned tasks to the implementation of creative potential in developing optimal solutions and actions aimed at effectively achieving assigned service tasks. The factors inhibiting the development of creative potential of cadets are revealed: insufficient level of provision of computer equipment; closed educational processes and partial restriction of the access to external information resources; traditional organization of classes that do not imply the development of creative abilities; inefficiency of the system of motivation of creative activity of students. The partial revision of traditional approaches to military education is proposed. The latter includes, on the one hand, a sharp increase in computer support for educational processes, expanding students' access to external information flows, and, on the other hand, the introduction of new teaching methods, including the integrated use of simulators, virtual trainers, gaming technologies and other innovative tools that should allow modeling complex social situations and developing cadets' decision-making skills in the conditions of social uncertainty. The importance of integrated material and spiritual motivation for the processes of self-development and increasing creative activity, developing and implementing analytical skills in the learning process, as well as implementing service and labor activities are emphasized.

Keywords: creative potential, educational process, cadets, military institute, scientific, educational and service and labor activities

For citation: Bychenko Yu. G., Zinovieva E. A. Development of creative potential in the assessments of cadets of the military institute. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 373–378 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-373-378>, EDN: FQBBZW

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В современных условиях происходят существенные изменения в структуре российского общества. Активизировались трансформации, вызванные эволюцией социально-экономического базиса индустриального комплекса, формируются инновационные организации, расширяется информационно-научный потенциал. Последнее определяет предпосылки инновационного развития формальной организации разного типа, в том числе и военного. В новых условиях всякая экономическая и духовная деятельность основывается на социальном взаимодействии, определяющем развитие творческого потенциала, его реализацию в процессе сбора, производства, хранения и обработки информационных потоков. Вместе с тем современные вызовы и угрозы, такие как кибервойны, гибридные конфликты, использование искусственного интеллекта и роботизированных систем, требуют от военных специалистов не только технической грамотности, но и способности к стратегическому аналитическому мышлению, анализу больших объемов информационных данных и прогнозированию развития ситуаций. В этой связи важно развитие у будущих офицеров навыков критического мышления, творческих аналитических способностей, работы в команде. Будущий офицер должен быть готов к взаимодействию с гражданскими специалистами [1], представителями науки и бизнеса, что требует от него не только военных, но и управленческих, коммуникативных навыков. Это особенно важно в условиях интеграции военных и гражданских технологий, когда успех военных операций

зависит от эффективного творческого аналитического действия, использования ресурсов и координации усилий различных гражданских и военных структур.

Таким образом, в современных условиях базовый ресурс функционирования военной организации необходимо связывать с потенциалом творческой аналитической деятельности военных акторов. Творческий потенциал будущих офицеров сегодня представляет собой базовый фактор не только в освоении поступающей на вооружение новой техники, но и в реализации инновационных военных знаний, определяющих процессы оптимизации служебно-трудовой деятельности воинских подразделений. Поэтому актуальным сегодня является исследование развития творческого потенциала обучающихся в военных институтах, оценки данных процессов со стороны не только администрации, но и самих курсантов, проходящих военную службу по контракту.

Теоретическое обоснование оценки развития творческого потенциала

В современной научной литературе представляются подходы по раскрытию содержания творческого потенциала, определяются критерии оценки его образовательного развития. Категория «творческий потенциал» раскрывается в рамках ряда научных концепций.

Так, на междисциплинарном уровне доказывается, что творчество представляет собой форму деятельностного потенциала современных субъектов трудовой деятельности [2]. Отмечается предрасположенность каждого субъекта труда к творчеству. При этом творческий

личностный потенциал формируется в процессе не только образовательной, но и трудовой деятельности. Он характеризуется системой творческих потребностей, свойств, способностей личности. Данные структурные компоненты и представляют собой непосредственный творческий потенциал [3]. Творческий потенциал – двойственное явление. С одной стороны, это результат образовательного развития способностей к разнородной творческой деятельности, с другой – набор саморазвивающихся потребностей к реализации процесса созидания нового, в ходе которого субъект труда обучается, а также удовлетворяет свой собственный интерес, социальную нужду в научно-образовательной деятельности [4]. Здесь творческий потенциал рассматривается как механизм трансформации системы трудовой деятельности, обеспечивает условия результативного познания и развития собственной жизнедеятельности индивидов.

Таким образом, в рамках междисциплинарного подхода сущность творческого потенциала представляется как форма человеческого потенциала. Уточняется его проявление в виде характеристик возможностей созидать, формировать и обрабатывать знания, творить, обобщать, находить новые подходы, принимать оптимальные профессиональные решения.

Научные исследования в рамках концепций социологии образования сосредоточены на процессе реализации образовательного развития творческого потенциала и на результатах его накопления в процессе функционирования организационных структур. Так, Т. Шульц отмечает, что образование представляет собой процесс формирования характеристик творческого потенциала в форме способностей к аналитическому творчеству. Раскрывается подход, согласно которому творческие способности производятся с помощью трудовой, а также образовательной деятельности, что важно как для хозяйственных, так и для иных типов организаций [5]. Конкретизирует данный подход Д. Бегг. Согласно его позиции, творческий потенциал трактуется, с одной стороны, как результат, с другой стороны, как ресурс социального развития всякой формальной организации.

Творческий потенциал представляет собой форму профессионального креативного опыта, сформированного и профессионально накопленного индивидом. Он является основной социальной ценностью организации, а также связан с развитием навыков работы с информа-

цией и определяет универсальный потенциал роста эффективности инновационной деятельности, повышает доход как «отдельных личностей, так и трудовых коллективов в целом» [6, с. 198]. Г. Е. Скоров обращает внимание на то, что оценка творческого потенциала может осуществляться как внешними агентами (администрацией), так и самими носителями потенциальных творческих способностей [7]. Социологическая самооценка носителей творческого потенциала рассматривается как необходимый атрибут его диагностики.

Н. Б. Шумакова обосновывает необходимость динамического оценивания развития творческого потенциала в рамках анализа нескольких временных периодов, а также ряда нескольких видов действия (прежде всего трудового, образовательного, научного). Здесь предлагается рассматривать две зоны последовательного развития творческих способностей [8]. Первая зона – трансформация образовательной и научной ориентации на творческую реализацию способностей [9], вторая – практики проявления и реализации научно-инновационных трудовых действий [10]. Двойственная направленность социальной оценки призвана выявить индивидуальный [11], а также коллективный профиль проявления креативности способности индивидов, представить возможность субъективного измерения творческих потребностей и способностей как базовых форм проявления творческого потенциала [12].

Таким образом, в работах по социологии образования, с одной стороны, уточняется содержание творческого потенциала в образовательном и профессионально-практическом контексте как характеристики возможностей созидать, формировать и обрабатывать знания, с другой стороны, раскрывается специфика административной (целевой) и социологической (самооценочной) оценки данного потенциала. Социальные перспективы оптимизации социальных методов определяют последовательное развитие творческого потенциала как в процессе обучения, так и непосредственно при реализации практических профессиональных действий акторов. Используя представленные методологические разработки, проведем оценку развития творческого потенциала курсантов военного института.

Эмпирическая база включает социологический опрос курсантов Саратовского военного института войск национальной гвардии Рос-

сийской Федерации. Исследование проведено в 2023 г. Обследованы 300 курсантов, обучающихся на втором, третьем, четвертом и пятом курсах.

Социологическая диагностика развития творческого потенциала в образовательном процессе. В результате проведенного анализа данных ответов курсантами на вопросы анкеты была выявлена общая тенденция, определяющая повышение уровня развития творческого потенциала в процессе обучения в военном институте. Высокий уровень развития определяют 24% обучающихся на втором курсе, 21% – на третьем, 26% – на четвертом и 47% – на пятом курсах обучения. Несложно заметить общую динамику роста творческого потенциала по мере перехода курсантов на последующий курс обучения. Вместе с тем отметим, что на выпускном курсе курсанты активно включаются в реализацию научной деятельности, что определяет существенный рост развития и образовательного накопления творческого потенциала. Практически все респонденты-пятикурсники (99%) активно осуществляют самостоятельный поиск, обработку, формирование (производство) нового военного знания.

Таким образом, отметим два момента. Проявляется высокий общий совокупный показатель развития творческого потенциала курсантов военного института. Суммарный показатель высокого и достаточного уровня развития творческого потенциала в процессе образовательных практик составляет около 65%. При этом отдельная оценка данных процессов курсантами второго и третьего курсов представляется достаточно низкой. Последнее говорит о том, что на первом, втором, третьем годах обучения в образовательных программах формированию научно-аналитических способностей курсантов уделяется недостаточно внимания.

Курсанты демонстрируют достаточно высокий уровень самооценки личного творческого потенциала. Это подтверждается анализом ответов на следующий вопрос анкеты: «Имеете ли Вы достаточный уровень творческого потенциала для успешного выполнения военной службы?». Положительный ответ дали 25% респондентов, 43% – скорее «да» (отрицание ответа «нет»). Совокупность положительных ответов составила 68%. Не вызывает сомнения тот факт, что курсанты представляют завышенную самооценку собственного творческого потенциала.

Эта гипотеза подтверждается также и результатами ответов респондентов на следующий вопрос анкеты: «Часто ли возникает ситуация, когда Вами ощущается недостаток уровня собственного творческого потенциала?» На данный вопрос 11% курсантов дают положительный ответ; 62% констатируют, что такие ситуации происходят, хотя и не часто. При этом только 27% респондентов утверждают, что в последние месяцы подобные ситуации с ними не случались в процессе службы и обучения в военном институте. Несложно заметить проявление неискренности в ответах некоторых курсантов. Они, с одной стороны, дают повышенную самооценку имеющегося творческого потенциала, с другой – акцентируют внимание на том, что уровень творческих способностей недостаточен для успешной реализации их военной службы.

Следующий вопрос анкеты определяет возможность уточнения форм деятельности, которые определяют интеллектуально-творческие затруднения у курсантов. Так, 39% респондентов связывают базовые проблемы с попыткой анализа информационных потоков. Для 27% курсантов проблемы возникают при попытке сбора важной информации, поиска необходимых знаний во внешней среде военного института. Не имеют творческих аналитических навыков оформления полученных информационных данных 8% опрошенных.

Таким образом, наиболее серьезные проблемы при реализации на практике творческого потенциала у курсантов возникают при попытке получения доступа к компьютерной технике, возможности выхода на внешнее информационное поле института. Затруднения имеются также в процессе не только поиска информационных ресурсов, но и их обработки и обобщения, при анализе и формировании необходимой информационной базы. Последнее говорит о том, что в среде военного института имеются противоречия, тормозящие динамичное развитие творческого потенциала обучающихся. Рассмотрим, как данные проблемы видят сами обучающиеся в военном институте.

Так, на вопрос: «Что является фактором торможения развития творческого потенциала курсантов военного института?» – 31% опрошенных указывают на проблемы доступа к компьютерной технике и внешним информационным ресурсам в целом; 12% обращают

внимание на организацию учебных занятий, не предполагающих развитие творческих способностей; 11% акцентируют внимание на неэффективности системы мотивация творческой активности обучаемых; 6% отмечают отсутствие целевой ориентации образовательных программ на развитие творческого потенциала курсантов; 5% связывают проблемы с недостаточным уровнем творческих способностей командиров. Несложно заметить, что курсанты уверены во взаимосвязи причин, не дающих возможности динамично накапливать творческий потенциал. Они отмечают системность факторов торможения развития творческого потенциала обучаемых в военном институте. Наиболее существенные недостатки образовательного процесса проявляются в следующем:

- служебная и образовательная деятельность курсантов не имеет необходимого обеспечения компьютерной техникой;
- обучаемые имеют ограниченные возможности в доступе к внешним образовательным информационным ресурсам;
- часть образовательных программ не нацелена на развитие творческих способностей курсантов.

Теоретические выводы и обобщения

Творческий потенциал курсантов представляет собой комплекс полученных, а также самостоятельно усвоенных и реализуемых умений, компетенций, способностей к творческому действию. В рамках реализации образовательной деятельности в военном институте у курсантов целенаправленно развивают творческий потенциал. Выявлена взаимосвязь временных рамок образовательного процесса и динамики развития творческого потенциала акторов. В процессе обучения и одновременной реализации военной службы наблюдается постепенный переход от применения косных алгоритмов выполнения поставленных задач к реализации творческого потенциала по выработке оптимальных решений, действий в рамках поставленных служебных проблем. По мере перехода на последующий курс обучения расширяется состав решаемых задач с применением информационных механизмов. Это приводит к необходимости обновления творческих способностей расширения навыков сбора информационных потоков, анализа, обобщения, обработки информации.

Выявлены факторы торможения развития творческого потенциала, основные из которых следующие:

- 1) недостаточный уровень обеспеченности компьютерной техникой;
- 2) закрытость образовательных процессов и ограничение доступа к внешним информационным ресурсам;
- 3) традиционная организация учебных занятий, не предполагающих обязательного развития творческих способностей;
- 4) неэффективность системы мотивации творческой активности обучаемых.

Курсанты ориентированы на завышение профессиональной самооценки и отказываются от реалистичной объективной самостоятельной оценки имеющегося у них творческого потенциала. Несложно заметить здесь серьезную военно-образовательную проблему – замкнутость, а также недостаточную универсальность и открытость системы гуманитарного обучения будущих офицеров. По этой причине большинство курсантов второго, третьего курсов по-прежнему ориентированы на стабильные алгоритмы реализации действий как в системе обучения, так и в комплексах военной службы. Они не всегда понимают необходимые потребности в творческом потенциале. Последнее не влияет на условия стабильной оптимизации служебной деятельности и достижение эффективных практик профессионального целевого образовательного саморазвития.

В перспективе в военных институтах необходимо усиление ориентации на формирование у курсантов не только профессиональных знаний и навыков, но и таких качеств, как творческая креативность, гибкость мышления, способность к самообучению и адаптации. Это требует пересмотра традиционных подходов к военному образованию.

Во-первых, важно резко повысить компьютерную обеспеченность образовательных процессов, расширить доступ обучаемых к внешним информационным потокам. Во-вторых, необходимо внедрение новых методов обучения, включая использование симуляторов, виртуальных тренажеров, игровых технологий и других инновационных инструментов, которые позволят моделировать сложные ситуации и развивать у курсантов навыки принятия творческих решений в условиях социальной неопределенности. Важным аспектом является усиление материальной и духовной мотивации

к постоянному саморазвитию и повышению творческих аналитических способностей. В условиях быстро меняющегося мира и постоянного внедрения новых технологий военный специалист должен быть готов к непрерывному обучению и самостоятельному освоению новых знаний. Это требует создания соответствующей образовательной среды, которая будет стимулировать курсанта к постоянному профессиональному росту и творческому саморазвитию.

Таким образом, строительство инновационной военной организации Вооруженных сил, ее способность обеспечить военно-политическую безопасность России требуют качественного преобразования системы профессионального военного образования. Это включает в себя не только модернизацию учебных программ, внедрение активных методов обучения, но и формирование новой культуры военно-профессионального взаимодействия, основанной на творческом подходе, инновационном мышлении и готовности к постоянному развитию будущих офицеров. Только такие специалисты смогут эффективно решать сложные задачи, стоящие перед современной армией, и обеспечивать безопасность страны в условиях новых внешних вызовов и угроз.

Список литературы

1. Баландина Т. М., Хвостанцев С. В. Профессиональная адаптация офицеров национальной гвардии России // *Промышленность: экономика, управление, технологии*. 2017. № 3 (67). С. 167–171.
2. Горвая В. И., Петрова Н. Ф. Творческий потенциал личности и его развитие // *Вестник университета*. 2013. № 11. С. 135–139. EDN: RTQVNX
3. Адакин Е. Е. Прогностическая модель формирования творческого потенциала студентов в системе заочного обучения // *Социально-гуманитарные знания*. 2004. № 4. С. 239–245.
4. Богоявленская Д. Б. Механизм творчества: почему мы открываем новое // *Вопросы философии*. 2021. № 9. С. 82–89. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-9-82-89>, EDN: WXLLWL
5. Schultz T. W. Resources for Higher Education: An Economist's View // *The Journal of Political Economy*. 1968. Vol. 76, № 3. P. 327. <https://doi.org/10.1086/259408>
6. Begg D., Fischer S., Dornbusch R. *Economics*. 3rd ed. London, etc. : McGraw-Hill book co., 1991. 667 p.
7. Скоров Г. Е. Развивающиеся страны: образование, занятость, экономический рост. М. : Наука, 1971. 368 с.
8. Баландина Т. М., Гильфанова М. Г. Организационная культура военной организации: сущность и специфические проявления // *Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии*. 2022. № 2 (7). С. 70–74.
9. Тигров В. П. Творческий потенциал личности учащегося: сущность, структура, уровни развития // *Вестник Университета Российской академии образования*. 2007. № 2. С. 50–55. EDN: NBOSJT
10. Шумакова Н. Б. Творческий потенциал и его изменение в современных зарубежных исследованиях // *Современная зарубежная психология*. 2021. Т. 10, № 4. С. 8–16. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100401>
11. Быченко Ю. Г., Передумов М. А. Социокультурная среда военнослужащих: основные характеристики // *Primo Aspectu*. 2022. № 4 (52). С. 22–31. <https://doi.org/10.35211/2500-2635-2022-4-52-22-31>
12. Быченко Ю. Г., Зиновьева Е. А. Саморазвитие информационной культуры у студентов высших учебных заведений // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2022. № 1. С. 19–22. <https://doi.org/10.23672/14216-8087-9272-o>, EDN: YUUSVW

Поступила в редакцию 18.03.2025, одобрена после рецензирования 17.04.2025, принята к публикации 30.08.2025
The article was submitted 18.03.2025, approved after reviewing 17.04.2025, accepted for publication 30.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 379–386
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 379–386
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-379-386>, EDN: HMKDWG

Научная статья
УДК 364-7

Причины, мотивы и жизненные контексты обращения к социальному контракту по направлению «Индивидуальная предпринимательская деятельность»

Е. В. Кузьмина

Ульяновский государственный университет, Россия, 432017, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42

Кузьмина Елена Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и культурологии, lenastar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0498-9034>

Аннотация. Социальный контракт как форма государственной социальной помощи наиболее активно стал использоваться с 2021–2022 гг., когда все субъекты Российской Федерации начали получать федеральное софинансирование, хотя и до этого практиковался в ряде регионов как пилотный проект. Он призван стимулировать собственные усилия гражданина по выходу из бедности, помогая повысить уровень дохода в долгосрочной перспективе, поддерживая предпринимательские и иные трудовые инициативы. В данной статье отражены результаты исследования, проведенного в 2022–2023 гг. в Ульяновской области с использованием качественных методов – интервью с получателями данной меры поддержки и экспертами, оказывающими помощь в ее оформлении, в написании бизнес-плана и пр. Изучались в том числе мотивы, причины и жизненные контексты принятия решения о заключении социального контракта гражданами по направлению «Индивидуальная предпринимательская деятельность». Как показали результаты исследования, основной причиной его заключения являлось осознанное желание начать/расширить свое дело за счет приобретения оборудования или оснащения своего рабочего места, стремление реализовать в качестве мастера, изготавливающего изделия своими руками или оказывающего услуги населению и при этом зарабатывающего, нередко и перевести любимое занятие из разряда хобби в источник получения дохода. Для части информантов стимулом стало желание сменить работу, которая не подходила в силу различных причин, и начать свое дело. Молодых женщин, имеющих детей, привлекла возможность трудиться в удобном для них графике. У части респондентов стремление заключить контракт было связано с желанием иметь не просто хорошо оборудованное, а отдельное от дома рабочее место, пространство (за счет аренды помещений). Как правило, получатели помощи имели определенную подготовку в той сфере, в которой они планировали трудиться (профессиональное образование, владение навыками в производстве или оказании услуг на основе предыдущего опыта работы или умение делать что-то своими руками на уровне хобби).

Ключевые слова: социальный контракт, причины заключения соцконтракта, индивидуальная предпринимательская деятельность, поддержка предпринимательства

Благодарности: Исследование выполнено в рамках работы управления экспертно-аналитического сопровождения деятельности Губернатора Ульяновской области.

Для цитирования: Кузьмина Е. В. Причины, мотивы и жизненные контексты обращения к социальному контракту по направлению «Индивидуальная предпринимательская деятельность» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 379–386. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-379-386>, EDN: HMKDWG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Reasons, motives and life contexts of applying to the social contract in the direction of individual entrepreneurial activity

E. V. Kuzmina

Ulyanovsk State University, 42 Leo Tolstoy St., Ulyanovsk 432017, Russia

Elena V. Kuzmina, lenastar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0498-9034>

Abstract. The social contract as a form of state social assistance began to be most actively used from 2021–2022, when all constituent entities of the Russian Federation began to receive federal co-financing, although before that it had been practiced in a number of regions as a pilot project. It should to stimulate a citizen's own efforts to get out of poverty, helping to increase income in the long term, supporting entrepreneurial and other labor initiatives. This article reflects the results of the study conducted in 2022–2023 in Ulyanovsk region using quality methods - interviews with recipients of this support measure and experts who assist in the design, writing business plans, etc. We studied motives, reasons and life contexts for deciding on the conclusion of a social contract by citizens in the direction of individual entrepreneurial activity. The study showed, that the main reason for making contracts was a conscious desire to start/expand self-made business products by purchasing equipment or equipping

their workplaces, the desire to self-realization or provides services to the population and transfer one's favorite occupation from the category of hobbies to a source of income. For some informants, the incentive was the desire to change jobs, which were not suitable for various reasons and start their own business. Young women with children were attracted by the opportunity to work by the schedule convenient for them. For some respondents, the desire to conclude a contract was associated with the desire to have not just a well-equipped, but a separate workplace from the house, space (due to the lease of premises). As a rule, recipients of assistance had some training in the field in which they planned to work (vocational education, mastery of skills in the production or provision of services based on the previous work experience or the ability to do something with their own hands at the level of a hobby).

Keywords: social contract, reasons for concluding a social contract, individual entrepreneurial activity, supporting entrepreneurship

Acknowledgements: The study was carried out as part of the work of the Department of Expert and Analytical Support of the Activities of the Governor of the Ulyanovsk region.

For citation: Kuzmina E. V. Reasons, motives and life contexts of applying to the social contract in the direction of individual entrepreneurial activity. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 379–386 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-379-386>, EDN: HMKDWG

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В последние годы одним из наиболее важных направлений социальной политики Российского государства является предоставление различных видов социальной поддержки населению, прежде всего тем, кто находится в состоянии бедности. Социальный контракт как форма государственной социальной помощи реализуется в России уже с 2013 г. [1, с. 331], (законодательно закреплён годом ранее), а как пилотный проект в некоторых регионах – с 2010 г. [2, с. 141]. В Ульяновской области подобная практика начала осуществляться с 2014 г. в виде выдачи продуктовых карт. Членам малоимущей семьи или одиноко проживающему гражданину выдавались карты на покупку продуктов питания. Но такая мера поддержки мало способствовала развитию собственной инициативы получателей по выходу из состояния бедности.

Сам социальный контракт и его понимание значительно менялось за последние годы. В настоящее время он нацелен на то, чтобы стимулировать собственные активные действия граждан, способствующие получению постоянных самостоятельных источников дохода и улучшающие их материальное положение. Социальный контракт, по сути, является смешанной формой помощи социально незащищённым гражданам, поскольку способен поддерживать предпринимательские или иные трудовые инициативы и помогает повысить уровень дохода, причем в долгосрочной перспективе, позволяя выйти из бедности и даже преодолевая ее причины. Он представляет собой соглашение, которое заключается между гражданином и органом социальной защиты населения, оказывающим ему государственную социальную помощь (ГСП), который в свою очередь обязан исполнить положения социального контракта в полном объеме, включая программу социальной

адаптации¹. Такая форма ГСП на основании социального контракта оказывается гражданам, которые имеют среднедушевой доход семьи ниже величины прожиточного минимума, установленного в регионе.

В 2020 г. Министерство труда РФ организовало пилотный проект по отработке подходов к предоставлению социального контракта в 21-м российском регионе, который сопровождался федеральным финансированием². С 2021 г. данная программа была запущена в 84 субъектах РФ на условиях федерального софинансирования (за исключением г. Москвы, там только за счет средств регионального бюджета), и социальный контракт реализуется по четырем основным мероприятиям: поиск работы; осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности (далее – ИПД); ведение личного подсобного хозяйства (ЛПХ); осуществление иных мероприятий, направленных на преодоление трудной жизненной ситуации³.

¹ Методические рекомендации по оказанию государственной социальной помощи на основании социального контракта : приказ Минтруда России от 03.08.2021 № 536. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2004> (дата обращения: 20.03.2025).

² Доклад Антона Котякова о развитии механизмов государственной социальной поддержки гражданам на основе социального контракта. URL: <https://www.mintrudkchr.ru/news/doklad-antona-kotyakova-o-razvitiimehanizmov-gosudarstvennoy-socialnoy-pomoshchigrzhdanam-na-osnove-socialnogo-kontrakta> (дата обращения: 12.03.2025).

³ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ результативности оказания в 2021 и 2022 годах государственной социальной помощи на основании социального контракта с точки зрения снижения бедности» (перечень поручений Президента Российской Федерации от 1 сентября 2022 г. Пр-1553, пункт 8) // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2023. № 5. Социальная помощь. С. 2. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/512/qmfsuq0rrfni4f73dtbpm6wsfihvmb.pdf> (дата обращения: 14.03.2025).

Подписание социального контракта предполагает добровольность участия, выполнение программы адаптации, которая включает ряд мероприятий, а на начальном этапе при оформлении пакета документов для заявки – написание бизнес-плана (для ИПД). Выплаты по соцконтракту осуществляются только по целевому назначению (в период проведения исследования максимальная сумма на поддержку предпринимателей составляла 300 тыс. руб., позднее – уже 350 тыс. руб.)

В 2022 г. в целом по стране социальным контрактом было охвачено 875,6 тыс. граждан (в 2023 г. – 718,5 тыс.), заключено 276,3 тыс. соцконтрактов (в 2023 г. – 244,9 тыс.), из них на осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности – 90,3 тыс. (32,7%), в следующем году – уже 95 тыс. (38,8%)⁴.

В Ульяновской области в 2022 г. 4507 человек оформили соцконтракты, из них получили помощь в организации своего дела 929 (21%). В следующем году жители области оформили более 4000 социальных контрактов, из них 826 – на развитие индивидуальной предпринимательской деятельности⁵. В 2024 г. в данном регионе было заключено 3909 контрактов, из них 733 – на поддержку бизнеса⁶.

В целом по России по итогам 2022 г. в 70,6% случаев соцконтракт позволил повысить доходы участников программы; 28,7% из заключивших его смогли преодолеть порог бедности, а по направлению «Развитие индивидуальной предпринимательской деятельности» – около 38,0%. Как подчеркивала первый заместитель министра труда и социальной защиты О. Баталина, соцконтракт помогает семье сформировать долгосрочный источник дохода⁷. Причем в следующем, 2023 г. финансирование социального контракта в целом по РФ из средств федерального бюджета значительно возросло, в том числе

за счет увеличения выплат на ведение личного подсобного хозяйства и развитие индивидуального предпринимательства, и составило около 35 млрд руб.⁸

С ноября 2022 г. по июнь 2023 г. было проведено социологическое исследование «Практики реализации социального контракта в Ульяновской области». При этом детально изучались два направления – реализация индивидуальной предпринимательской деятельности и ведение личного подсобного хозяйства, поскольку именно они в большей степени способствуют преодолению домохозяйством планки малообеспеченности. Объектом исследования стали практики реализации социального контракта по мероприятиям ИПД и ЛПХ в видении самих получателей данного вида государственной социальной помощи и в оценке экспертов в Ульяновской области (на примере четырех муниципальных образований). Одной из задач было изучение мотивов, причин и жизненных контекстов принятия решения о заключении социального контракта получателями данного вида государственной социальной помощи по направлениям ИПД и ЛПХ. В качестве локаций проведения исследования были определены четыре района Ульяновской области (Вешкаймский, Инзенский, Мелекесский, Ульяновский). Основным методом сбора первичных данных стали интервью с получателями социального контракта по направлениям ИПД и ЛПХ и экспертами. В каждом из выбранных муниципальных образований были проинтервьюированы пять человек, уже заключивших или завершивших социальный контракт, всего 20 интервью с получателями.

В качестве экспертов в каждом указанном районе выступили сотрудники органов социальной защиты, непосредственно работающие с заявителями, директора центров развития предпринимательства (так как они консультируют соискателей по составлению бизнес-планов), главы и заместители глав администраций муниципальных образований, многие из которых лично освещали тему заключения соцконтракта на встречах с жителями районов и на своих страницах в госпабликах и др. Всего было проведено 29 экспертных интервью. Полевой этап исследования проходил в период осень 2022 г. – весна 2023 г. Также в качестве вспомо-

⁴ Лучшие практики субъектов Российской Федерации по оказанию государственной социальной помощи на основании «Социального контракта» (2024 г.) С. 4. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/2235> (дата обращения: 09.03.2025).

⁵ В 2023 году более четырёх тысяч социальных контрактов оформили жители Ульяновской области. URL: <https://ulgov.ru/news/index/permlink/id/65230/> (дата обращения: 28.03.2025).

⁶ Социальный контракт до 350 000 руб. URL: https://www.xn--73-6kcan6a8aeugr6b7h.xn--p1ai/soc_contract (дата обращения: 08.04.2025).

⁷ Социальный контракт признан действенной мерой поддержки // Российская газета. 2023. 30 мая. URL: <https://rg.ru/2023/05/30/vyshli-iz-bednosti.html> (дата обращения: 11.03.2025).

⁸ Финансирование программы соцконтрактов в 2023 году составит 35 млрд. рублей. URL: <https://www.vesti.ru/article/3062780> (дата обращения: 18.03.2025).

гательного метода был применен контент-анализ местных СМИ с целью изучения формата и количества публикаций, сюжетов о заключении гражданами соцконтракта (включая все районные газетные издания в Ульяновской области), поскольку данная мера поддержки активно популяризировалась местными медиа, и такое освещение в определенной мере оказало влияние на принятие решений об оформлении жителями области социального контракта.

Актуальность изучения этой темы и проведенного исследования обусловлена тем, что ранее опубликованные немногочисленные научные статьи [3] и доклады профильных министерств оперировали скорее статистическими данными, а более глубокого анализа с применением качественных методов до этого не проводилось. (Хотя в отдельных городах и регионах изучалось отношение к соцконтракту самих получателей данного вида помощи посредством опросов методом анкетирования, например, об информированности граждан о данной мере поддержки в одном из районов Москвы [4] или о ее соответствии потребностям малоимущих получателей в Республике Мордовия [5].) Между тем Президент РФ еще в 2022 г. дал поручение ОНФ проанализировать эффективность социального контракта. Эксперты фонда пришли к выводу, что она выше у поддержки предпринимательства, хотя не все получатели средств далее стали вести свое дело⁹. Все это также говорит о значимости изучения мотивов и причин обращения к соцконтракту по данным мероприятиям.

В статье будет уделено внимание именно направлению ведения индивидуальной предпринимательской деятельности. Несмотря на то, что мотивы различаются и во многом зависят от жизненной ситуации, в которой оказался получатель государственной социальной помощи, индивидуального опыта, а также от обладаемых им навыков и компетенций, можно выделить некоторые общие или типичные моменты.

Наиболее распространенной причиной обращения к такой мере поддержки, как социальный контракт по направлению ИПД среди тех, кто уже занимается каким-то своим делом в качестве хобби (без массовых продаж, например, штучно реализует изготавливаемую

продукцию знакомым) или на уровне микро-бизнеса, является стремление поддержать или развить его. Как правило, это происходит за счет закупки оборудования на средства соцконтракта или другим образом производится оснащение своего рабочего места.

В отдельных случаях причиной, которая подталкивает к тому, чтобы воспользоваться данной мерой поддержки по направлению ИПД, является или перспектива/угроза увольнения, или уже реальная потеря рабочего места. Кроме того, при увольнении или уходе с работы появляется временный ресурс, высвобождается свободное время для того, чтобы серьезно планировать будущий бизнес (как минимум написать бизнес-план) или в некоторых случаях начать заниматься им еще до подписания соцконтракта (как апробация данного вида бизнес-деятельности). Наличие определенного объема свободного времени важно и для тех, кто остается официально трудоустроен и при этом регистрируется в качестве самозанятого. Как правило, у таких получателей график работы позволяет выделять часть дней в рабочей неделе для ведения собственного бизнеса (например, для мужчин, работающих охранниками при графике дежурств – сутки через трое).

Также хорошим мотивом и стимулирующим моментом является желание сменить работу, которая не нравится или не подходит по каким-либо другим причинам (например, жесткий график работы для матери-одиночки или женщины, у которой на данный момент есть маленькие дети). Кроме того, социальный контракт, что очень важно для получателей, дает возможность заняться любимым делом в удобном для них временном режиме, а для части получателей – реализовать в любимом деле.

Таким образом, желание заниматься интересной для получателя деятельностью является весьма мощным мотивирующим фактором. Кроме того, он в определенной мере гарантирует, что, начав определенное дело (а в большинстве случаев продолжив его, уже имея опыт), не бросит его, столкнувшись с определенными трудностями при ведении своего бизнеса, которое обычно сопряжено с множеством сложностей. Здесь важна внутренняя мотивация заниматься определенной деятельностью (которая есть практически у всех успешно практикующих свое дело и подписавших соцконтракт, как показало исследование), а не просто желание разово получить денежные средства.

⁹ Эксперты выявили неэффективность соцконтракта для части бедных. URL: <https://www.rbc.ru/economics/29/07/2022/62e24b7a9a79479f90a4314b> (дата обращения: 17.03.2025).

В то же время, как было уже отмечено, для части женщин, имеющих детей и решивших открыть свой бизнес на средства социального контракта, едва ли не основной причиной стала возможность выстраивания гибкого графика работы для того, чтобы больше времени уделять семье (особенно это актуально для мам с маленькими детьми и женщин, воспитывающих ребенка или детей без мужа и помощи других родственников).

Анализ интервью-высказываний респондентов показал, что как причиной обращения к социальному контракту по направлению ИПД, так и необходимым условием его успешной реализации является наличие определенных навыков, которыми владеют заявители еще до его подписания. Чаще всего имеется в виду опыт и умение делать что-то своими руками (например, изготавливать мебель или предметы интерьера из дерева, делать украшения или подарочное фигурное мыло, шить или ремонтировать одежду, вязать, заниматься ремонтом бытовой техники и пр.). Причем не всегда это касается только навыков ручного труда. В ряде случаев речь идет о более высоких компетенциях, предполагающих наличие соответствующего профильного образования и даже обширного опыта работы по специальности (например, когда речь идет об открытии детского развивающего центра, языкового кабинета или же ветеринарной клиники).

Наряду с этим, по мнению самих информантов, должны быть как определенный уровень психологической готовности к определенным рискам (любой бизнес, даже небольшой, всегда с ними связан), так и сформированное у соискателя стремление продолжать или даже в большей степени развивать свое дело, которое до подписания контракта у части заявителей реализовывалось на уровне хобби и/или было связано с получением лишь небольшого дополнительного дохода.

Если говорить об определенном уровне компетенций, который необходим для ведения некоторых видов бизнесов (часто социально значимых и востребованных, особенно в районных центрах и крупных селах), то само наличие профильного образования, квалификации, опыта и стажа работы по специальности как раз и становится тем ресурсом, который впоследствии позволяет зарабатывать самостоятельно и развивать свой бизнес. Стоит привести некоторые примеры, подтверждающие данное

положение. Так, высококомпетентная учительница английского и немецкого языков открыла свой языковой кабинет (репетиторский центр) на собственные средства, но оборудовала его за счет поддержки соцконтракта в р.п. Н. Майна (закупила удобные парты, оборудование и пр.). И ее услуги – занятия английским языком – оказались более чем востребованными в округе. Похожим образом обстоит дело и с другим репетиторским центром, организованным молодой мамой-учительницей в другом сельском районе, но там уже преподавались другие предметы. А еще одна молодая женщина – ветеринар с хорошим базовым профильным образованием, полученным в г. Москве, и большим опытом работы по специальности – создала ветеринарную клинику в р.п. Вешкайме, оснастив ее на средства соцконтракта. За лечением животных к ней теперь обращаются, приезжая даже из других, весьма удаленных районов области.

Таким образом, в ряде случаев мотивом получения социального контракта по направлению ИПД является не только желание и потребность реализовать в качестве мастера, что-то изготавливающего своими руками, но и профессионала в сфере интеллектуального труда и иногда даже творческой деятельности (например, педагога языкового кабинета, развивающего центра для детей, изостудии и пр.). Несмотря на то, что данные случаи не столь распространены, они, тем не менее, не единичны. Так, в период после окончания проведения исследования молодая учительница уже в текущем году открыла мини-школу английского языка для детей в другом сельском районе – Барышском – с помощью соцконтракта, она приобрела мебель, учебники и пр. Особенно подобные виды образовательных услуг важны и востребованы в селах или в поселках городского типа, где подобных предложений не много, а в основном – критически мало. Кроме того, они являются социально значимыми для жителей, поэтому их поддержка крайне важна в местных сообществах. Подобные случаи – оснащения изостудий или других центров для занятий с детьми – есть и в городе.

Встречаются также случаи, когда социальным контрактом интересуются и стремятся его подписать те, кто уже работает, но нелегально, без регистрации ИП и самозанятости, но имея при этом определенный, иногда даже обширный круг клиентов. Как показали результаты исследования – анализ интервью с получателями

данного вида помощи и согласно экспертным оценкам – в Ульяновской области наиболее типично это было для услуг сферы красоты: ногтевой сервис, услуги мастеров-бровистов, по наращиванию ресниц и пр. Таким образом, можно выделить еще одну, уже менее явную, скорее, латентную функцию социального контракта: в ряде случаев он способствует тому, что и эксперты, и получатели называют «выход из тени» или легализация доходов. В этой связи стоит отметить, что, согласно данным Счетной палаты РФ за 2021 и 2022 гг.¹⁰, наиболее распространенными направлениями ИПД среди получателей ГСП на основе соцконтракта стали услуги в сфере красоты – 27,4 и 25,6% соответственно.

Как уже было отмечено ранее, наиболее явной причиной, буквально подталкивающей обратиться за средствами соцконтракта тех, кто уже ведет свой небольшой бизнес, является необходимость в приобретении или обновлении оборудования, а также в аренде помещений, хотя бы на начальный период. (По словам самих информантов, собственных средств на этапе старта бизнеса, как правило, не хватает, а пользование кредитами обходится очень дорого.) Однако первый момент наиболее типичен, причем это относится к разным видам бизнеса. Так, например, женщина-швея, занимавшаяся ремонтом и подгоном одежды в г. Инза и уже давно работавшая на себя (оформляла сначала ИП, затем самозанятость), обратилась за данным видом государственной социальной помощи в основном из-за того, что ей было необходимо новое оборудование – швейная машина с большим набором функций, оверлог и др. Подобные практики, например открытие или переоснащение швейных ателье на средства соцконтракта, встречаются в разных районах области (например, в Мелекесском, Старомайском и др.).

Нужно отметить, что часть информантов сподвигло к оформлению пакета документов для получения средств соцконтракта по направлению ИПД то, что ранее они работали

дома (оказывали услуги на дому, как, например, мастер сферы красоты, репетитор или ветеринар), а полученные средства помогли им территориально разделить рабочее место и дом (открыть салон, кабинет или ветклинику).

Таким образом, для части респондентов стремление заключить соцконтракт было связано именно с желанием иметь не просто хорошо оборудованное, а отдельное от дома рабочее место, пространство. Средства ГСП не всегда в таком случае тратятся на аренду, нередко они оплачивают ее сами за счет того, что компенсируются затраты на расходные материалы, приобретение оборудования. Соответственно, у самозанятых из заработанных ими средств высвобождаются определенные суммы для оплаты аренды помещений.

Практически все заявители, с кем проводили интервью в рамках исследования, имели определенную подготовку в той сфере, в которой они планировали работать или уже работали. Такие, которые сначала оформили соцконтракт, а затем решили чему-то обучаться и в процессе освоения нового дела вести бизнес, практически не встречались. По мнению экспертов, у желающих использовать данный вид помощи для своего микробизнеса всегда есть четкое представление о его развитии или поддержке. То есть нет стремления получить средства соцконтракта только ради определенной суммы денег и личного обогащения, а скорее, выражено (и озвучено в интервью) желание заниматься любимым делом и вкладываться в его дальнейшее развитие. Это было весьма четко отражено в нарративах успешных и высокомотивированных информантов, подписавших соцконтракт.

Как уже было отмечено, у части респондентов хобби переросло в ведение бизнеса и зачастую в оформление самозанятости, реже – ИП. Наиболее типичны для получателей соцконтракта по этому направлению следующие высказывания: *соцконтракт помог открыть [салон праздников]. И хобби стало работой, и я сама себе организовала рабочее место. И свое хобби я превратила в свою работу.*

Таким образом, средства соцконтракта не только способствуют выходу из бедности, но и в ряде случаев повышают степень удовлетворенности процессом труда, давая возможность выбирать занятие, которое действительно нравится. Особенно это значимо при потере работы, увольнении или невозможности по каким-либо

¹⁰ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ результативности оказания в 2021 и 2022 годах государственной социальной помощи на основании социального контракта с точки зрения снижения бедности» (перечень поручений Президента Российской Федерации от 1 сентября 2022 г. Пр-1553, пункт 8) // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2023. № 5. Социальная помощь. С. 25. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/512/qmfsuq0rrfni4f73dtbpo m6w5fihv mbr.pdf> (дата обращения: 10.03.2025).

причинам оставаться на прежнем рабочем месте (например, по состоянию здоровья или по причине семейных обстоятельств) и способствует сохранению занятости.

В ряде случаев встречаются любители-самоучки среди направления ИПД. Помощь в освоении какой-либо деятельности им оказывает контент в Интернете и большое количество обучающих роликов, размещенных в Сети, о чем сами получатели соцконтракта нередко упоминали. Как, например, мастер холоднойковки и сварки из р.п. Вешкаймы, который изготавливает вполне профессиональные изделия, так высказывался о своем обучении: *...чисто самостоятельно, чисто смотрел видео. Вообще я не сварщик, я не учился на сварщика вообще, ... чисто купил сварочный аппарат, начал учиться варить. Потом посмотрел видео, какие-то мелкие вещи, начал с подставок для цветов, самых таких мелких...* Подобные высказывания позволяют понять и выявить довольно типичные траектории перерастания любимого дела из хобби в бизнес: те, кто осваивал что-то самостоятельно (на собственном опыте, путем проб и ошибок или с использованием обучающего контента из Сети), часто начинали с изготовления простейших изделий, потом совершенствовали свои навыки и к моменту подписания соцконтракта подходили к планируемой деятельности подготовленными почти на профессиональном уровне.

У другой же части получателей был именно профессиональный опыт работы в определенной сфере до подписания соцконтракта. И само его наличие, как и владение умениями, навыками в каком-то виде деятельности подводило их к идее начать свой бизнес. Например, молодой парень, открывший фотосалон-копицентр в р.п. Ишеевка, до этого работал в подобном, но в качестве наемного работника, и знал, как работает такое предприятие, что называется, «изнутри». Другой заявитель тоже молодого возраста, который закупил оборудование на средства соцконтракта для изготовления мебели в р.п. Н. Майна, также ранее трудился на небольшом мебельном производстве и освоил там процесс изготовления корпусной мебели.

Есть практики успешного осуществления ИПД швеями в районных центрах, которые, до того как воспользовались средствами соцконтракта, заканчивали курсы или получали среднеспециальное образование, уже работали по специальности: *...училась тоже здесь, закан-*

чивала курсы тоже здесь. Работала сначала ... как ученицей, а потом уже в массовом пошиве, у нас КБО было... (женщина, открывшая швейную мастерскую).

Иными словами, приобретая определенные навыки и обучившись азам профессии, они были уже ориентированы на открытие своего дела (но при этом важна еще и внутренне сформированная мотивация к созданию собственного бизнеса, к чему далеко не все бывают расположены). По словам экспертов, отнюдь не все психологически готовы к трудностям ведения своего дела, большинство предпочитают работу по найму.

Если говорить о представленности разных видов бизнесов у заключивших соцконтракт в целом в Ульяновской области, а не только в четырех указанных выше муниципальных образованиях, то среди них есть довольно «типичные» или действующие в разных районах, в основном это услуги, которые предоставляют самозанятые, такие как салоны и кабинеты красоты, парикмахерские, швейные мастерские по ремонту и пошиву одежды, фотосалоны и копицентры, совмещенные с производством сувенирной продукции, развивающие / репетиторские центры для детей, а также отдельные мастера, предоставляющие услуги по ремонту квартир, домов, бытовой техники. (Похожие результаты показало и совместное исследование проблем малого бизнеса и самозанятых Минэкономразвития России, Сбербанка и Фонда общественного мнения; так, среди самозанятых самыми популярными сферами деятельности по итогам опроса стали услуги, где происходит личное взаимодействие исполнителя с заказчиком: строительство, ремонт, красота, перевозка грузов и другие, таких насчитывается 73%¹¹.) Встречаются и небольшие производства: столярные мастерские, микропроизводства по изготовлению предметов мебели, производство полуфабрикатов и консерваций, минипекарни (в том числе и на дому), небольшие предприятия общепита (кафе), кожевенные мастерские, мастерскиековки, станции техобслуживания автомобилей и пр.

В целом специфика микробизнесов, открытых или поддерживаемых на средства социаль-

¹¹ Исследование: более 80% компаний малого бизнеса справились с ограничениями поставок материалов и товаров. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/issledovanie_bolee_80_kompaniy_malogo_biznesa_spravilis_s_ogranicheniyami_postavok_materialov_i_tovarov.html (дата обращения: 14.03.2025).

ного контракта, в сельской местности такова, что они во многом обслуживают потребности жителей именно районных центров и находящихся поблизости поселков и сел. Лишь часть из них ориентируются на продажи или оказание услуг в г. Ульяновске или других городах либо планируют выходы на маркетплейсы, хотя такие примеры тоже есть, они не единичны и некоторые даже весьма успешны.

Если же оценивать эффективность соцконтракта как меры поддержки, то в целом эксперты, прежде всего, делают акцент на том, что полученные средства позволяют приобрести оборудование, инструмент, оснастить рабочие места и прочее, предоставляя стимул для развития небольших бизнесов или же для их старта, помогая тем самым со временем выйти из состояния бедности (приобретенное оборудование позволяет увеличивать объемы производимой продукции, скорость ее изготовления, улучшать качество продукции и оказываемых услуг). Также представители экспертного сообщества отмечают, что зачастую у активных, инициативных граждан есть желание начать свое дело, но нет средств на приобретение оборудования и прочего, и социальный контракт как раз оказывает такую помощь.

В этом плане мнения получателей данного вида ГСП и экспертов очень схожи. Многие заключившие соцконтракт подчеркивают, что он хорошо подходит тем, кто точно знает, чем хочет заниматься (неважно, начинать или развивать свое дело), имеет ясную цель и довольно четко представляет, как ее достичь, вместе с тем проявляет активность и осознает, что для того чтобы получить результат в развитии бизнеса, необходимо приложить собственные усилия, а не пассивно потреблять государственную поддержку. На похожие моменты – значимость преодоления с помощью соцконтракта пассивной, иждивенческой позиции и привлечения собственных ресурсов для самостоятельного обеспечения себя, семьи – обращали внимание и другие авторы, исследовавшие эту тему [2, с. 142; 6, с. 830].

Таким образом, если резюмировать различные высказывания получателей данной формы государственной социальной помощи по мероприятиям ИПД, то они сходятся в следующем: в качестве необходимого условия

подписания социального контракта они обозначают наличие активной, ответственной и целеустремленной позиции у потенциальных заявителей и уже сформированное желание начать/развивать свое дело. Как и представители любого бизнеса, они сталкиваются с различными проблемами, например сложностями в продвижении продукции, сезонностью спроса на их услуги, необходимостью изучать основы ведения бизнеса и бухгалтерии и прочим, тем не менее, внутренне сформированная сильная мотивация помогает преодолевать их и снижает риски отказа в дальнейшем от ведения своего дела, а соответственно, возвращает в статус малоимущего. Конечно, меняются и общий социально-экономический контекст обращения к соцконтракту, и условия его получения, и размер выплат, но обозначенные выше условия остаются актуальными.

Список литературы

1. Хохлова О. Н. Социальный контракт как современный инструмент реализации социальной политики в России // *Индустриальная экономика*. 2022. Т. 4, №4. С. 330–334. https://doi.org/10.47576/2712-7559_2022_4_4_330
2. Орлова И. С. Социальный контракт как инструмент государственной политики по снижению уровня бедности // *Управленческое консультирование*. 2022. № 1 (157). С. 139–146. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-1-139-146>, EDN: XGLACR
3. Калашников С. В., Татаринцев В. Е., Храпылина Л. П. Сравнительный анализ применения социальных контрактов в субъектах Российской Федерации // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2017. № 3. С. 92–111. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2017-0-3-92-111>
4. Просвирина А. И., Какадий И. И. Государственная социальная помощь на основании социального контракта // *Вестник Евразийской науки*. 2020. Т. 12, № 3. URL: <https://esj.today/PDF/27ECVN320.pdf> (дата обращения: 14.03.2025). EDN: FCUOFO
5. Камышова Е. В., Соловьева Т. В., Бистяйкина Д. А. Соответствие результатов социального контракта потребностям малоимущих граждан в помощи // *Казанский педагогический журнал*. 2022. № 2. С. 263–271. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.152.2.038>
6. Кравченко Е. В. Социальный контракт как перспективный механизм повышения эффективности социальной защиты населения // *Экономика труда*. 2019. Т. 6, № 2. С. 827–840. <https://doi.org/10.18334/et.6.2.40673>

Поступила в редакцию 15.04.2025, одобрена после рецензирования 15.05.2025, принята к публикации 30.08.2025
The article was submitted 15.04.2025, approved after reviewing 15.05.2025, accepted for publication 30.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 387–392

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 387–392

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-387-392>, EDN: JJTREQ

Научная статья
УДК 331.65

Социальные последствия цифровизации труда

П. А. Баев

Байкальский государственный университет, Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11

Баев Павел Анатольевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии, bayev.pa@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-1619-2179>

Аннотация. В статье рассматриваются социальные последствия цифровизации труда как формальной организации деятельности (в виде вариантов оцифровки рабочих процессов, удаленной занятости и т.д.), так и содержательной деятельности (выраженной в появлении новых профессий и отмирании старых, необходимости освоения базовых навыков ИТ-программирования и новых навыков цифровой деятельности). Цифровизация становится тем инструментом, который осуществляет связь между когнитивными знаниями, технологиями и реализацией возможностей в виртуальной реальности. Каждый из этих блоков взаимовлияет друг на друга, и в результате получается новый формат мышления, позволяющий создавать новые условия социального воспроизводства общества в новых условиях цифрового мира. Приводятся результаты опроса сотрудников, занятых в цифровой занятости (как работающих через цифровые технологии, так и работающих удаленно благодаря использованию цифровых технологий). Дается оценка позитивных и негативных последствий цифровизации для трудовой деятельности как отдельного человека, так и социальных групп в целом. Фиксируются особенности выстраивания цифровой коммуникации, которые обезличивают социальные контакты и уменьшают уровень доверия между коллегами и руководством, возникают сложности с формированием групповой (коллективной) идентичности и осознанием и принятием норм корпоративной культуры. Указывается на потребность постоянного повышения уровня квалификации и новых знаний, а также гибких навыков, позволяющих решать вопросы прямо сейчас, не углубляясь в фундаментальные проблемы и противоречия. Делается вывод о конструировании нового социального неравенства через доступ к цифровым вариантам занятости, а также о процессах формирования цифрового капитала, позволяющего усиливать человеческий капитал в конкретной отрасли, регионе или стране.

Ключевые слова: цифровизация, виртуализация, виртуализация труда, виртуальная реальность, цифровая реальность, цифровая культура труда

Для цитирования: Баев П. А. Социальные последствия цифровизации труда // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 387–392. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-387-392>, EDN: JJTREQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social consequences of labor digitalization

P. A. Baev

Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk 664003, Russia

Pavel A. Baev, bayev.pa@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-1619-2179>

Abstract. The article considers the social consequences of labor digitalization, both the formal organization of activities (in the form of options for digitalizing work processes, remote employment, etc.), and substantive activities (expressed in the emergence of new professions and the extinction of old ones, the need to master basic IT programming skills and new digital skills). Digitalization is becoming the tool that connects cognitive knowledge, technologies and the implementation of opportunities in virtual reality. Each of these blocks influences each other and as a result, a new format of thinking is obtained, allowing to create new conditions for social reproduction of society in the new conditions of the digital world. The results of the survey of employees engaged in digital employment (both working through digital technologies and working remotely, thanks to the use of digital technologies) are presented. The assessment is given of the positive and negative consequences of digitalization for labor activity, both for an individual and for social groups as a whole. The features of building digital communication that depersonalize social contacts and reduce the level of trust between colleagues and management are recorded, the difficulties with the formation of group (collective) identity and awareness and acceptance of corporate culture norms are formed. The need for constant improvement of the level of qualifications and new knowledge and flexible skills is indicated, allowing to solve issues right now, without delving into fundamental problems and contradictions. The conclusion is made about the construction of new social inequality through the access to digital employment options, as well as the processes of formation of digital capital, allowing to strengthen human capital in a particular industry, region or country.

Keywords: digitalization, virtualization, virtualization of labor, virtual reality, digital reality, digital culture of labor

For citation: Baev P. A. Social consequences of labor digitalization. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 387–392 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-387-392>, EDN: JJTREQ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Цифровизация для современников стала реальностью. Она отразилась на технических характеристиках – как, когда, где и сколько работают, отдыхают, общаются, учатся и делают множество других дел россияне. Также она повлияла на внутренние смыслы и содержание этих процессов. Итогом всего становится формирование личности, которая свое повседневное пространство строит через цифровые технологии. Более того, цифровизация стала показателем изменений качества жизни для целых поколений, поэтому необходимо изучение ее влияния на получаемый жизненный опыт и новые перспективы развития.

В данной работе мы рассмотрим один из аспектов трансформации социальной реальности, который произошел под влиянием цифровизации, – это виртуальный труд. Человек как оператор трудовых процессов не исчез, однако многие функции его заменили технологии. Но именно технологии создали условия для развития новой реальности, где возможно воспроизводство множества рабочих процессов, которые связаны с интеллектуальной деятельностью.

Виртуализация труда является очередным этапом эволюции трудовых отношений. С конца XX в. шел процесс автоматизации труда, компьютеризации, и вместе с тем возникали новые вопросы: что такое труд, в чем его смысл; как эффективно организовать рабочий процесс; кто или что на него влияет; как можно защитить человека в этих условиях? И ответом стали идеи гуманизации труда [1]. Появление виртуальных пространств для реализации профессиональных обязанностей вывело на новый уровень поставленные выше вопросы, так как место трудовой деятельности перестало быть офисным пространством, коллеги перестали быть реально друг с другом, страна или город проживания работников не имеет значения, отношения, которые складываются между работодателем и исполнителем, требуют новых норм и стандартов нормативно-правового регулирования (так как независимость работников требует новых форм защиты) и т.д. Это все заставляет говорить о виртуальном труде как новом социальном явлении [2].

Глобальными социальными последствиями цифровизации труда являются: независимость и автономия от руководителя, индивидуализация (направленность на персональное выполнение определенной работы), мобильность, гибкость и креативность. Негативным последствием

виртуализации труда выступает обесценивание коллективных установок и ценностей [3]. В некоторых сферах виртуального труда возможна командная работа, но она, как правило, ограничена сроками проекта. Под каждый проект набирается своя команда, что не способствует формированию устойчивых коллективистских ценностей, зато помогает максимально оперативно раскрыться формированию лидерских навыков и качеств. Виртуализация труда усилила тенденции эгоизма в профессиональной реализации современников. Особенно это проявилось в образовательных и трудовых притязаниях молодежи [4].

Более того, цифровизация увеличила скорость отмирания ненужных, невостребованных процессов и отметилась появлением на рынке труда новых форм занятости, новых смыслов и контекстов развития профессионализма, новых профессий и условий профессионального разделения труда. Это влечет за собой трансформации института образования, так как это основная связка профессиональной реализации. И в целом мы стоим на заре формирования нового принципа социальной стратификации общества, построенной на профессиональной деятельности.

Эти процессы в общих чертах обозначены в «экономике знаний» или «когнитивном капитализме», который предполагает наличие властных ресурсов при возможности оперирования большими потоками информации (возможности Big data стали точкой отсчета для принятия судьбоносных решений и нового уровня осмысления ключевых закономерностей во всех сферах жизни). На практике это выражается в том, что рынку необходимы высококвалифицированные ИТ-специалисты, способные сочетать в своей деятельности различные сферы (от психологии до политики, от экономики до дизайна). И тут встают вопросы социальной безопасности [5] и последующего развития социального взаимодействия, с учетом особенностей цифровых технологий.

Пандемия COVID-19 вывела общество на новый уровень социальной активности в цифровом мире и показала значимость технического прогресса (и его пределы) от технологических условий предприятия, отрасли, страны. Также оформились социально-психологические особенности людей, способных выстроить трудовые взаимоотношения в цифровом формате через виртуализацию своей деятельности. На

данный момент это новая социально-профессиональная группа людей, предпочитающих работать удаленно, через виртуальный труд.

Мы можем говорить о формировании цифровой культуры труда, в рамках которой конструируются правила и нормы взаимодействия человека (когнитивные навыки), цифровой техники (технологии) и виртуальной среды (пространство применения). Это взаимодействие не однонаправленное, каждая часть влияет на другую. Навыки человека позволяют создавать новые технологии, через них реализовывать свои идеи в цифровом пространстве – виртуальной реальности. Точно так же технологии меняют формы мышления, создают возможности для проявления эмоций и чувств. Виртуальная реальность – благодаря технологиям и навыкам людей – создает принципиально новое качество жизни, меняет повседневность и профессиональность всех членов общества.

С позиции исследовательского интереса можно изучать мотивы, роли, требования к работникам цифрового труда или же исследовать то, как работники адаптируются в цифровой среде (тут акцентируется внимание на социальной изоляции работников, «отчуждении труда» и его организации: разделение работника и продукта труда, отделения от коллег, от одной территории и т.д.). Также можно рассматривать другие аспекты цифровой занятости – креативность и творческую наполненность, отсутствие рутины и шаблонности. Это само по себе требует высоких профессиональных навыков и умения нестандартно мыслить. Третьим аспектом изучения трудовой деятельности выступают формы цифрового труда и связанные с этим смыслы и субъективные ожидания, социальные и экономические притязания в отношении трудовой деятельности [6]. Надо отметить, что изменение отношения к труду происходило и до цифровизации, что выразилось в притязаниях на «осмысленную деятельность» (т.е. работа не ради работы, а ради развития собственных навыков, принципиального изменения в какой-то сфере и т.д.).

В этих изменениях роль самих технологий выступает средством для осмысления властных позиций, управленческих эффектов и социальных статусов. Это принцип формирования социального управления, а стало быть, социального разделения.

Неоднозначной оценкой тех, кто осваивает труд в удаленном формате, выступает цифровой

контроль, который четко ставит задачи и фиксирует их исполнение, определяет эффективность. Но отторжение вызывают не сами технологии, а формы организации управления временем работников, т.е. реализация властных позиций и новых форм социального неравенства [7].

В любом случае цифровая организация трудовой деятельности требует значительно большей самоорганизации от работников, чем деятельность в традиционных условиях, так как, помимо выстраивания работы во времени и пространстве, необходимо вырабатывать личную линию приоритетов выполнения задач, которая бы не противоречила техническому заданию, но оптимизировала личные возможности использования навыков (а это один из показателей роста объема труда).

Важным моментом организации цифровой занятости выступает цифровая коммуникация. Это могут быть специальные программы и сервисы, позволяющие оперативно взаимодействовать внутри компании со всеми участниками процесса, а также с клиентами и партнерами. Технически процесс организации коммуникации осуществляют цифровые технологии, смыслы и эффекты ее реализуются в организации трудового процесса в виртуальном пространстве. Это показатели эффективности трудовой деятельности, поэтому акценты в управлении очевидны [8]. Тут же встает вопрос о социальном доверии и выстраивании формальных или неформальных отношений, способствующих развитию новых условий трудовой деятельности [9].

Рассматривая вопросы теоретического осмысления цифровизации и виртуализации и объяснения происходящих изменений в сфере труда, мы можем говорить о воспроизводстве социального неравенства. Поэтому уместно использовать теорию капиталов П. Бурдье [10]. Цифровой капитал можно обменять на вознаграждение, признание, уважением, он становится основным источником доминирования в социальном управлении. Поэтому мы старались проследить, как цифровизация трудовой деятельности становится ресурсом человеческого капитала работников.

Для этого мы провели анкетирование россиян, через web-анкетирование (n = 1200), в котором приняли участие 58% женщин и 42% мужчин в возрасте от 18 до 65 лет, проживающих в разных регионах России. Квотами выборки, помимо пола и возраста, служили

цифровые технологии и гаджеты, помогающие выполнять профессиональные обязанности, а также удаленная занятость в разных условиях организации труда (от удаленной работы в крупных компаниях, до удаленной занятости в работе фрилансера), которая занимала от трех до двенадцати месяцев в году. Анкетирование было полуструктурированным, с возможностью ответа на открытые вопросы. Поэтому в обработке данных мы использовали программу SPSS.

В результате исследования мы выявили, что цифровизация коснулась всех сфер интеллектуального труда (100%). Сегодня нет компаний, которые бы не использовали программное обеспечение, компьютеры, телефоны и другие технические средства для собственной работы. Но в то же время новый формат организации цифровой занятости в виде удаленной занятости организован в полной мере (т.е. все сотрудники компании работают удаленно) в 17%, часть коллектива работает удаленно, а другая присутствует на специально организованных рабочих местах – 43%, т.е. 60% рабочих мест организовано через цифровые технологии в новых условиях и формах занятости специалистов.

В опросе участвовали те, кто уже работают с использованием цифровых технологий, и они делают акцент на необходимости этого из-за сложности выполнения поставленных задач (47%), из-за требований соответствия современным условиям жизни (31%) и оптимизации процессов при решении задач, так как скорость событий, на которые надо реагировать, также увеличивается, и без помощи цифровых технологий это будет невозможно осуществить (22%).

Также респонденты делали акцент на важности регулярного обновления цифрового оборудования, как непосредственно технические объекты (46%), так и информационные программы (54%), которые внутри их и организуют весь процесс обработки информации и, как результат, – выполнения профессиональных обязанностей.

Цифровизация деятельности касалась, с одной стороны, оцифровки работы (т.е. перенос рабочих моментов в цифровую реальность) – 74%. Это коснулось всех специальностей в той или иной мере (от журналистики до преподавания, от бухгалтерии до организации государственных услуг). Например, преподаватели, помимо подготовки к лекциям и семинарам, разрабатывают онлайн-курсы или делают презентации для

возможности удаленного обучения студентов. Или журналисты, помимо информационного поиска для сюжетов, осваивают навыки монтажа, режиссуры, звукового сопровождения и прочего наполнения сюжета, который может вызвать интерес у аудитории и осуществляется через освоение новых навыков цифровых технологий. Или же возможность получения практически любой услуги от государственных органов через единый информационный портал и т.д.

С другой стороны, цифровизация смогла организовать пространство профессиональной реализации внутри себя самой – в виде виртуального мира (26%). Результатом этого стала возможность зарабатывать и получать социальные и экономические статусы – играя в сетевые онлайн-игры, поддерживая функционирование онлайн-ферм, организуя и участвуя в онлайн-коммуникациях (от сайтов знакомств, до совместного написания художественных произведений в чате, от профессиональных сообществ до организации новой валюты (криптовалюта, биткойны и т.д.).

Полагаем, деятельность в виртуальном пространстве будет только увеличиваться, так как совершенствуются и технологии, и когнитивные возможности человека, способного организовать новые возможности для реализации трудового потенциала. Трудовой потенциал работников будет перетекать из реального формата трудовой деятельности в виртуальный. Это станет закреплением следующего смыслового контекста человеческого капитала в социальном моделировании общественного воспроизводства.

Те специалисты, которые столкнулись с оцифровкой своей деятельности, отмечают потребность в освоении новых навыков (знакомство с технологиями, обучение работе в каких-то программах), но сам процесс работы эти программы существенно упрощают (44%). На это указывали люди более старшего возраста, которые получали знания в одних условиях, а работать приходится в других. Те же, кто изначально приходит в новые сферы занятости (новые профессии, формы деятельности – видеографы, см-специалисты и т.д.), работают с готовой продукцией и как-то перестраиваются им уже не надо (56%). Также они делают акцент на выполнении «осмысленного труда» (чтобы понимать, где и зачем мои усилия будут работать) – 62%, респонденты более старшего возраста оперировали такими аргументами, как

«решение социальных задач и противоречий» (38%). И те и другие говорят о том, что все трудовые процессы объединены цифровыми технологиями.

Одним из негативных следствий цифровизации труда становится переработка, особенно если мы говорим о дистанционной занятости, так как регламентировать и организовать свое рабочее время могут далеко не все (30%). Вторым следствием выступает изменение времени работы (в ночное время, а не днем, так как днем могут мешать члены семьи) – 21%. Третье негативное следствие, которым наделяют цифровизацию трудовой деятельности, – отсутствие живого общения, только онлайн-коммуникации убирают «живого» человека и «человеческое тепло» (19%). Четвертое – трудности в понимании коллективной идентичности и принятии корпоративной культуры, того, что объединяет людей, работающих в одной структуре, но в онлайн-формате (16%). Пятое следствие – отсутствие ориентиров в виде деятельности других коллег (имеющиеся данные не могут указывать, за какое время и насколько качественно была сделана схожая работа у других) – 14%.

В рамках оценки своей цифровой занятости респонденты отмечали потребность в переключении внимания через «прогулки», «креативные хобби», «творчество» (34%) или же невозможность это осуществить из-за большого объема работы, цейтнота и т.д. (36%).

Онлайн-коммуникации позволяют оперативно, формально и качественно снимать все вопросы (57%). Это требует организованности и ограниченности формата личных контактов, следствием чего становится отсутствие межличностного доверия, формальности связей (43%). Это, как правило, осуществляется через различные мессенджеры и производственные чаты, что предполагает отложенный формат коммуникаций (позволяет распределить время на выполнение задач и соответствующих комментариев). Хотя сфера деятельности может ограничить такой вид коммуникации, но не убирает его совсем (например, в образовании, в СМИ, рекламе и т.д.). В результате такого подхода нет понимания, какие люди выполняют общие задачи, есть фигура специалиста, а какой он человек – не имеет значения. Это форма обезличивания и дегуманизации личности.

Формальную фигуру условного специалиста легко заменить другим специалистом, а если есть личная связь (в виде знания интересов и

хобби, проблем и радостей другого человека), то его заменить значительно сложнее. Это следствие эффективного управления, которое в условиях цифрового труда становится рычагом управления.

Для того чтобы усилить свои позиции, две трети тех, кто работает на фрилансе, и более половины тех, кто в крупных компаниях, но в онлайн-занятости, повышают свои знания, проходят повышение квалификации в сфере программирования или близких тематик, так как хотели бы обладать рядом преимуществ перед прочими равными им (66%). Стоит отметить, что стандартным или общим пониманием программирования владеет каждый второй опрошенный (чем моложе респондент, тем больше знаний у него в данной сфере).

Сегодня все труднее определить формат гармоничной взаимосвязи между трудовой деятельностью и профессиональным ростом, а также уровнем и качеством образования. Подавляющее большинство, а именно 92% опрошенных, говорят о том, что знания, полученные ими в процессе обучения,годились им не более чем на 25%, большая часть знаний устарела и не соответствует новым требованиям жизни. Цифровизация стала тем толчком, который начал раскачивать их профессиональные и социальные притязаний и направляет на путь развития, самопознания и открытия новых возможностей. Для этого необходимо постоянно осваивать новые навыки. И тут помогают не фундаментальные стратегии классического образования, а курсы, мастер-классы или школы, направленные на формирование гибких навыков (soft skills). Это одно из значимых последствий внедрения цифровизации.

Неоднозначно оцениваются и технические возможности организации труда – постоянные обновления программного обеспечения требуют соответствия, а далеко не каждая компания готова регулярно обновлять информационный продукт безопасности, базу нормативно-правовых актов или бухгалтерских услуг и др. Но чтобы удержаться на рынке, это необходимо делать.

Технические возможности как приоритет развития обозначили 34% опрошенных. Еще 44% указывали на необходимость человеческого взаимодействия, а третья группа фиксировала необходимость стратегического моделирования развития бизнеса и того, какую услугу предлагают (22%).

Креативность и творческую инициативу в цифровой занятости отмечают как одну из наиболее важных черт 24% опрошенных удаленных работников. Креативность в виде программирования становится приоритетом социального моделирования у 22%. Но большинство (54%) отмечают, что креативности мало в их деятельности и хотелось бы увеличить в несколько раз. Замечают креативность в своей деятельности более младшие поколения, а старшие скорее выполняют поставленные задачи, не ставя во главу угла поиск вдохновения и творческого полета.

Таким образом, цифровизация труда – сложный процесс формирования нового контекста работы. Цифровизация стала следствием давления внешних условий, а не естественного развития труда, поэтому воспринимается не всеми однозначно и требует особых решений и подходов к управлению и социальным коммуникациям. Организация цифровой занятости займет не один десяток лет, но уже сейчас необходимо ставить в приоритет социальное моделирование.

Цифровой капитал становится приоритетом развития российских сотрудников, которые уже столкнулись с цифровой занятостью.

Дальнейшее изучение цифровой занятости будет основой социального воспроизводства общественных структур в новом формате. Это перспектива социального моделирования, которая станет реальностью через пару лет.

Список литературы

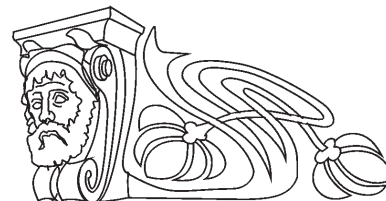
1. *Забелина О. В., Майорова А. В., Матвеева Е. А.* Трудовые установки российской молодежи и государственное содействие развитию и реализации ее трудового потенциала // *Экономика труда*. 2019. Т. 6, № 3. С. 1093–1104. <https://doi.org/10.18334/et.6.3.41176>, EDN: PZYUEI
2. *Былков В. Г.* Атрибуты потребности в рабочей силе на рынке труда: межрегиональные сравнения (по материалам выборочного обследования Росстата) // *Известия Байкальского государственного университета*. 2022. Т. 32, № 1. С. 133–143. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2022.32\(1\).133-143](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2022.32(1).133-143)
3. *Баева О. Н., Елианская В. Н.* Методические аспекты принятия решения об использовании дистанционной занятости // *Baikal Research Journal*. 2020. Т. 11, № 2. С. 10. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2020.11\(2\).10](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2020.11(2).10)
4. *Журавлёва И. А.* Социальные рамки образовательных и трудовых перспектив российской молодежи // *Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке*. 2019. № 10. С. 264–274. EDN: ARUEML
5. *Ардашев Р. Г.* Социальная безопасность в сознании сибиряков // *Социология*. 2024. № 7. С. 59–64. EDN: NYAUUM
6. *Скуденков В. А.* Экономические притязания в условиях мобилизации // *Социология*. 2022. № 5. С. 80–87. EDN: EFIGFZ
7. *Федорова Е. П., Утаралиева Р. Т.* Внутрифирменная мобильность на российском рынке труда // *Baikal Research Journal*. 2017. Т. 8, № 3. С. 12. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8\(3\).12](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8(3).12), EDN: ZUQYSL
8. *Фонталова Н. С., Перке В. И.* Взаимосвязь карьерных ориентаций личности будущего специалиста с их социальной эффективностью // *Baikal Research Journal*. 2015. Т. 6, № 3. С. 38. [https://doi.org/10.17150/2072-0904.2015.6\(3\).38](https://doi.org/10.17150/2072-0904.2015.6(3).38)
9. *Полушкевич О. А.* Формальность доверия и солидарности в нестабильном мире // *Социология*. 2024. № 2. С. 121–127.
10. *Бурдые П.* Формы капитала // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=60 (дата обращения: 23.05.2025). EDN: OYUVRD

Поступила в редакцию 24.05.2025, одобрена после рецензирования 20.06.2025, принята к публикации 30.08.2025
The article was submitted 24.05.2025, approved after reviewing 20.06.2025, accepted for publication 30.08.2025

Научная статья
УДК 331.65

Суицидальное поведение молодежи: виртуальное информационное воздействие

Р. Г. Ардашев

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110

²Иркутский государственный университет, Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1

Ардашев Роман Георгиевич, доктор философских наук, кандидат юридических наук, ¹начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, ²профессор кафедры государственного и муниципального управления, ardachev.rg@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2286-8711>

Аннотация. В статье описывается суицидальное поведение молодежи, указывается, что смертность через суицид среди 15–25-летних последние лет тридцать занимает 3-е место по России. Дается оценка виртуального воздействия на сознание молодых людей в отношении суицидов и суицидального поведения; рассматривается роль фильмов и сериалов, музыки и комиксов, мультфильмов и книг в отношении смерти и самоубийства. Рассматриваются типы и мотивы суицидов и суицидального поведения в рамках подхода Э. Дюркгейма и Э. Шнейдмана, анализируются психологические (внутренние) и социальные (внешние) условия, которые подталкивают молодых людей к суицидальному поведению. Изучаются сообщества смерти в социальной сети ВКонтакте, где анализируются хештеги (#Смерть, #Самоубийство, #Убийство, #Месть_смерть) и примеры цитат, а также ключевые смысловые образы, которые фигурируют в названиях сообществ, текстах, фото- и видеоматериалах данных сообществ, позволяющие молодым людям укорениться в собственном одиночестве, тоске, печали (личные внутренние мотивы) или же невозможности остановить буллинг или кибербуллинг (внешние условия), что также может привести к депрессивным состояниям, подталкивающим молодых людей к суицидальному поведению. Приводятся результаты опроса студентов, позволяющие говорить о массовой информированности о наличии сообществ смерти (внимании к мемам и другим образам и формам сатиры и иронии в сети Интернет); просмотре фильмов о суицидах и смерти; регулярном прослушивании депрессивной музыки о смерти, что указывает на высокий уровень готовности студенческой молодежи к суицидальному поведению.

Ключевые слова: суицид, суицидальное поведение, виртуальные коммуникации, механизмы воздействия, сообщества смерти

Для цитирования: Ардашев Р. Г. Суицидальное поведение молодежи: виртуальное информационное воздействие // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 393–397. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-393-397>, EDN: KEWEDD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Suicidal behavior of youth: Virtual information impact

R. G. Ardachev

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110 Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia

Irkutsk State University, 1 Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia

Roman G. Ardachev, ardachev.rg@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2286-8711>

Abstract. The article describes the suicidal behavior of young people, indicating that for the last thirty years Russian young people from 15 to 25 years old have occupied in third place in deaths due to suicide. The article evaluates the virtual impact on the consciousness of young people in relation to suicides and suicidal behavior, examines the role of films and TV series, music and comics, cartoons and books in relation to death and suicide. The article examines the types and motives of suicides and suicidal behavior within the framework of the approach of E. Durkheim and E. Shneidman and analyzes the psychological (internal) and social (external) conditions that push young people to suicidal behavior. The article studies death communities on the social network VKontakte, analyzing the hashtags (#Death, #Suicide, #Murder, #Revenge_death) and the examples of the quotes, as well as key semantic images that appear in the names of communities, texts, photos and videos of these communities, allowing young people to take root in their own loneliness, melancholy, sadness (personal internal motives) or the inability to stop bullying or cyberbullying (external conditions), which can also lead to depressive states that push young people to suicidal behavior. The results of the students' survey are presented, allowing to speak about mass awareness of the existence of death communities (attention to memes and other images and forms of satire on the Internet); watching films about suicides and death; regularly listening to depressive music about death, which indicates a high level of readiness of student youth for suicidal behavior.

Keywords: suicide, suicidal behavior, virtual communications, mechanisms of influence, death communities

For citation: Ardashev R. G. Suicidal behavior of youth: Virtual information impact. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 393–397 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-393-397>, EDN: KEWEDD

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В современном мире информационная среда сети Интернет стала основой для развития отдельных людей и всего общества. Существующие информационные потоки могут регулировать процессы социального напряжения или расслабления, влиять на представления и установки граждан. Информация правит миром как никогда ранее.

Информация в виртуальном пространстве может стать двойной угрозой, так как, помимо общего фона, она может конструировать определенные стратегии поведения тех, кто ее потребляет. Особенно это опасно, когда информация может носить деструктивный характер, быть направлена на определенную незащищенную группу (например, молодежь) и формировать потребности к деструктивному поведению – самоубийству.

По данным статистики, суицид занимает третье место из причин смертности молодых людей¹. Стоит сказать, что статистика не учитывает попытки суицида, а их количество в 7–9 раз больше. Поэтому аспект изучения суицидального поведения молодых людей становится основой профилактики его рисков. Особенно важно учитывать условия информационных ресурсов сети Интернет, социальных сетей и других мессенджеров в формировании поля представлений и мировоззрения современной молодежи в отношении суицидов.

Суицидальное поведение – поведение, которое приводит человека к смерти как осознанному выбору. Но в информационной среде говорить о самостоятельном выборе и четком понимании смысла и целей самоубийства мы не можем [1]. На сегодняшний день в виртуальной информационной среде находится множество ресурсов (сайты, чаты, социальные сети), где фиксируется культ смерти как философия, а самоубийство возводится в ранг героизма. Это следствие подмены смыслов смерти и служения, долга и чести [2]. Этим пользуются различные сообщества, для того чтобы манипулировать сознанием еще не сформировавших внутренний стержень молодых людей, не способных противостоять сложностям

внешнего мира и нашедших поддержку только в деструктивных сообществах, формирующих из своих членов смертников, которые могут соревноваться между собой за право готовности к следующему шагу через выполнение определенных действий в виде игры, последующих фото, видео и текстовых отчетов. Итогом этих заданий становится самоубийство. В таком формате работали сообщества «Синий кит», «Тихий дом», «Разбуди меня в 4:20», «Лис» и т.д.

Суицидальное поведение – это проявление суицидальной активности. В него входят мысли, намерения, разговоры, заявления, угрозы, попытки самоубийства. Суицид как социальное действие не совершается спонтанно, он вынашивается, идея и форма созревают [3]. А если это происходит в информационно насыщенной среде в социальных сетях, где используются картинки о привлекательности смерти, имеется депрессивная музыка, транслируются фильмы о суициде молодых людей (например, «Последние дни», «Первый день моей жизни», «Клуб самоубийц», «Седьмая жертва», «Зал самоубийств», «Эйфория», «Лес самоубийц», «Часы» и т.д.), то эффект воздействия в десятки раз сильнее, так как в сообщества можно вернуться, музыку и фильмы посмотреть и послушать позже, книги почитать (так как будет эффект повтора и более лучшего освоения информации).

То, что молодежь становится объектом притяжения мыслей о самоубийствах, объясняется кризисностью этого периода, пересмотром жизненных ориентиров, чувством одиночества, стигматизации группы, трудностей в коммуникации со сверстниками и родителями, проблемами с учебой и другими процессами, осложняющими социальное самочувствие молодых людей. Находясь в сложном, зачастую депрессивном состоянии, молодые люди находят поддержку там, где их состоянием легко могут манипулировать, параллельно доводя до реализации суицида.

Существует классификация суицидального поведения: демонстративное, аффективное и истинно суицидальное поведение. Демонстративное поведение направлено на привлечение внимания к себе, на попытку обратить внимание на то, что он не справляется с какими-то трудностями. Аффективное поведение обусловлено

¹ Статистика самоубийств. URL: <https://data.who.int/ru/indicators/i/F08B4FD/16BBF41> (дата обращения: 20.05.2025).

яркими эмоциями (злость, обида, гнев, разочарование), которые толкают на совершение попытки суицида. Истинно суицидальное поведение – четко спланированное поведение, которое завершается суицидом, как правило, имеется записка, где объясняются причины поступка.

Одну из первых социологических классификаций самоубийства предложил Э. Дюркгейм [4, с. 108], он говорил об альтруистическом самоубийстве при высокой интеграции с обществом; об эгоистическом самоубийстве при низкой интеграции с социальной средой; о фаталистическом самоубийстве при высоком уровне общественного регулирования; об аномическом самоубийстве при низком уровне регулирования.

Самоубийство современных молодых людей опирается на аномическую стратегию, предложенную Дюркгеймом, так как социальная среда нестабильна, не дает уверенности в завтрашнем дне, а также молодые люди встречают агрессию или безразличие со стороны сверстников, родителей, учителей и находятся в стигматизированном состоянии [5], что приводит к одиночеству, фрустрации и реализации суицидальных попыток.

Причины самоубийства могут иметь генетические основы (наследственность), психологические или социальные трудности, но в любом случае у всех, кто совершает попытку суицида, имеются общие черты: готовность найти решение проблемы, которая беспокоит молодого

человека (через убегание от нее – совершение попытки суицида); душевная боль; чувство беспомощности, бессилия, отчаяния или депрессии.

Также незрелое отношение молодых людей к смерти, отчасти спровоцированное массовым кинематографом, где герои воскресают после смерти, и компьютерными играми, где после смерти на одном уровне можно еще раз его пройти через какое-то время, нарушает критичность восприятия. Это информационное искажение меняет установки и представления в оценках смерти. В понимании молодых людей, включенных в данное искаженное информационное поле, смерть – это временное явление, нечто вроде сна или болезни, и поэтому суицид и суицидальное поведение они не воспринимают как реальную проблему общественного воспроизводства [6].

В работах Ф. Шефер [7] и Е. Кастронова [8] показана сложность экзистенциального выбора человека в информационном обществе, который осуществляется через риски и соблазны, выбор и социальную и личную ответственность за свою жизнь. Поэтому любой деструктивно оформленный источник (сообщество смерти) может стать местом трансформации жизненных ориентиров молодых людей, находящихся в стрессовой ситуации, так как смыслы значимости для молодых людей существенно смещены от морально-этического развития [9].

В 2025 г. мы провели анализ сообществ в социальной сети ВКонтакте на предмет распространенности идей самоубийства (таблица).

Анализ сообществ по хештегам, фиксирующим внимание на деструктивных действиях

Сообщество	Количество участников в группе	Примеры цитат (отраженные в контекстах публикаций, подписей к фото- и видеосюжетам)
#Смерть	21 021	Смерть – это звучит гордо Сила смерти Правда в смерти Опора героев в смерти
#Самоубийство	26 088	Путь героя Жизнь как у всех ничтожна, только самоубийство выделяет тебя из толпы Настоящий герой тот, кто решает сам прервать жизнь Самоубийство – проявление силы
#Убийство	12 922	Новое состояние духа Чтобы начать, надо закончить Смелость идет через смерть Сила проявляется в готовности умереть
#Мечь_смерть	19 993	Мечь – это то, что ты унесешь с собой Мечь и смерть – две подруги Мечь сладка, когда вокруг смерть Сила смерти в возможности отомстить

В результате можно говорить о романтизации смерти, героизации, преодолении сопротивления и готовности отомстить тем, кто как-то обижал или притеснял человека, который совершит самоубийство.

Приведенные в таблице примеры фиксируют внимание молодого человека на смыслах, которые потом откладываются в сознании и выстраивают его линию поведения, жизненные траектории, в которые вписывается суицидальное поведение именно через подобные тексты, комментарии, оценки. Дополнительно работает визуальный ряд из фото и кинофильмов, которые «презентуют» культуру смерти и самоубийства как нечто модное, современное, актуальное, настоящее. Это то, что позволит молодому человеку оставить след после себя.

Были опрошены молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет ($n = 800$), обучающиеся на разных специальностях (55% девушек и 45% юношей), на предмет внимания молодых людей к контенту виртуальных сообществ смерти. Результаты опроса выявили достаточно высокий уровень информированности об этом среди исследуемой группы (75%), т. е. только 25% молодых людей не обращали внимания на сообщества в социальных сетях, которые говорят о смерти, скулшутинге (массовых убийствах в школах) или самоубийстве.

В таких группах состоят 12% опрошенных студентов, у 28% есть знакомые, которые там состоят, остальные только слышали, просматривали данные сообщества, но не стали их участниками (60%).

При этом мысли о самоубийстве посещали 82% респондентов практически всегда после просмотра фильма, музыкального произведения или сообщества в социальных сетях, где говорится о смерти или самоубийстве. Вне зависимости от информационного контента эти мысли приходили в голову 28% студентов, делились об этом с окружающими 10%, имеют попытки суицида 6% опрошенных.

Видели фильмы о самоубийцах все 100% студентов, но запомнить их названия смогли только 33%, а имена режиссеров – лишь 5%. Очень понравились такие фильмы 12% опрошенных, нейтрально оценили – 54%, негативно оценили (не понравились) – 34% молодых людей.

Слушают депрессивную музыку, в которой говорится о смерти и в том числе о самоубийстве, 57% респондентов. Да, эта музыка не

подталкивает напрямую к смерти, но создает общую гнетущую атмосферу, в которой могут приниматься аффективные решения, приводящие к суицидальным попыткам.

По мнению студентов, к самоубийству приводит чувство одиночества (18%), обиды (16%), буллинг (14%), кибербуллинг (травля в социальных сетях) (24%), контент о самоубийствах и трагедиях (28%). Таким образом, 52% информации, которую молодые люди потребляют в сети Интернет, может стать толчком к суицидальному поведению.

Виртуальные сообщества смерти не придумывают новых смыслов и условий, они опираются на страхи и неуверенность человека в себе, социальное давление на него социума, безразличие или отстраненность учителей и родителей, которые не слышат или не хотят услышать, не видят или не хотят увидеть внутренние и внешние проблемы молодого человека. Социальный институт родительства, учительства, правоохранительной или религиозной деятельности функционирует недостаточно эффективно или опирается не на те стратегии, чтобы молодые люди не думали о самоубийстве и не могли попасть под влияние сообществ смерти.

На когнитивном уровне 84% студентов понимают, что суицид – неправильное действие (эмоциональная оценка, основанная на социокультурных ценностях жизни, которая опирается на преемственность поколений, образовательный контекст и жизненные ориентиры). Но на аффективном уровне уже 57% студентов чувствуют (эмоциональная оценка, построенная на собственных переживаниях, часто негативного содержания), что суицид не является способом изменения эмоционального состояния. Но, увы, этот вывод разделяют не все. На поведенческом уровне только 36% опрошенных студентов готовы активно помогать тем, кто находится в зоне риска с суицидальными наклонностями, так как полагают, что личное участие, готовность действовать и протянуть руку помощи может кому-то спасти жизнь.

Около 70% тех, кто на поведенческом уровне готов проявлять социально-деятельностную активность, потерял в прошлом близкого человека (друга или члена семьи) в результате суицида и теперь активно помогает другим не потерять близких людей и самому не стать жертвой.

Благодаря деятельности этой третьей группы студентов осуществляется мониторинг

социальных сетей на предмет активной агитационной деятельности в отношении доведения до самоубийства и непосредственной организации самоубийства. Именно они контактируют с представителями правопорядка для пресечения подобной деятельности в информационном пространстве.

В состояниях слабости, беззащитности, опустошенности, депрессивности молодые люди не видят иных вариантов, кроме как суицид для привлечения внимания к себе самому (демонстративный) – в качестве формы просьбы о помощи; для выплеска негативных эмоциональных состояний (аффективный) или истинный, который завершается суицидом. В первых двух случаях, работа психолога, сотрудника органов внутренних дел, педагогов и родителей может стать решающей в восстановлении социально-психологического состояния, нахождении внутренних опор и внешних ориентиров, не носящих деструктивного характера.

Нехватка знаний о том, что самоубийство – не выход и не решение проблем, а виртуальные сообщества не панацея и не могут давать объективную картину реального взаимоотношения с миром смерти. Также отсутствие навыков по преодолению кризисов, эмоциональные трудности в виде душевной боли и социальные ограничения в виде буллинга или кибербуллинга приводят к готовности быстрых и радикальных решений, которые бывают фатальны.

Таким образом, виртуальное информационное воздействие оказывает непосредственное влияние на суицидальное поведение молодежи. Слишком большие потоки информации, содержащие негативный контент (фильмы и книги о самоубийцах, депрессивная музыка, сообщества смерти в социальных сетях) формируют деструктивные стратегии и ориентиры при решении стрессовых жизненных задач.

Регулярный мониторинг социальных сетей на предмет выявления негативных установок в отношении смерти и самоубийства может стать

основой для профилактики суицидов. Также постоянное вовлечение самой молодежи в реальное взаимодействие помогает им находить адаптивные стратегии и оптимизировать процессы социализации, в том числе и виртуальной социализации молодого человека.

Список литературы

1. Соловьева К. С. Подростковый суицид как отражение реалий современного информационного общества // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 2, ч. 2. С. 458–469. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-458-469>
2. Шнейдер Л. Б. Девиантное поведение детей и подростков. М. : Академический проект ; Трикста, 2005. 225 с.
3. Баева Л. В. «Группы смерти» и «колумбайн-сообщества» в онлайн-культуре и реальном социуме // Информационное общество. 2019. № 3. С. 33–56. EDN: ZAFFHO
4. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М. : Мысль, 1994. 263 с.
5. Полюшкевич О. А. Стигматизация: анализ в рамках концепции И. Гофмана // Философия здоровья: интегральный подход : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 5. Иркутск : Изд-во Иркутского гос. мед. ун-та, 2019. С. 24–29. EDN: EGVSSY
6. Ардашев Р. Г. Философия суицида в виртуальном пространстве // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 2. С. 77–85. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2023-18-2-77-85>, EDN: POXZUS
7. Schäfer F. Ludic Philosophy: Subjectivity, Choice and Virtual Death in Digital Media // Digital Culture and Education. 2009. Vol. 1, № 2. P. 116–128. URL: <https://www.digitalcultureandeducation.com/s/schafer-December-2009.pdf> (дата обращения: 23.05.2025).
8. Castronova E. Synthetic Worlds: The Business and Culture of Online Games. Chicago : University of Chicago Press, 2008. 344 p.
9. Баев П. А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира : сб. науч. тр. Второй междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск : Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2023. С. 512–515. EDN: MWXSQF

Поступила в редакцию 25.05.2025, одобрена после рецензирования 23.06.2025, принята к публикации 30.08.2025
The article was submitted 25.05.2025, approved after reviewing 23.06.2025, accepted for publication 30.08.2025

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 398–403

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 398–403

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-398-403>, EDN: KUZPDO

Научная статья

УДК 316.4.06

Социологический анализ финансового поведения представителей старшего поколения: предпосылки виктимности в условиях телефонного мошенничества

И. А. Тюрин

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71

Тюрин Игорь Андреевич, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, igor.tyurin.1998@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-4082-4097>

Аннотация. Актуальность темы определяется тем, что современное общество сталкивается с ростом цифровых угроз, среди которых особую значимость приобретает телефонное мошенничество, в том числе направленное против пожилых людей. Целью данной работы стало выявление ключевых детерминант виктимности пожилого населения в контексте телефонного мошенничества, а также разработка практических рекомендаций по совершенствованию мер профилактики. Эмпирической и информационной основой исследования явились результаты анкетного опроса населения по квотной выборке, глубинных интервью экспертов из числа сотрудников полиции, медиаанализа СМИ за 2022–2023 гг., опроса ВЦИОМ «Телефонное мошенничество» (2024 г.). Для анализа данных применялся междисциплинарный подход, объединяющий концепции социологии, экономики и права. В результате исследования зафиксирована устойчивая взаимосвязь между возрастными особенностями финансового поведения пожилых людей и их уязвимостью к мошенническим схемам. В ходе исследования выявлено: во-первых, финансовые практики старшего поколения характеризуются консервативностью и настороженным отношением к финансовым продуктам, что парадоксальным образом увеличивает их уязвимость перед социальной и психологической инженерией телефонных мошенников (приверженность жителей данной возрастной категории к традиционным банковским институтам сочетается с низким уровнем цифровой грамотности, создавая тем самым благоприятную почву для преступных посягательств); во-вторых, возрастная специфика виктимности проявляется в психологических, социальных и экономических особенностях; в-третьих, институциональные механизмы защиты пожилых граждан от телефонного мошенничества демонстрируют ограниченную эффективность (низкий уровень обращаемости и раскрываемости свидетельствуют о необходимости пересмотра подходов к профилактике и расследованию). Сделан вывод, что перспективные направления противодействия телефонному мошенничеству могут включать в себя: развитие межведомственного взаимодействия (банков, правоохранительных органов, социальных служб, общественных организаций, домовых комитетов); внедрение возрастн-ориентированных программ финансового просвещения; совершенствование технологических решений по идентификации мошеннических схем; разработку специальных коммуникационных стратегий для информирования пожилых граждан.

Ключевые слова: социологический анализ, финансовое поведение, старшее поколение, виктимность, цифровое мошенничество, телефонное мошенничество

Для цитирования: Тюрин И. А. Социологический анализ финансового поведения представителей старшего поколения: предпосылки виктимности в условиях телефонного мошенничества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 398–403. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-398-403>, EDN: KUZPDO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Sociological analysis of the financial behavior of the older generation: Prerequisites for victimization in the context of telephone fraud

I. A. Tyurin

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of Russia, 71 Gorky St., Belgorod 308024, Russia

Igor A. Tyurin, igor.tyurin.1998@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-4082-4097>

Abstract. The relevance of the topic is determined by the fact that modern society faces growing digital threats, among which telephone fraud, including that targeting elderly people, is of particular importance. The purpose of this study is to identify key determinants of victimization among

the elderly population in the context of telephone fraud, as well as to develop practical recommendations for improving preventive measures. The empirical and informational basis of the study included the results of a quota-based population survey, in-depth interviews with law enforcement experts, media analysis of news sources from 2022 to 2023, and the VCIOM survey "Telephone Fraud" (2024). A multidisciplinary approach combining concepts from sociology, economics, and law was used for data analysis. The study found a consistent correlation between the financial behavior patterns of elderly individuals and their vulnerability to fraudulent schemes. The research revealed that: firstly, the financial practices of older generations are characterized by conservatism and cautious attitudes toward financial products, which paradoxically increases their susceptibility to social and psychological manipulation by telephone scammers (their preference for traditional banking institutions, combined with low digital literacy, creates favorable conditions for criminal exploitation); secondly, age-specific victimization manifests in psychological, social, and economic factors; thirdly, institutional protection mechanisms for elderly citizens against telephone fraud show limited effectiveness (low reporting and clearance rates indicate the need to revise prevention and investigation approaches). It is concluded that promising directions for combating telephone fraud may include: enhancing interagency cooperation (banks, law enforcement, social services, public organizations, housing committees); implementing age-targeted financial literacy programs; improving technological solutions for fraud detection; developing specialized communication strategies to inform elderly citizens.

Keywords: sociological analysis, financial behavior, older generation, victimization, digital fraud, telephone fraud

For citation: Tyurin I. A. Sociological analysis of the financial behavior of the older generation: Prerequisites for victimization in the context of telephone fraud. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 398–403 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-398-403>, EDN: KUZPDO

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современное общество сталкивается с ростом цифровых угроз, среди которых особую значимость приобретает телефонное мошенничество, в том числе направленное против пожилых людей. Этот вид киберпреступности не только наносит существенный материальный ущерб, но и подрывает социальное и психологическое благополучие старшего поколения, усиливая его уязвимость в условиях возрастающей цифровизации финансовых услуг.

Актуальность данного исследования обусловлена злободневной необходимостью комплексного анализа факторов, способствующих виктимизации старшего поколения, включая социально-психологические особенности, финансовое поведение и институциональные барьеры. Данная специфика, наряду с низкой цифровой грамотностью и приверженностью традиционным банковским институтам, делает пожилых людей легкой мишенью для мошенников.

Целью данной работы стало выявление ключевых детерминант виктимности пожилого населения в контексте телефонного мошенничества, а также разработка практических рекомендаций по совершенствованию мер профилактики. В исследовании применяется междисциплинарный подход, объединяющий концепции социологии, экономики и права.

Тема исследования частично раскрыта в работах авторов по социально-геронтологической проблематике [1]. Ученые базируют свои разработки на основе теории виктимности потенциальных жертв мошенничества [2, 3]. В научных

работах дается характеристика особенностей кибермошенничества в целом [4, 5], а также мошенничества в отношении пожилых людей в частности [6–8]. Исследователи базируют свои разработки на основе концепции финансового поведения [9]. В целом тема имеет междисциплинарный характер, поэтому рассматривается в рамках разных научных дисциплин.

Материалы и методы

В исследовании использованы результаты эмпирических социологических исследований, выполненных автором.

Во-первых, проведен анкетный онлайн-опрос. В исследовании, предпринятом в 2025 г., приняли участие 1100 респондентов (от 18 лет и старше). Выборка избрана квотная, она формировалась по нескольким критериям отбора, в частности, по типу населенного пункта, в котором проживает человек, по полу, по принадлежности к возрастной подгруппе. При этом погрешность (ошибка выборки) составила 3%, а доверительный интервал установлен на уровне 95%. Респонденты были условно разделены на возрастные подгруппы. Основной акцент поставлен на изучении старших возрастных когорт. Они составили в общем объеме выборки 31%. В том числе 16% отнесены к возрастному диапазону 55–64 года и 15% – к промежутку от 65 лет и старше. Данные, полученные по более молодым респондентам, использовались для проведения сравнительного анализа. Обработка результатов осуществлена при помощи программы SPSS.

Во-вторых, в 2025 г. проведены глубинные интервью экспертов. Информанты представлены сотрудниками подразделений полиции, служащими в отделах, являющихся профильными для проведения данного исследования. Интервью проведено с 12 экспертами. Критериями отбора являлись: служба в полиции, профильность подразделения, стаж не менее пяти лет. Глубинные интервью проводились для: 1) изучения тактик телефонных мошенников, определения того, как они выбирают потенциальных жертв, какие мошеннические схемы используют (например, «родственник в беде», «блокировка банковской карты, на которую приходит пенсия» и др.); 2) определения психологических и социальных факторов, делающих пожилых людей наиболее уязвимыми (доверчивость, страх, недостаток цифровой грамотности и т. д.); 3) анализа типичных ошибок жертв, приводящего мошенников к итоговому финансовому успеху (например, раскрытие персональных данных, перевод денег под давлением); 4) оценки эффективности существующих мер защиты (информирования, банковских блокировок, профилактической информационной работы правоохранительных органов); 5) сбора рекомендаций экспертов по улучшению профилактики (обучение, технологические решения, законодательные инициативы).

В статье также приведены результаты медиаанализа. При этом использован ресурс «Медиалогия» для анализа СМИ, выпускающих свой контент в цифровом формате и размещающих его в сети Интернет. К работе привлечен временной интервал анализа с 01.01.2022 по 31.12.2023 (два календарных года). За этот период из общего объема выгружено и подвергнуто анализу 48 404 материалов по теме исследования, связанной с телефонным мошенничеством.

Кроме того, в исследовании проведен вторичный анализ данных, полученных специализированными центрами, в частности ВЦИОМ («Телефонное мошенничество», 2024 г.).

Результаты и их обсуждение

Приведем материалы официальной статистики. Согласно данным МВД РФ, в 2023 г. общий финансовый и материальный ущерб от действий кибермошенников достиг 147 млрд руб.

В течение следующего года наблюдался значительный количественный рост данного показателя – на 36%, что в абсолютном выражении составило 200 млрд руб. (данные за 2024 г.). При этом количество официально зарегистрированных эпизодов цифрового мошенничества превысило 486 тыс. случаев за год.

Отметим, что уровень обращаемости пострадавших в правоохранительные органы остается низким: лишь 30% жертв решаются на активные действия и подают официальные заявления. Подобная тенденция может быть связана как с недостаточной осведомленностью граждан о механизмах финансовой и правовой защиты, так и с недостаточным доверием населения к итоговой эффективности следственных действий.

Дело в том, что коэффициент раскрываемости преступлений в сфере кибермошенничества, по данным ведомства, составляет 23%. А это свидетельствует о значительных сложностях в расследовании подобных инцидентов, включая транснациональный характер преступных схем и использование злоумышленниками новых технологий анонимизации¹.

Проведенный медиаанализ СМИ за 2023–2024 гг. демонстрирует высокую значимость и устойчивость изучаемой проблемы (рис. 1).

Всероссийские опросы общественного мнения россиян (в частности, ВЦИОМ) подтверждают значимость проблемы. Согласно мониторингу ВЦИОМ, в 2024 г. 67% опрошенных получали на свой телефон звонки от телефонных мошенников, 17% респондентов получали сообщения на разные мессенджеры (СМС, WhatsUp и др.). Лишь 30% не подвергались преступным атакам телефонных мошенников².

Подтверждением сложности ситуации служат и результаты анкетного опроса, проведенного автором. Респонденты в большинстве случаев (37,2%) дают максимальную оценку опасности данной ситуации для себя и своих близких (рис. 2).

¹ Совместное заседание Совета по развитию цифровой экономики при СФ и Совета по развитию финансового рынка при СФ РФ. Тема заседания «Кибербезопасность. Что нужно изменить в регулировании?». 4 марта 2025 г. URL: https://vk.com/video-170206299_456247180?to=L3ZpZGVvLkE3MDIwNjI5OV80NTYyNDcxODA (дата обращения: 10.04.2025).

² Телефонное мошенничество: мониторинг. 2024 // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-monitoring> (дата обращения: 10.04.2025).

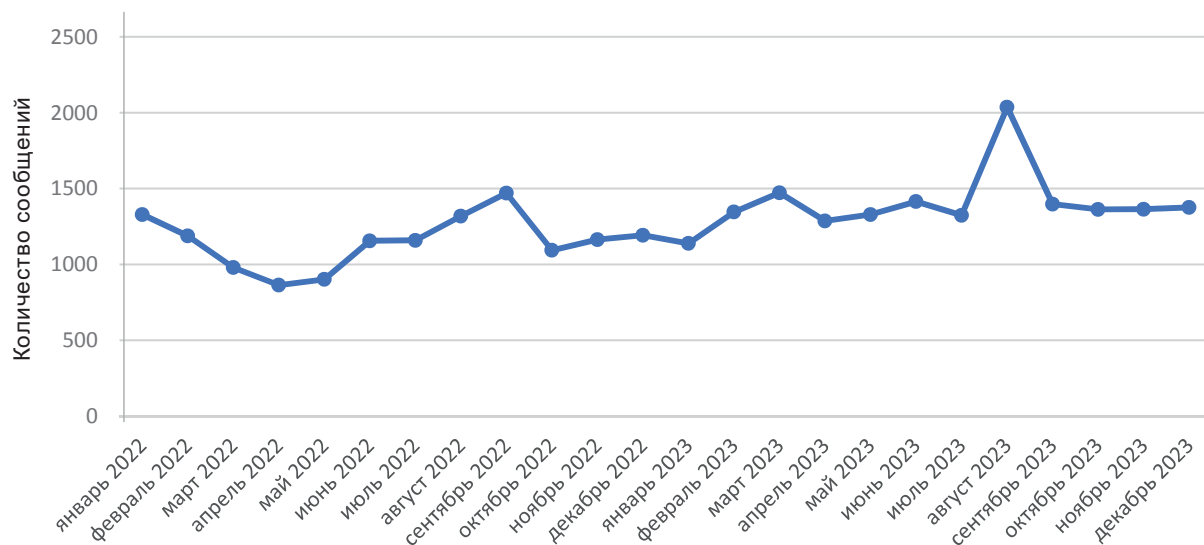

Рис. 1. Динамика сообщений СМИ по теме телефонного мошенничества (данные медиаанализа СМИ, проведенного автором)

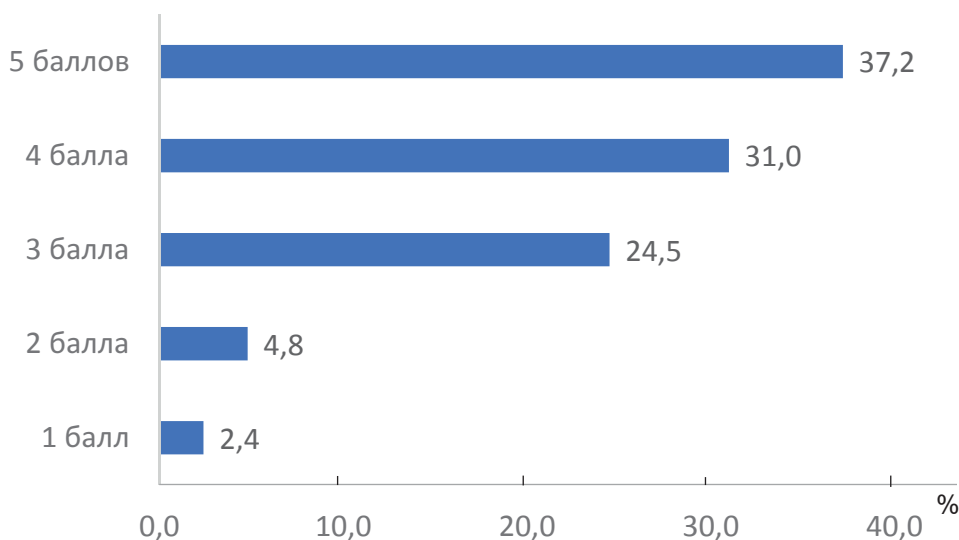

Рис. 2. Оценка респондентами опасности телефонного мошенничества (по 5-балльной шкале)

Полученные нами данные подтверждаются и частично поясняются в трудах современных ученых. Так, Н. В. Мешкова, В. Т. Кудрявцев и С. Н. Ениколопов анализируют жертв телефонного мошенничества и приходят к выводу, что таковыми зачастую становятся люди старшего возраста [10].

При этом С. Г. Ивченков в своих исследованиях дает характеристику возрастной динамике кредитного поведения населения. Он пишет, что результаты анализа демонстрируют устойчивую корреляцию между возрастом респондентов и их отношением к кредитованию. Как показывают сравнительные данные, с увеличением

возраста снижается склонность к оформлению займов, а также изменяется восприятие их функционального назначения.

Например, для молодежи кредитные продукты выступают в первую очередь инструментом немедленного удовлетворения потребительских потребностей – приобретения желаемых товаров и услуг. В средней возрастной группе кредит чаще рассматривается как способ преодоления финансовых трудностей. А для представителей старшего поколения он ассоциируется преимущественно с риском попадания в длительную и психологически сложную долговую зависимость.

Предпочтения в выборе кредитных организаций также имеют возрастную специфику. Респонденты старших возрастных когорт в равной степени ориентированы на взаимодействие с крупнейшими банками (Сбербанк, ВТБ, Траст). Это, по мнению С. Г. Ивченкова, может объясняться их приверженностью традиционным финансовым институтам. При этом уровень кредитной нагрузки среди данной категории населения минимален – большинство не имеют текущих задолженностей.

Критическим аспектом для пожилых заемщиков выступает удовлетворенность банковским сервисом. В сравнении с другими возрастными группами они чаще выражают недовольство плотностью расположения банкоматов и качеством обслуживания, что, вероятно, связано с ограниченной мобильностью и низкой адаптацией к цифровым каналам обслуживания.

Общий тренд свидетельствует о значительной трансформации кредитных установок по мере старения: от нейтрально-позитивных в молодости до скептически-отрицательных в старшем возрасте. Это находит отражение и в планах на будущее – вероятность обращения за кредитом снижается пропорционально возрасту [11]. Безусловно, решение данной задачи защиты пожилого населения от телефонных мошенников стоит не только перед правоохранительными органами. Большой потенциал заложен и в социозащитных учреждениях [12, 13].

Проведение анкетного опроса пожилых людей и глубинного интервью экспертов позволило получить более детальное понимание проблемы и сформировать практические предложения для снижения уровня телефонного мошенничества. Рекомендации состоят в следующем: в налаживании координации работы правоохранительных органов, в частности полиции, банков и структур гражданского общества, в том числе общественных организаций и домовых комитетов.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить повышенную виктимность пожилого населения в сфере телефонного мошенничества. Анализ эмпирических данных зафиксировал существование устойчивой взаимосвязи между возрастными особенностями финансового поведения пожилых людей и их уязвимостью к

мошенническим схемам. Основные выводы исследования могут быть сформулированы следующим образом.

1. Финансовые практики старшего поколения характеризуются консервативностью и настороженным отношением к финансовым продуктам, что парадоксальным образом увеличивает их уязвимость перед социальной и психологической инженерией телефонных мошенников. Приверженность жителей данной возрастной категории к традиционным банковским институтам сочетается с низким уровнем цифровой грамотности, создавая тем самым благоприятную почву для преступных посягательств.

2. Возрастная специфика виктимности проявляется в психологических факторах (повышенная доверчивость, страх перед технологиями), социальных особенностях (ограниченная мобильность, изолированность), экономических аспектах (фиксация на сохранении сбережений, а не их приумножении).

3. Институциональные механизмы защиты пожилых граждан от телефонного мошенничества демонстрируют ограниченную эффективность. В частности, низкий уровень обращаемости и раскрываемости свидетельствует о необходимости пересмотра существующих подходов к профилактике и расследованию таких случаев.

Перспективные направления противодействия телефонному мошенничеству могут включать в себя: 1) развитие межведомственного взаимодействия (банки, правоохранительные органы, социальные службы, общественные организации, домовые комитеты); 2) внедрение возрастн-ориентированных программ финансового просвещения; 3) совершенствование технологических решений по идентификации мошеннических схем; 4) разработку специальных коммуникационных стратегий для информирования пожилых граждан.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии концепции финансовой виктимности через призму социологии возраста, а практическая – в предложении механизмов межсекторного взаимодействия (банков, полиции, НКО, домовых комитетов) для снижения рисков телефонного мошенничества. Кроме того, практическая значимость исследования заключается в том, что предложенные рекомендации могут быть использованы для разработки комплексных программ защиты старшего по-

коления от финансовых злоупотреблений мошенниками. Дальнейшие исследования в этой области целесообразно направить на изучение региональных и возрастных особенностей victimности и оценку эффективности внедряемых профилактических мер.

Проведенный анализ подтверждает необходимость учета возрастного фактора при формировании государственной политики в области финансовой безопасности, что особенно актуально в условиях старения населения и ускоренной цифровизации финансовых услуг.

Список литературы

1. Елютина М. Э., Семенова Ю. А. Старость в контексте возрастных переходов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 4–11. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-4-11>, EDN: CRTDDS
2. Shao J., Zhang Q., Ren Y., Li X., Lin T. Why are older adults victims of fraud? Current knowledge and prospects regarding older adults' vulnerability to fraud // Journal of Elder Abuse Neglect. 2019. Vol. 31, iss. 3. P. 225–243. <https://doi.org/10.1080/08946566.2019.1625842>
3. Бессчетнова О. В., Волкова О. А., Алиев Ш. И., Ананченкова П. И., Дробышева Л. Н. Влияние цифровых медиа на психическое здоровье детей и молодежи // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29, № 3. С. 462–467. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-462-467>, EDN: PHQGGD
4. Lee S.-H., Kang I., Kim H.-W. Understanding cybercrime from a criminal's perspective: Why and how suspects commit cybercrimes? // Technology in Society. 2023. Vol. 75. P. e102361. <https://doi.org/10.1016/j.tech-soc.2023.102361>
5. Зотина Е. В. Претекстинг как прием социальной инженерии, используемый телефонными мошенниками: криминологический взгляд на проблему // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13, № 4 (50). С. 93–99. <https://doi.org/10.37973/ZKUI.2022.55.63.012>
6. Скорилкина Н. А., Баландина Д. А. Мошенничество в отношении пожилых людей // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: материалы межвуз. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н. В. Кабакова. Тула: ТГУ, 2020. С. 160–166.
7. Черкашена К. С., Бурмистров И. А. Мошенничество в отношении лиц пожилого и пенсионного возраста // Противодействие преступности в социальной сфере: сб. ст. по материалам конференции (Москва, 17 ноября 2020 г.). М.: Дашков и К, 2021. С. 147–154. EDN: DLAQAU
8. Burnes D., Henderson C. R. Jr, Sheppard C., Zhao R., Pillemer K., Lachs M. S. Prevalence of Financial Fraud and Scams Among Older Adults in the United States: A Systematic Review and Meta-Analysis // American Journal of Public Health. 2017. Vol. 107, № 8. P. e13–e21. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2017.303821>
9. Тюриков А. Г., Кунижева Д. А. Оценка финансово грамотного поведения: от повышения финансовой грамотности к формированию финансовой культуры // Общество и экономика. 2024. № 9. С. 27–37. <https://doi.org/10.31857/S0207367624090029>, EDN: AMVLKB
10. Мешкова Н. В., Кудрявцев В. Т., Ениколопов С. Н. К психологическому портрету жертв телефонного мошенничества // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 1. С. 138–157. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.01.06>, EDN: KENTJX
11. Ивченков С. Г. Кредитные стратегии саратовского населения: поколенческая специфика // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всерос. науч. конф. (Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 г.). СПб.: Изд. дом «Сциентиа», 2023. С. 466–469. EDN DDZHPX
12. Волкова О. А. Теория социальной терапии в практике интернатных учреждений для престарелых и инвалидов // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 57–59.
13. Темаев Т. В., Сынкина О. П., Хачатурян А. К. Социальное обслуживание пожилых граждан: взгляд получателей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 160–165. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-160-165>, EDN: PQNZEM

Поступила в редакцию 17.04.2025, одобрена после рецензирования 20.05.2025, принята к публикации 30.08.2025
The article was submitted 17.04.2025, approved after reviewing 20.05.2025, accepted for publication 30.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 404–412

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 404–412

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-404-412>, EDN: KZFCBQ

Научная статья

УДК 316

Клиповое мышление как социальный феномен современного общества «в цифре»

К. В. Исаева , А. С. Вантяева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Исаева Кира Вадимовна, младший научный сотрудник кафедры цифровой социологии, kkiraisaeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0322-4195>

Вантяева Анастасия Сергеевна, соискатель кафедры социологии знания, vant-anastasia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1539-3025>

Аннотация. Статья посвящена проблеме трансформации форм и способов мышления в цифровую эпоху. Благодаря повсеместной технологизации и цифровизации появилось большое количество новых возможностей, однако часть из них имеет негативные последствия, среди которых: развитие клипового мышления, неспособность проведения глубокого анализа входящей информации, появление лжезнания. В статье раскрываются предпосылки появления, сущность и основные критерии понятия «клиповое мышление» как последствия цифровизации на основе анализа теоретико-методологических источников, вторичных данных, а также анализа первичных данных, полученных в результате социологического исследования (опроса). Теоретико-методологической базой стали концепции выдающихся социологов конца XX в. и других современных ученых. Проанализированы идеи и теории Ж. Бодрийяра, Н. Карра, У. Липпмана, М. Маклюэна, А. Моля, Г. Маркузе, Э. Тоффлера, Ф. И. Гиренка, Л. В. Калашиновой, Е. А. Браславской и др. Эмпирические данные были получены в ходе проведения социологического опроса. Аудитория (респонденты): московское студенчество – молодежь старше 18 лет, представители поколения зумеров. Важным результатом исследования стало разработанное авторское определение понятия «клиповое мышление» в контексте его социологического понимания. Отмечается, что в современной отечественной социально-гуманитарной мысли дефиниция клипового мышления является относительно молодой и малоизученной. Ввиду этого разработанное определение приобретает особую важность. Авторами доказано, что в контексте цифровизации знания клиповое мышление является необратимым результатом. Сопутствующими процессами в формировании клипового мышления стали стереотипизация, примитивизация, развитие лженаучного знания и постправды. Значимым результатом исследования являются разработанные и представленные в статье рекомендации по развитию критического мышления как формы мышления, позволяющей побороть негативные последствия формирования феномена клипового мышления.

Ключевые слова: цифровизация, информатизация, клиповая культура, клиповое мышление, трансформация мышления, псевдонаука, постправда, примитивизация, стереотипизация

Для цитирования: Исаева К. В., Вантяева А. С. Клиповое мышление как социальный феномен современного общества «в цифре» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 404–412. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-404-412>, EDN: KZFCBQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Clip thinking as a social phenomenon of modern digital society

K. V. Isaeva , A. S. Vantyaeva

Kira V. Isaeva, kkiraisaeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0322-4195>

Anastasia S. Vantyaeva, vant-anastasia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1539-3025>

Abstract. The article explores how human thinking patterns and approaches are evolving in the digital age. Thanks to technologization and digitalization a large number of new opportunities, were acquired, but some of them have negative consequences, including: the development of “clip thinking”, the inability to conduct in-depth analysis of incoming information, and the emergence of false knowledge. It is important to understand that it affects the formation of worldviews, attitudes and values. Therefore, the study of such social transformations is very important. The authors reveal the prerequisites for the emergence, essence and main criteria of the concept of “clip thinking” as a consequence of digitalization based on the analysis of theoretical and methodological sources, secondary data, and the analysis of primary data obtained as a result of a sociological study (survey). The concepts of outstanding sociologists of the late 20th century and other contemporary scientists became the theoretical and methodological basis of the article. The ideas and theories of J. Baudrillard, N. Carr, W. Lippmann, M. McLuhan, A. Moles, G. Marcuse, E. Toffler, F. I. Girenok, L. V. Kalashinova, E. A. Braslavskaya and others were analyzed. Empirical data were obtained during the sociological survey. The audience (respondents) were Moscow students over the age of 18 (the representatives of the Zoomer

generation). The important result of the research was the author's definition of the concept of "clip thinking" in the context of its sociological understanding. The authors note that in modern Russian socio-humanitarian thought, the definition of "clip thinking" is relatively young and poorly studied. That's why the developed definition is so important. The authors have proved that in the context of digitalization of knowledge, clip thinking is an irreversible result. The accompanying processes in the formation of clip thinking are: stereotyping, primitivization, the development of pseudoscientific knowledge and post-truth. A significant outcome of the research is the set of recommendations aimed at fostering critical thinking as a means to counteract the negative effects of clip thinking.

Keywords: digitalization, informatization, clip culture, clip thinking, transformation of thinking, pseudoscience, post-truth, primitivization, stereotyping

For citation: Isaeva K. V., Vantyaeva A. S. Clip thinking as a social phenomenon of modern digital society. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 404–412 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-404-412>, EDN: KZFCBQ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Повсеместная цифровизация и информатизация повлияли на большое количество разнообразных процессов, происходящих в современном обществе. В результате сегодня активно обсуждается вопрос о становлении новой цифровой эпохи, что качественным образом меняет социум. В данной статье наше внимание сосредоточено на том, как цифровая трансформация способна менять образ мышления и восприятие мира современных людей, а также на последствиях таких изменений.

Одним из ключевых последствий цифровизации и информатизации является развитие так называемого клипового мышления (англ. *clip* – отрывок, нарезка). По принципу построения видеоряда мышление современного человека сформировано путем быстрого наслаения информации, не всегда отвечающей качеству и достоверности. То есть сегодня человек предпочитает потреблять информацию в коротком, ярком, понятном виде, нежели погружаться в глубокий анализ материалов для самостоятельного извлечения качественного знания.

Особенно такие изменения проявляются у поколения зумеров, социализация которых проходила в период уже полностью сформированного цифрового общества. В связи с получением доступа к большим массивам данных у подрастающего поколения появилась сложность с ее восприятием и анализом. Как следствие – началось формирование клипового мышления, которое привело к фрагментации знания и снижению уровня критического мышления, что, в свою очередь, повлияло на изменение социальных установок и ценностей.

Теоретический анализ

В общеупотребляемой лексике понятие «клиповое мышление» является достаточно молодым, хотя в научной литературе фигурирует

еще с конца прошлого века. На сегодняшний день в отечественной социологии термин не является общепринятым, тем не менее, социальные эффекты от проявления и воздействия фрагментарности знания на общество не могут оставить изучение данного феномена в стороне.

В иностранной литературе «клиповое мышление» рассматривается в контексте «клиповой культуры» (или «экранной культуры»). Несмотря на то, что впервые в научный оборот термин был введен лишь в начале 1980-х гг., его зарождение связано с именем М. Маклюэна, который в своей работе 1962 г. «Галактика Гутенберга» в ходе исследования печатной культуры и института СМИ предвещал появление электронных источников знания и средств коммуникации и, как следствие, возврат человеческого мышления к первобытной эпохе и деградацию общества [1, с. 97].

Впервые понятие «клиповое мышление» употребил американский социолог Э. Тоффлер в 1980 г. в работе «Третья волна». По его мнению, основными характеристиками этого феномена являются короткие модульные вспышки информации, обрывки новостей, не связанные друг с другом, которые не вписываются в наши существующие когнитивные файлы, и все они поставляются в слишком странной форме, недолговечной и несвязной [2]. Еще больше конкретизируют понятие «клиповое мышление» введенные ученым термины «блип-культура» (англ. *blip* – сигнал) и «зеппинг» (англ. *zapping* – переключение каналов с помощью пульта управления).

Также изучением клипового мышления среди западных ученых занимался французский социолог А. Моль. В книге «Социодинамика культуры» он писал о том, что современная культура постмодерна формирует людей с расщепленным сознанием. Есть лишь череда эмоционально насыщенных образов, но нет понимания целостной картины мира [3, с. 123].

Уже в 1964 г. франко-американский социолог Г. Маркузе в своей работе «Одномерный человек» [4] косвенно отметил предпосылки зарождения феномена клипового мышления. По его мнению, большую часть современной индустриальной цивилизации составляют «одномерные люди», которые находятся под сильным влиянием массовой культуры, политики и технологий, а также характеризуются отсутствием критического мышления.

Кроме того, отметим, что клиповое мышление как форма социального познания и усвоения информации вписывается в концепцию «алеаторного мышления», учитывающую хаотичность, непредсказуемость и постоянную изменчивость современного социального состояния, разработанную социологом-постмодернистом Ж. Бодрийяром. Так, в работе «Пароли. От фрагмента к фрагменту» [5] он размышляет о тех социальных трансформациях, которые претерпевает общество сегодня ввиду своего нелинейного развития, выделяя отдельный параграф, посвященный мышлению. Важными среди характеристик новых форм мышления ученый отмечает примитивизацию и субъективную иллюзорность.

Ярко описал феномен клипового мышления в 2008 г. американский писатель и журналист Н. Карр в статье «Is Google Making Us Stupid? What the Internet is doing to our brains» [6]. В ней журналист приводит результат собственного наблюдения: при регулярном использовании Интернета он и его коллеги сами с трудом могут прочитать две страницы печатного текста в день. Автор описывает феномен клипового мышления как результат смены вдумчивого чтения печатной литературы на быстрый скроллинг онлайн-ленты с короткими новостями и яркими видео (картинками). Кроме прочего, журналист описывает парадокс клипового мышления: в сравнении с поколением доиндустриальной эпохи мы читаем в разы больше, однако это не значит, что читаем лучше.

Среди отечественных ученых идеи клиповой культуры и мышления начал развивать философ Ф. И. Гиренок. В своем труде «Метафизика пата» он пишет о клипах как об отрезках жизни: «То есть жизнь прошла, а иллюстрации к жизни остались. Вернее, только они и остались, как клипы пата, и по этим иллюстрациям нужно восстановить текст жизни. Клипы пата не мыслят. Они рассматриваются как картины. Клип и есть картина, только нет сознания,

которое бы могло заполнить пропуски между клипами» [7, с. 87]. Гиренок выделяет признаки клипового мышления, среди которых языковой минимализм, а также обращение не к опыту, а к воображению.

Также среди отечественных ученых изучением клипового мышления занималась Л. В. Калашникова. По ее мнению, клиповое мышление – это один из адаптивных механизмов головного мозга для обеспечения максимальных адаптивных возможностей человека применительно к его среде обитания [8, с. 68]. То есть это естественная реакция нашего мозга на изменения во внешней среде, на возросший объем информации. Однако из-за этого человек начинает воспринимать реальность обрывками, через те клипы, которые он потребляет. Так, например, человек, читающий новости, тешит себя иллюзией, что он имеет полное представление о процессах, происходящих в мире, в то время как на самом деле у него в голове сосуществует лишь множество отдельных фактов, которые практически не взаимосвязаны и не интегрированы в общие цепочки событий.

Все вышеуказанные определения и описания клипового мышления приводят к мысли о том, что это абсолютно новая форма сознания, сформированная в ответ на высокую техногенность современного мира. Природа не могла запрограммировать наш мозг на такие массивы информации, и, как следствие этого, возникла новая форма мышления.

Неотъемлемым атрибутом клипового мышления является кратковременная память. Она предохраняет мозг от перегрузки вследствие потребления больших объемов информации. Однако это имеет и негативные последствия, такие как сложность запоминания или припоминания информации. Среди основных негативных последствий развития клипового мышления можно выделить следующие: снижение уровня концентрации; деградация памяти; стереотипизация; потеря способности верификации данных; распространение псевдонаучного знания, постправды; ухудшение навыков цельного восприятия, акцент на фрагментарных явлениях; изменения в межличностном общении; рост интеллектуально-психологической зависимости от гаджетов; трансформация образовательных подходов.

На наш взгляд, наиболее негативным последствием развития клипового мышления яв-

ляется именно *снижение критического подхода к анализу информации*. Из-за этого человек становится более внушаемым, легче подвергается влиянию мошенников, рекламных и маркетинговых кампаний, «инфоцыган», пропаганде и ряду других небезопасных воздействий. Кроме того, из-за неспособности критически мыслить

и проводить *глубинный анализ* развивается *лженаука*, как следствие, *лженаука*, падает доверие к информации, в том числе научной.

Для наглядности мы сформировали таблицу, раскрывающую основные отличия между *логическим (критическим) мышлением* и *клиповым мышлением* (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная таблица «логического (критического) мышления» с «клиповым мышлением»

Признак сравнения	Логическое (критическое) мышление	Клиповое мышление
Основные признаки	Медленная скорость формирования и передачи данных Меньшее число источников знания Проверенная информация Соблюдение принципов научности знания (по Т. Куну) Существует вне цифровизации (сформировалось в письменной культуре)	Фрагментарное, урезанное знание Быстрая и сверхбыстрая скорости формирования и передачи данных Увеличение объема и возможностей доступа источников знания Источник – цифровизация и информатизация
Негативные последствия развития	Меньшая скорость реакции на новую информацию Перегрузка мозга за счет сложности и объемов текстов	Фрагментация знания Деградация Стереотипизация Снижение уровня концентрации Деградация памяти Потеря способности верификации данных Распространение псевдонаучного знания, постправды Ухудшение навыков цельного восприятия, акцент на фрагментарных явлениях Изменения в межличностном общении, сложное отношение или неприятие критики извне Рост интеллектуально-психологической зависимости от гаджетов Трансформация образовательных подходов Снижение теоретического мышления и творческой деятельности
Положительные последствия развития	Полнота и ясность мысли Широкий взгляд и глубокий анализ Цельное восприятие с возможностью выбора Тренировка памяти Соответствие принципам формирования научного знания Невосприимчивость мозга к манипуляции Способность генерировать новые идеи самостоятельно Преобладание теоретического мышления и творческой деятельности Здоровое отношение к критике извне	Больше возможностей доступа к знанию (объем и скорость) За счет фрагментарности текстов мозг защищен от перегрузки Многозадачность Ускоряет реакцию на внешние стимулы

Важно определить, что в современной образовательной системе нет необходимости устранить клиповое мышление. Задача современного образования – помочь молодежи с клиповым мышлением научиться критически мыслить и анализировать информацию. Для этого необходимо включить в образовательный

процесс новые формы подачи материала: более яркое визуальное сопровождение, большую структурированность информации, использование интерактивных платформ, расставление акцентов на самые важные элементы, вовлечение учеников в обсуждение для наилучшей усвояемости материала. Кроме того, необходимо

создать благоприятную для обучения среду без отвлекающих факторов, а также сформировать систему мотивации, чтобы повысить желание студентов вовлекаться в учебный процесс и усваивать информацию. Многие из этих рекомендаций отображены в образовательных принципах, сформулированных Е. А. Браславской, которые будут способствовать формированию системного мышления «студентов-клиповиков» [9, с. 117]:

1) принцип системности (образовательный процесс – это единая система взаимосвязанных элементов);

2) принцип систематичности и последовательности (изложение материала должно быть в определенной последовательности);

3) принцип многократного повторения (причем как на аудиторных занятиях, так и при самостоятельной работе);

4) принцип фрагментарности (дробление материала на блоки для лучшей усвояемости информации);

5) принцип наглядности (яркое визуальное сопровождение будет развивать абстрактное мышление и привлекать внимание учащихся);

6) принцип интерактивности (двусторонний обмен информацией);

7) принцип динамичности (частая смена видов учебной деятельности).

Кроме того, Е. А. Браславская отмечает, что для достижения наилучших результатов вышеуказанные принципы должны реализовываться комплексно и системно. Пересмотр принципов построения современной системы образования должен был выполнен с учетом принципов построения критического (или логического) мышления на основе научного знания.

Таким образом, анализ показал, что проблеме клипового мышления уделено большое число современных исследований. Среди теорий и концепций отмечены теории постиндустриального общества и постмодерна конца XX в. Проблема усиления клиповости мышления формирует ряд актуальных проблем

современного поколения зумеров, среди которых – фрагментарность знания, примитивизация и стереотипизация мышления, как следствие, деградация.

Эмпирическое исследование. Результаты и основные выводы

Для получения эмпирических данных по исследуемой в статье проблеме был выбран количественный метод опроса – анкетирование¹, которое проводилось онлайн в сети Интернет. Анкета состояла преимущественно из закрытых вопросов, разбитых на три основных блока (проблем исследования): блок 1 – общее представление о цифровом потреблении молодежи; блок 2 – осведомленность о проблеме формирования клипового мышления; блок 3 – негативные и позитивные последствия развития клипового мышления у молодежи. Полученные данные подтвердили выводы, сделанные на основании теоретического анализа.

Респондентами выступила московская студенческая молодежь. Общее число опрошенных – 820 чел. Основные половозрастные характеристики респондентов: возраст от 18 до 24 лет, среди которых 45% мужчин (369 чел.), 55% женщин (451 чел.). Выборка целевая, сформированная по принципу попадания в нее представителей целевой группы – поколения зумеров.

Математико-статистическая обработка данных, полученных в ходе опроса, была проведена с помощью программы SPSS.

Остановимся подробнее на результатах опроса. На рис. 1 представлены ключевые результаты по первому блоку вопросов, определяющему общую картину цифрового поведения московской молодежи.

¹ Эмпирической базой данных стали результаты опроса, проведенного авторами в августе-сентябре 2024 г. Респондентами выступила московская молодежь, представители поколения зумеров. Ключевой критерий выборки – возраст.

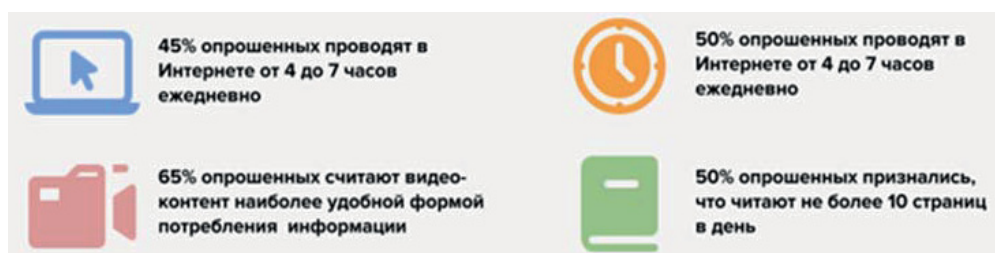

Рис. 1. Главные выводы по первому блоку вопросов

Ответы на первый вопрос о том, сколько примерно времени в день молодежь проводит в интернете, подтверждают еще раз, что общество стремительно погрузилось «в цифру», а жизнь виртуальная – неотъемлемая составляющая жизни физической. Так, почти половина опрошенных (45%) проводят в интернете от 4 до 7 час. ежедневно, 20% – от 8 до 11 час., чуть меньшее количество респондентов (17,5%) признаются, что проводят в режиме онлайн весь день.

Самой удобной формой потребления информации, по мнению большинства респондентов (94%) являются электронные платформы посредством цифровых носителей (информационные сайты, онлайн-издания, телеграм-каналы). При этом треть из них отмечают, что они также используют печатные текстовые издания (книги, журналы), однако большинство читают не более 10 страниц в день.

Поскольку большая часть респондентов выбирают электронные платформы, мы решили уточнить, какой вид контента воспринимается ими лучше и в каком формате. Ответы представлены в табл. 2.

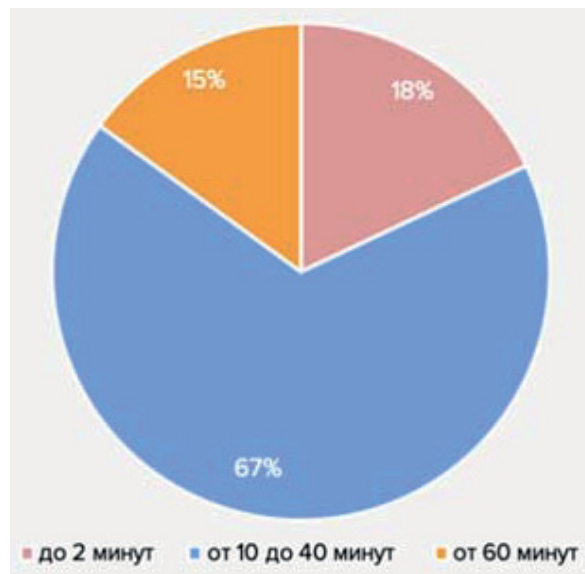
Таблица 2

Оптимальный формат потребления контента, исходя из его назначения

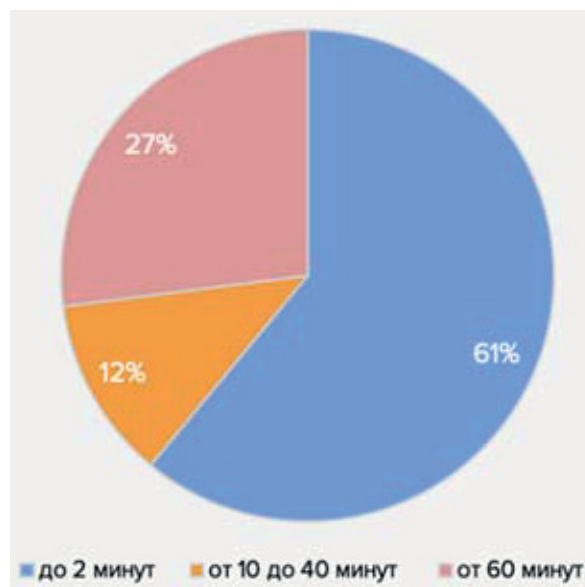
Формат потребления	Вид контента (по назначению)
Развлекательный	Видео
Образовательный	Видео
Новостной	Текст

Поскольку цифровые видеоматериалы являются наиболее распространенным форматом потребления информации у зумеров, мы решили уточнить, какая продолжительность видеоматериалов считается наиболее оптимальной для восприятия информации: большинство опрошенных наиболее оптимальной для восприятия продолжительностью образовательного видеоконтента выбрали «среднюю, от 10 до 40 минут» (45% респондентов). «Короткую, до 2 минут» выбрали 15%, а «длинную, от 60 минут» – 18% участников опроса (рис. 2, а).

Что касается наиболее оптимальной для восприятия продолжительностью развлекательного видеоконтента, то здесь большая часть респондентов выбрали «короткую, до 2 минут» (61%). «Среднюю, от 10 до 40 минут» выбрали 12% информантов, а «длинную, от 60 минут» – 27% (рис. 2, б).

а

б

Рис. 2. Оптимальная, по мнению респондентов, длительность потребления образовательного (а) и развлекательного (б) контентов (цвет онлайн)

Следующим вопросом мы уточнили, знакомы ли участники опроса с исследуемой проблемой клипового мышления лично, а именно со значением понятия «клиповое мышление». Более 72% респондентов ответили положительно. Из них 38% трактуют значение клипового мышления как *поверхностное восприятие информации, фрагментарное знание*. Также среди оставшейся части опрошенных бытует мнение,

что клиповое мышление – это *потребление информации и ее усвоение через короткий, яркий видео-контент* (34%). Чуть меньше трети (28%)

понимают под клиповым мышлением *сложности с концентрацией, фиксацией внимания на длительный период времени* (рис. 3).

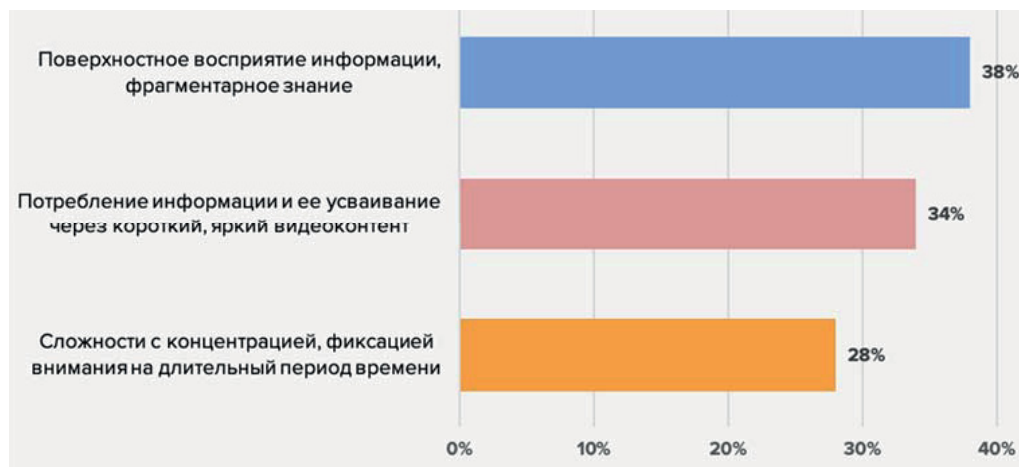

Рис. 3. Определение клипового мышления респондентами

На вопрос, *видите ли Вы негативные последствия в результате формирования клипового мышления? Если да, то какие?* большинство респондентов (88%) ответили положительно, и

лишь 12% опрошенных не видят негативных эффектов от феномена. Полученные ответы мы сгруппировали по *четырем группам последствий* (рис. 4).

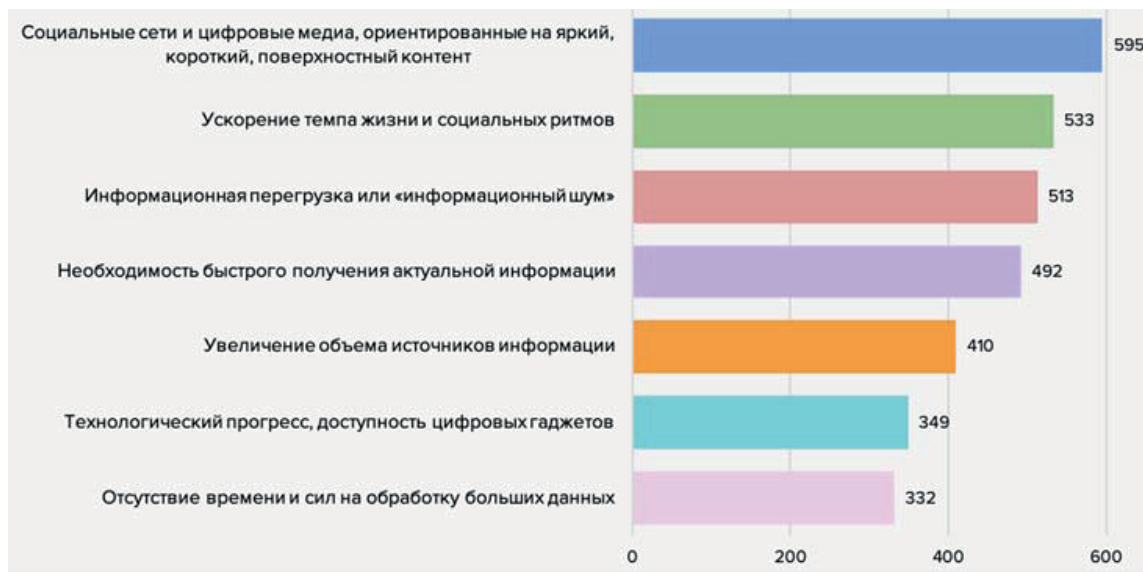

Рис. 4. Причины формирования клипового мышления у молодежи, количество упоминаний

При этом среди ответов на вопрос о том, *что стало причиной формирования и развития клипового мышления*, большинство участников опроса склоняются к таким факторам, как «социальные сети и цифровые медиа, ориентированные на яркий, короткий, поверхностный контент» (72% опрошенных), «ускорение темпа жизни и социальных ритмов» (65%), «информационная перегрузка или “информационный

шум”» (63%), «необходимость быстрого получения актуальной информации» (60%). Половина информантов отмечают также «увеличение объема источников информации» в качестве фактора развития клипового мышления современного поколения.

Среди *позитивных последствий* развития клипового мышления отмечают: увеличение скорости и объемов обработки информации

(40% опрошенных); рост многозадачности и, как следствие, повышение эффективности (более 22%); экономия времени (более 12%).

Однако четверть опрошенной молодежи не видит позитивных последствий в развитии клипового мышления.

На последний вопрос о важности развития критического мышления у молодежи положительно ответило абсолютное большинство.

Таким образом, благодаря проведенному опросу нам удалось выявить наиболее удобные формы потребления информации у поколения зумеров, а также определить основные причины формирования клипового мышления и последствия его развития у зумеров.

В ходе исследования нами было разработано также авторское определение понятия «клиповое мышление». **Клиповое мышление** – это тип мышления, который характеризуется поверхностным восприятием информации, быстрой сменой внимания и фрагментированным пониманием реальности.

Также нами разработаны **ключевые рекомендации по формированию критического (логического) мышления у современной молодежи для минимизации негативных последствий развития клипового мышления.**

1. Ввести систему аккредитации для онлайн-экспертов, которые распространяют знания в сети Интернет. Статус и профессионализм эксперта должны быть подтверждены, чтобы предотвратить развитие лженауки и лжезнания. В широком смысле необходим переход от «метода проб и ошибок» к методу научной экспертизы социальных процессов [10, с. 56].

2. Необходимо ставить под сомнение всю входящую информацию, перепроверять ее, учиться самостоятельно выявлять причинно-следственные связи, т. е. развивать навыки отбора достоверной информации путем сравнения, анализа, аргументации.

3. Нужно транслировать важность получения высшего образования, но при этом изменить подходы в системе обучения, а именно: давать студентам открыто высказывать свое мнение, проводить дебаты, учить обосновывать и отстаивать свою точку зрения, даже если она отличается от мнения большинства.

4. Следует использовать разнообразные источники для верификации информации (отечественные и иностранные, научные и справочные и т.д.).

Заключение

Делая вывод, необходимо отметить, что исследуемая проблема клипового мышления с каждым днем становится все актуальнее. В широком смысле факторами развития стали полномасштабные процессы информатизации (как следствия появления Интернета) и цифровизации (как следствия появления цифровых технологии и ухода социума «в цифру» и «в экран»). На индивидуальном уровне проблема клипового мышления рассматривается в поле исследования социальной психологии как процесс фрагментации, упрощения и примитивизации поступающей информации.

В статье приведена авторская сравнительная таблица (см. табл. 1.), раскрывающая сущность, позитивные и негативные последствия формирования логического (критического) мышления и клипового мышления. Таблица демонстрирует необходимость обращения современной системы образования к принципам построения научного знания с учетом принципов формирования критического знания, поскольку, лишь обладая логическим мышлением, современное поколение не утратит творческую деятельность, способности лично генерировать идеи и навыки глубинного анализа. В таблице наглядно представлены негативные последствия формирования и дальнейшего развития клипового мышления.

Результаты теоретического анализа подтверждаются и выводами, полученными в ходе социологического опроса московской молодежи, проведенного авторами статьи осенью 2024 г. Было выявлено: современной российской молодежи свойственен клиповый формат мышления, что делает эту проблему актуальной в современных социальных науках. Ключевым фактором формирования клипового мышления стали процессы цифровизации, влияющие, главным образом, на процессы восприятия, анализа и трансляции новых знаний у представителей поколения зумеров.

Список литературы

1. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры / пер. с англ. А. Юдина. Киев : Ника-центр, 2003. 432 с. (Сдвиг парадигмы. Вып. 1).
2. Toffler A. The third wave. New York : Morrow, 1980. 544 p.

3. Моль А. Социодинамика культуры / пер. с фр. Б. В. Бирюкова, Р. Х. Зарипова, С. Н. Плотникова. Изд. 3-е. М. : ЛКИ, 2008. 416 с.
4. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ. А. Юдина. М. : REFL-book, 1994. 368 с.
5. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / пер. с фр. Н. Сулова. Екатеринбург : У-Фактория, 2006. 200 с. (Академический бестселлер).
6. Carr N. Is Google Making Us Stupid? What the Internet is doing to our brains. The Atlantic, Boston, 2008. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2008/07/is-google-making-us-stupid/306868/> (дата обращения: 16.01.2025).
7. Гиренок Ф. И. Метафизика пата. Косноязычие усталого человека. М. : Академический проект, 2014. 236 с. (Философские технологии. Nunc et nunc).
8. Калашникова Л. В. Клиповое мышление как формат подачи информации в процессе познавательной деятельности // Образование, наука и производство. 2014. № 4 (9). С. 67–71. EDN: VSCADZ
9. Браславская Е. А. Принципы построения иноязычной образовательной траектории студентов технического вуза, обладающих клиповым мышлением // E-Scio. 2023. № 2 (77). С.117–121. EDN: XLUUMY
10. Осипов Г. В., Климовицкий С. В. Цифровизация общественной жизни и новые задачи социальных наук // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 7. С. 52–57. <https://doi.org/10.23672/SAE.2018.2018.15791>, EDN: XVRCAH

Поступила в редакцию 23.06.2025, одобрена после рецензирования 17.07.2025, принята к публикации 30.08.2025
The article was submitted 23.06.2025, approved after reviewing 17.07.2025, accepted for publication 30.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 413–417

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 413–417

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-413-417>, EDN: PMULHC

Научная статья

УДК 316.4.05

Мотивация военно-профессиональной деятельности военнослужащих национальной гвардии

Р. Ш. Курманов

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Россия, 410023, г. Саратов, ул. Московская, д. 158

Курманов Ренат Шавкятovich, адъютант, kurmanovrenat92@gmail.com

Аннотация. Рассмотрена мотивация военно-профессиональной деятельности военнослужащих в системе общей служебной мотивации военной организации России. Исследована мотивация профессиональной деятельности военнослужащих как двойственная система: набор факторов, побуждающих военных акторов к достижению профессиональных целей; набор побуждающих мотивов к осуществлению профессиональных действий военнослужащих. Доказано, что мотивация военно-профессиональной деятельности военнослужащих проявляется в материальных, а также идеальных объектах, являющихся важными и ценными для индивидов, определяющих их потребность к реализации деятельности. В современных условиях около трети военнослужащих (27%) устойчиво сохраняют преимущественно материальную мотивацию выбора и осуществления военной службы. Статичен состав военнослужащих, стремящихся к выполнению поставленных приказов, задач, распоряжений с целью карьерного роста (19%). Увеличивается состав военнослужащих, ориентирующихся на личный профессиональный рост, новаторство и саморазвитие. Около 18% военных осуществляют службу с целью творческой самореализации. В новых условиях только около десятой части военнослужащих мотивированы преимущественно на патриотическое служение и продолжение военных общественных традиций в процессе реализации службы. Анализ эмпирических данных показал необходимость формирования комплексной системы мотивации военно-профессиональной деятельности военнослужащих национальной гвардии Российской Федерации. Важным является активизация следующих процессов развития мотивации военно-профессиональной деятельности военнослужащих: рост денежного довольствия, формирование новых компонентов внешнего стимулирования служебно-трудовой деятельности; создание современных механизмов организационного стимулирования, улучшение условий службы, оптимизация моделей взаимодействия начальников и подчиненных; разработка и реализация целевых проектов морально-нравственного совершенствования военных субъектов, плановое формирование, а также служебная реализация патриотических мотивов военно-профессиональной деятельности членов воинских коллективов.

Ключевые слова: мотивация, военная профессиональная деятельность, национальная гвардия, служебная деятельность, военнослужащие

Для цитирования: Курманов Р. Ш. Мотивация военно-профессиональной деятельности военнослужащих национальной гвардии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 413–417. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-413-417>, EDN: PMULHC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Motivation of military-professional activities of military personnel of the National Guard

R. Sh. Kurmanov

Saratov Military Order of Zhukov of the Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, 158 Moskovskaya St., Saratov 410023, Russia

Renat Sh. Kurmanov, kurmanovrenat92@gmail.com

Abstract. The motivation of the military-professional activities of military personnel in the system of general official motivation of the military organization of Russia is considered. The motivation of the military-professional activities of military personnel is investigated as a dual system: a set of factors that encourage military actors to achieve professional designated goals, official or labor activities in general; a set of motivating motives for the implementation of professional actions of military personnel. It was proved that the motivation of the military-professional activities of military personnel is manifested in the implementation of material, as well as ideal objects that are important and valuable for individuals, determining their need for the implementation of military professional activities. It was proved that in modern conditions, about a third of military personnel (27%) consistently retain the predominant material motivation for choosing and performing military service. The stable composition of the military personnel striving to fulfill orders, tasks, orders, for the purpose of career growth (19%). At the same time, the group of military personnel focusing on personal professional growth, innovation and self-development is gradually growing. About 18% of the military carry out

military service in order to fulfill the needs of creative self-realization. Under the new conditions, only about a tenth of the military personnel are mainly motivated for patriotic service and the continuation of military public traditions in the process of implementing the service. The analysis of empirical data showed the need to form an integrated system of motivation for the military-professional activities of the National Guard. It is important to intensify the following processes for the development of motivation for the military-professional activities of military personnel: the increase in monetary allowances, the formation of new components of external stimulation of service and labor activities; creation of modern mechanisms of organizational incentives, improvement of working conditions, optimization of models of interaction between bosses and subordinates; the development and implementation of targeted projects for the moral and improvement of military subjects, the planned formation, as well as the official implementation of the members of military groups' patriotic motives of the military-professional activities.

Keywords: motivation, military professional activities, national guard, official activities, military personnel

For citation: Kurmanov R. Sh. Motivation of military-professional activities of military personnel of the National Guard. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 413–417 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-413-417>, EDN: PMULHC

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В современных условиях обостряются международные отношения, реализуется специальная военная операция по освобождению южных территорий России, расширяются практики идеологической воздействия Запада на военнослужащих России. Это приводит к усилению внешней антироссийской пропаганды, направленной на дестабилизацию социальной устойчивости воинских коллективов. Особая острота данной проблемы проявляется в системе национальной гвардии России, представители которой непосредственно взаимодействуют с населением, работают с внешними и внутренними информационными потоками, пресекают нарушения законности и порядка в действиях различных социальных групп населения. В новых условиях военнослужащий не может эффективно осуществлять служебные обязанности без реализации необходимых мер по результативной мотивации его профессиональной деятельности.

Таким образом, сегодня актуализируются практики решения задач на стратегическую перспективу развития до 2030 г., определяющих обеспечение сбалансированного совершенствования военных организационных структур России, формирования оптимальной системы мотивации военнослужащих, материального обеспечения базовых системных компонентов воинских частей [1]. Решение данной задачи определяет необходимость, с одной стороны, постоянно диагностировать мотивы осуществления военно-профессиональной служебной деятельности военнослужащих, с другой стороны, определить пути целевой модернизации направлений стимулирования военной службы.

Теоретическое обоснование исследовательской проблемы

В социологических источниках имеются подходы, раскрывающие современное содержание мотивации профессиональной деятельности. Данные разработки теоретически связывают данную категорию с процессом осмысления личностью социальной ситуации, а также выбором и оценкой различных поведенческих моделей, предполагаемых внутренних и внешних побуждений к действию акторов [2]. И. Мазняк, конкретизируя содержание мотивации профессиональной деятельности, указывает, что мотивация представляет собой внутренние, а также внешние факторы, определяющие желание человека выполнять определенный набор действий, побуждающих актора к достижению профессиональных целей, служебной или трудовой деятельности в целом. Мотивацию необходимо исследовать как процесс, направляющий профессиональные действия человека. Одновременно ее важно рассматривать как набор деятельных побуждений по достижению профессиональных обозначенных целей, служебной или трудовой деятельности в целом. По сути, мотивация – это процесс, направляющий профессиональные действия человека. Это обобщенное представление о материальных, а также идеальных объектах, являющихся важными и ценными для индивида, достижение их придает значение и смысл профессиональной деятельности [3]. Исследователи обосновывают *разнородность* проявления мотивации, а также необходимость индивидуального подхода к исследованию мотивов каждой профессиональной группы акторов.

Ю. Г. Быченко обосновывает внешние базовые подсистемы мотивации как разнородный материальный и нематериальный процесс, до-

казывает, что каждая профессиональная группа имеет специфическую систему мотивации их деятельности [4]. В. М. Игнатьев дополняет содержательные компоненты мотивации. Он предлагает рассматривать внешнюю мотивацию в качестве стимулирования, не связанного с содержанием служебной или трудовой профессиональной деятельности как социального процесса, обусловленного внешними обстоятельствами. В данном контексте внутренняя мотивация – это внутреннее побуждение, связанное не с внешними факторами, а с самим осознанием необходимости служебно-трудовой профессиональной деятельности. Все имеющиеся мотивационные компоненты на практике проявляются как положительная (основывается на положительных внешних и внутренних стимулах), а также отрицательная (основывается на отрицательных внешних и внутренних стимулах) мотивация [5]. Профессиональная мотивация здесь рассматривается как на уровне внешних факторов воздействия (первый компонент – материальное поощрение, второй компонент нематериальные факторы [6]), так и на уровне внутренних побуждений к действию (стремление действовать, чтобы получить что-то [7]).

Военные социологи обращают внимание на оценку внутренних компонентов мотивации профессиональной деятельности военнослужащих [8]:

- 1) профессиональные ценности служебной деятельности [9];
- 2) профессиональные потребности, служебное творчество, нужда участия в реализации управленческих действий [10];
- 3) трансформация интереса к нововведениям [11].

По сути, мотивы профессиональной деятельности военнослужащих национальной гвардии отражают обобщенный результат действия системы внешнего воздействия на воинские коллективы. Последние включают в себя как материальные факторы стимулирования военно-профессиональной деятельности, так и нематериальные инструменты, направленные на создание благоприятного внутриорганизационного климата, реализацию духовных факторов поддержки эффективного удовлетворения потребностей.

Таким образом, на общетеоретическом уровне мотивация профессиональной деятельности военнослужащих представляет собой двойственное явление. С одной стороны, это

набор факторов, побуждающих военных акторов к достижению профессиональных целей, служебной или трудовой деятельности в целом, с другой – процесс, регулирующий и направляющий профессиональные действия человека; с третьей стороны – это обобщенное представление о материальных, а также идеальных объектах, являющихся важными и ценными для субъекта служебной деятельности. Достижение желаемых материальных, а также идеальных объектов придает значение и смысл профессиональной деятельности военнослужащего.

Анализ эмпирических данных

Для эмпирического исследования мотивации военно-профессиональной деятельности военнослужащих проанализируем некоторые данные социологического опроса «Мотивация военно-профессиональной деятельности военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации», проведенного автором статьи в конце 2024 г. – начале 2025 г. Опрошено 1204 военнослужащих (Уральский округ – 393 чел., Приволжский округ – 386 чел., Центральный округ – 425 чел.).

В рамках данного социологического исследования мотивация профессиональной деятельности военнослужащими связывается с реализацией служебной активности. Рост военно-профессиональной мотивации определяется респондентами двумя базовыми факторами: материальной (82% опрошенных), возможностью творческой профессиональной активности (44% опрошенных). Отметим, что творческая профессиональная активность определяется в рамках возможности отхода от рутинных алгоритмов профессиональных действий акторов: 65% военнослужащих акцентируют внимание на необходимости развития возможности военно-профессиональной инициативы; 39% подчеркивают необходимость новаторского взаимодействия в процессе функционирования воинских коллективов; 37% обращают внимание на необходимость образовательного развития, повышение аналитической инициативы в процессе реализации военной службы. Несложно заметить связь между развитием ценностей «инициатива», «творческое отношение к профессиональной деятельности» и ростом профессиональной мотивации военнослужащих. Отметим, что в системе профессиональной деятельности большинство военнослужащих не

видят возможности реализации творческой профессиональной активности (57%). Менее пятой части опрошенных видят возможность проявить и реализовать разумную инициативу в процессе собственной профессиональной деятельности.

Можно сделать вывод о том, что на практике в системе войск национальной гвардии преобладает традиционная система военно-профессионального взаимодействия. Преимущественно служебно-трудовые действия осуществляются по заранее разработанным и статично внедренным алгоритмам, действия военнослужащих ориентированы на установленные руководством как промежуточные, так и конечные результаты военно-профессионального действия.

В сложившейся ситуации несложно определить структуру военнослужащих относительно мотива осуществления военно-профессиональной деятельности. В ходе проведенного социологического опроса были выявлены четыре типа военнослужащих относительно мотива реализации военной службы. Первый тип – «меркантильные» военнослужащие (27%), преимущественно нацеленные на получение материальной выгоды и благ (ценящие денежное довольствие, корысть, связывающие дальнейшую службу с перспективой роста дохода). Второй тип – «исполнительные карьеристы» (19%) – в основном стремящиеся к выполнению поставленных приказов, задач, распоряжений с целью карьерного роста (осуществляющие службу, следуя потребности исполнять нужды государства, собственных начальников, в целях построения собственной карьеры). Третий тип – «развивающиеся» военнослужащие (18%), руководствующиеся желанием получить возможность осваивать новую технику, технологии (имеющие потребность и приоритеты в реализации творческих способностей, разработке, а также внедрении проектных военных стратегий и преобразований). Четвертый тип – «патриоты, продолжатели общественных традиций» (11%) – военнослужащие глубоких патриотических убеждений, не только провозглашающие, но демонстрирующие верность моральным, государственным политическим нормам и принципам. Основное содержание их профессиональной деятельности связано со служением Отечеству, готовностью жертвовать собственными интересами во имя блага российского общества. По сути, типология военнослужащих определяется мотивами реализации их профессиональной деятельности. Здесь профессионализм отражает

мотивы, побуждающие личность к действиям, наличие у нее закрепленной, а также признанной трудовой ориентации. Военно-профессиональная деятельность характеризуется не только профессионально-образовательными функциями, наличием знаний, умений, а также навыков, но и приобретением профессионального потенциала, в том числе и деятельностно мотивированного.

Заключение

Мотивация военно-профессиональной деятельности является элементом общей служебной мотивации военнослужащих. Она характеризует действия военной администрации, направленные на побуждение военнослужащих к осуществлению военной службы.

Анализ данных эмпирического исследования показал, что около трети военнослужащих (27%) устойчиво сохраняют преимущественную материальную мотивацию выбора и осуществления военной службы. Статичен состав военнослужащих, стремящихся к выполнению поставленных приказов, задач, распоряжений с целью карьерного роста (19%). Увеличивается группа военнослужащих, ориентирующихся на личный профессиональный рост, новаторство и саморазвитие. Менее пятой части военных осуществляют службу с целью творческой самореализации. В новых условиях крайне низок состав военнослужащих, мотивированных на патриотическое служение и продолжение военных традиций общества.

Последнее определяет необходимость разработки проектов, направленных на усиление мотивационного комплекса военно-профессиональной деятельности военнослужащих.

Основные процессы развития мотивации военно-профессиональной деятельности военнослужащих следующие: 1) рост денежного довольствия, формирование новых компонентов внешнего стимулирования служебно-трудовой деятельности; 2) создание современных механизмов организационного стимулирования, улучшение условий службы, оптимизация моделей взаимодействия начальников и подчиненных; 3) разработка и реализация целевых проектов морально-нравственного совершенствования военных субъектов, плановое формирование, а также служебная реализация патриотических мотивов военно-профессиональной деятельности членов воинских коллективов.

Внешняя мотивация военно-профессиональной деятельности должна осуществляться в несколько этапов. Первый этап – социологическая оценка (исследование социальной среды, окружения, а также выбор оптимальных стратегий служебного поведения). Второй этап – планирование проектного развития мотивационной системы (разработка задач, проектирование мотивов, конкретизация организационно востребованных поведенческих практик, стратегий действий военнослужащих). Третий этап – обновление мотивационной системы военно-профессиональной деятельности военнослужащих, модернизация модели служебного поведения военных субъектов, повышение служебной активности, усиление ориентации на эффективные практики взаимодействия членов воинского коллектива.

Список литературы

1. Путин В. О перспективах развития Вооружённых Сил, других войск, воинских формирований и органов, выполняющих задачи в области обороны, на период до 2030 года: Выступление на заседании Совета безопасности Российской Федерации 22.11.2019. URL: <http://www.scrf.gov.ru/council/session/2688/> (дата обращения: 21.11.2023).
2. Мазняк И. О. Теоретические представления о трудовой мотивации: анализ основных концепций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2006. № 1 (9). С. 72–82.
3. Быченко Ю. Г. Профилактика межнациональных конфликтов в современном воинском коллективе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 132–137. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-132-137>, EDN: TMRGFL
4. Быченко Ю. Г. Пути совершенствования профессиональной мотивации курсантов военного института // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (14). С. 72–76.
5. Игнатъев В. М., Потоцкая Е. А. Мотивация: виды, функции и факторы // Экономика и социум. 2014. № 4–3 (13). С. 119–126. EDN: TPERNB
6. Скрипникова Г. В., Ширманова Г. С. Трудовая мотивация и ее влияние на качество жизни работников // СибСкрипт. 2014. Т. 1, № 3 (59). С. 248–252.
7. Чурзина А. С. Мотивация персонала к трудовой деятельности // Молодой ученый. 2023. № 46 (493). С. 148–151. URL: <http://moluch.ru/archive/493/107659> (дата обращения: 10.04.2025). EDN: JQXJIP
8. Баландина Т. М., Егоров А. В., Пихтелев А. М. Профессиональный потенциал военнослужащего: обновление содержательных характеристик // Социологические знания в контексте актуальных проблем развития социальных общностей и институтов : сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. М. Пихтелева. Саратов : Изд-во СВКИ, 2023. С. 11–16. EDN: NPVXDE
9. Савенко А. А. Двухуровневая модель мотивации служебно-трудовой деятельности военнослужащих национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18, № 3 (57). С. 49–59.
10. Гильфанова М. Г. Социальное проектирование мотивации труда работников организации командного типа // Доклады Академии военных наук (Поволжское отделение). 2010. № 1 (39). С. 25–31.
11. Алексеенко В. Э. Военнослужащий в системе войск национальной гвардии Российской Федерации // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2018. Т. 12, № 3. С. 15–18. EDN: WBYVZR

Поступила в редакцию 18.04.2025, одобрена после рецензирования 20.05.2025, принята к публикации 30.08.2025
The article was submitted 18.04.2025, approved after reviewing 20.05.2025, accepted for publication 30.08.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 418–425

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 418–425

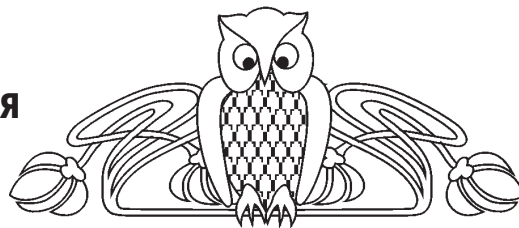
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-418-425>, EDN: RGADQB

Научная статья

УДК 316.023.6-355/359-5/-9

Влияние статуса на взаимоотношения в семьях офицеров запаса

М. А. Фомина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Фомина Мария Олеговна, аспирант кафедры истории, теории и прикладной социологии, Kuznoleg@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются эмпирические результаты социологического исследования с целью выявления влияния статуса саратовских военнослужащих после окончания воинской службы на их семейные отношения. Исследование проводилось методом анкетирования. Были опрошены по вероятностной квотно-территориальной выборке 356 бывших саратовских военнослужащих – офицеров запаса. Результаты обрабатывались в программе SPSS. Выяснилось, что чем выше звание офицера запаса, тем больше детей в его семье и тем лучше его материальное обеспечение и внутрисемейные отношения. Исключением являются бывшие военнослужащие в звании капитана и полковника. Среди последних чаще доминирует безразличие в отношениях с женой, что является следствием перехода семьи на стадию «пустого гнезда», при котором дети взрослеют и покидают семью, остаются лишь пожилые супруги. Одновременно уменьшается доля бывших офицеров, не помогающих своим супругам. Также при этом снижается интерес к детям, что, возможно, связано с их взрослением. Таким образом, доказано, что военный статус офицера запаса напрямую позитивно влияет на его внутрисемейную обстановку.

Ключевые слова: военнослужащие запаса, офицеры запаса, семейные отношения

Для цитирования: Фомина М. А. Влияние статуса на взаимоотношения в семьях офицеров запаса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 418–425. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-418-425>, EDN: RGADQB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The influence of status on relationships in the families of reserve officers

M. A. Fomina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maria O. Fomina, Kuznoleg@mail.ru

Abstract. The article reveals the empirical results of a sociological study in order to identify the impact of the status of Saratov servicemen after the end of military service on their family relations. The study was conducted by questionnaire method. 356 former Saratov servicemen - reserve officers were interviewed using a probabilistic quota-territorial sample. The results were processed in the SPSS program. It turned out that the higher the rank of a reserve officer, the more children in his family, the better his material support and intra-family relations. The exceptions are former military personnel in the rank of captain and colonel. Among the latter, indifference in relations with the wife is more often dominant, which is a consequence of the transition of the family to the stage of the "empty nest", in which children grow up and leave the family, only elderly spouses remain. At the same time, the proportion of former officers who do not help their spouses is decreasing. Also, at the same time, interest in children decreases, which may be associated with their growing up. Thus, it has been proved that the military status of a reserve officer directly has a positive effect on his family situation.

Keywords: reserve servicemen, reserve officers, family relations

For citation: Fomina M. O. The influence of status on relationships in the families of reserve officers. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 418–425 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-418-425>, EDN: RGADQB

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В современном обществе семья выступает как одно из важнейших оснований жизненного уклада россиян. Не исключение – семьи

военнослужащих запаса. Однако на их жизнедеятельность накладывает большой отпечаток переходное состояние от военной к гражданской

жизни, бывшая профессия главы семьи, сопряженная с повышением звания и статуса, постоянными переездами. По сути, часто происходит смешение статусно-ролевых диспозиций мужа, отца, начальника, жены и партнера (коллеги). И все это происходит на фоне сильных стрессовых ситуаций по поводу изменения экономического положения семьи, места жительства, нового трудоустройства и пр. Поэтому важно социологически мониторить социальные проблемы не только самих запасников, но и их семей.

При более чем столетней изученности состояния армии, генезис которой прослежен И. В. Образцовым [1], социальные проблемы воинов запаса попали в поле зрения социологов только относительно недавно (И. Т. Арабидзе [2], А. В. Саблуков [3], А. И. Смирнов [4], С. С. Соловьев [5] и других [6]). Однако вопросы их семейных взаимоотношений пока изучены недостаточно.

Военнослужащие запаса Вооруженных сил РФ – это большая номинальная совокупность граждан (в данном случае – офицеров), состоящих на воинском учете, прошедших службу или освобожденных от нее, но годных к воен-

ной службе в военное время. Это отражается в военном билете запасников, т.е. индивидов, которые имеют специальное звание и которые в случае необходимости могут привлекаться к военной службе.

Исходя из этого, в Саратове в 2025 г. было проведено социологическое исследование методом анкетирования офицеров запаса. По вероятностной квотно-территориальной выборке были опрошены 356 бывших саратовских военнослужащих. Результаты обрабатывались в программе SPSS. В соответствии с выборочной совокупностью в опросе приняли участие 32% запасников в возрасте от 20 до 30 лет, 26% – от 31 до 40 лет, 42% – от 41 до 50 лет.

Для определения степени влияния статуса офицера запаса на его внутрисемейные взаимоотношения проводился корреляционный анализ, в ходе которого была выявлена зависимость семейного климата от звания респондента. В звании старшего лейтенанта состояли 17,3% опрошенных, 28% являлись капитанами, 30% состояли на службе в звании майора, подполковниками и полковниками являлись 12,7 и 12,0% соответственно (табл. 1).

Таблица 1

Выслуга офицеров запаса различного звания, % по выслуге

Звание респондента	Выслуга			Всего
	до 10 лет	11–20 лет	21 год и более	
Старший лейтенант	58,1	1,7	–	17,3
Капитан	41,9	39,7	2,0	28,0
Майор	–	50,0	32,7	30,0
Подполковник	–	8,6	28,6	12,7
Полковник	–	–	36,7	12,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Подавляющее большинство офицеров запаса женаты и имеют детей (табл. 2). Бездетных только 12%, 51,3% имеют одного ребенка, 30,7% – двоих, 5,3% – троих детей. При этом чем выше звание, тем больше детей в семьях бывших офицеров. Это означает, что при переходе к гражданской жизни изменяется жизнь не только самого запасника, но и его жены и детей.

На момент опроса у 1,3% (среди бывших старших лейтенантов – 3,8%, среди майоров – 2,2%) денег не хватало даже на питание (табл. 3). У 23,3%, особенно среди бывших старших лейтенантов (73,1%) и капитанов (38,1%), вызывала

затруднение покупка одежды. У многих (43,3%), особенно бывших капитанов (61,9%), майоров (64,4%) и подполковников (52,6%), не хватало денег на покупку вещей длительного пользования. Это могли себе без труда позволить 19,3% опрошенных (3,0% – старших лейтенантов, 11,1% – майоров, 47,4% подполковников и 77,8% полковников). Очень дорогие приобретения (квартира, машина, дача, отдых за границей) могут позволить себе только бывшие майоры и полковники (по 22,2%). Таким образом, чем выше звание, тем лучше материальное обеспечение семьи военнослужащих запаса.

Таблица 2

Состав семей офицеров запаса различного звания, % по званию

Состав семьи респондента	Звание					Всего
	Ст. лейтенант	Капитан	Майор	Подполковник	Полковник	
Нет семьи	3,8	–	–	–	–	0,7
Есть, но без детей	42,4	16,7	–	–	–	12,0
Есть, с одним ребенком	53,8	69,0	66,7	–	22,2	51,3
Есть, с двумя детьми	–	14,3	33,3	78,9	55,6	30,7
Есть, с тремя детьми	–	–	–	21,1	22,2	5,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 3

Материальное положение семей офицеров запаса различного звания, % по званию

Материальное положение семьи респондента	Звание					Всего
	Ст. лейтенант	Капитан	Майор	Подполковник	Полковник	
Не хватает на питание	3,8	–	2,2	–	–	1,3
Покупка одежды вызывает затруднения	73,2	38,1	–	–	–	23,3
Не хватает на покупку вещей длительного пользования	–	61,9	64,4	52,6	–	43,3
Мы можем без труда покупать вещи длительного пользования	3,8	–	11,2	47,4	77,8	19,4
Затруднительна покупка действительно очень дорогих вещей	–	–	22,2	–	22,2	9,4
Затрудняюсь ответить	19,2	–	–	–	–	3,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Основным источником доходов семьи бывшего военнослужащего выступает его заработная плата (28,0%). Особенно это касается семей бывших старших лейтенантов (34,6%) и полковников (72,2%). Видимо, это связано с наличием малолетних детей у лейтенантов и с солидным возрастом жен полковников, что вызывает проблемы с трудоустройством

(табл. 4). Однако в большинстве семей офицеров запаса (72,0%) работают оба супруга. При этом чем выше звание, тем таковых семей больше. Однако пороговым выступает семья майоров, где наибольшее значение имеют зарплаты мужа и жены (87,6%). Начиная со звания подполковника доля работающих жен постепенно снижается.

Таблица 4

Источники дохода семей офицеров запаса различного звания, % по званию

Источники дохода семьи офицеров запаса	Звание					Всего
	Ст. лейтенант	Капитан	Майор	Подполковник	Полковник	
Только зарплата мужа	34,6	23,8	13,3	21,1	72,2	28,0
Зарплата мужа и жены	65,4	76,2	86,7	78,9	27,8	72,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В подавляющем большинстве семей «казначеем» выступает супруга бывшего военнослужащего – 63,8% (табл. 5). Особенно это относится к старшим лейтенантам (72,0%) и полковникам (100,0%).

Более половины бывших старших лейтенантов (66,7%) характеризуют свои внутрисемейные отношения как комфортные. Скорее всего, это объясняется тем, что среди этой кате-

гории запасников доминируют молодые семьи, которые еще испытывают «послесвадебную эйфорию» (табл. 6). Присутствие напряженности наблюдается у четвертой (23,9%) части лейтенантских семей, что можно объяснить необходимостью заботы о маленьких детях. В каждом десятом случае (9,5%) на формирование поведения супругов влияет принцип «доверяй, но проверяй».

Таблица 5

Субъекты распределения дохода семей офицеров запаса различного звания, % по званию

«Казначей» в семье	Звание					Всего
	Ст. лейтенант	Капитан	Майор	Подполковник	Полковник	
Муж	24,0	47,6	26,7	42,1	–	30,9
Жена	72,0	47,6	64,4	52,6	100,0	63,7
Равноправное распределение денег	4,0	4,8	8,9	5,3	–	5,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 6

Взаимоотношения в семье офицеров запаса различного звания, % по званию

Взаимоотношения в семье	Звание					Всего
	Ст. лейтенант	Капитан	Майор	Подполковник	Полковник	
Комфортные	66,7	40,5	61,1	73,7	22,2	52,2
Безразличные	–	23,8	19,4	26,3	55,6	23,5
Напряженные	23,8	31,0	11,1	–	16,7	18,4
Доверяй, но проверяй	9,5	4,7	8,4	–	5,5	5,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

С увеличением звания до капитана комфортность внутрисемейных отношений уменьшается (40,5%). Данные изменения объясняются переходом на следующую стадию жизненного цикла семьи, в ходе которого в основной массе семей взрослеют дети, и семьи принимают решение завести второго ребенка. В свою очередь, безразличие присутствует у четвертой части капитанских семей (23,8%). Не скрывают присутствие напряженности почти треть (31%) бывших офицеров в звании капитана, а 4,8% опрошенных капитанов руководствуются поговоркой «доверяй, но проверяй». Данный факт можно объяснить переходом семьи на следующую стадию жизненного цикла, при которой первый ребенок взрослеет, и семья принимает решение завести второго. Одновременно в этот

период повышается значимость нового трудоустройства главы (возможно, и членов семьи), позволяющего повысить уровень материального благосостояния.

У бывших военнослужащих в звании майора количество свободного времени увеличивается, дети подрастают и требуют меньшего ухода, поэтому комфортность во внутрисемейных отношениях растет (61,1%). Пятая часть офицеров запаса (19,4%) признают безразличие во взаимоотношениях между членами семьи. Напряженные отношения у 11,1% семей с главой семьи майором: «доверяй, но проверяй» – принцип, на котором основаны взаимоотношения в 8,3% майорских семей. Тенденция к росту благополучия внутрисемейных отношений наблюдается у военнослужащих в звании

подполковника: 73,7% отметили комфортную атмосферу в семье, что является апогеем благополучия среди всех категорий запасников. У четверти опрошенных в звании подполковника (26,3%) в отношениях членов семьи присутствует безразличие.

У военнослужащих запаса в звании полковника наблюдается спад семейного благополучия, комфортность наблюдается у пятой части (22,2%) семей, безразличие как основная эмоция присутствует у более чем половины опрошенных (55,6%). Напряжение между членами семьи заметно у 16,7% респондентов. Свообразный контроль испытывают 5,6% таких семей.

Таким образом, чем выше военный статус запасников, тем лучше внутрисемейные отношения. Исключением являются бывшие военнослужащие в звании капитана и полковника. Среди последних чаще доминирует безразличие в отношениях, что является следствием пере-

хода семьи на стадию «пустого гнезда», при котором дети взрослеют и покидают семью, остаются лишь пожилые супруги.

Говоря о взаимоотношениях в семье, нельзя не упомянуть об отношениях с женами, которые также меняются с изменением статуса (табл. 7). Ярче всего это проявляется в оказании помощи супруге. Более половины респондентов в звании старшего лейтенанта (52,4%) при любой ситуации откликнутся на просьбу жены; 23,8% лейтенантов помогут своим женам только при наличии времени; не помогут своим супругам при любых обстоятельствах 23,8%. Всегда помогут своим женам 14,3% информантов в звании капитана; ссылаются на дефицит времени 11,9% опрошенных этой категории. Пятая часть капитанов (19,0%) не помогут своим супругам. Более половины опрошенных (54,8%), ранее проходящих службу в звании капитана, при просьбе супруги оценят ситуацию и лишь потом примут решение.

Таблица 7

Влияние звания офицера запаса на отношение к жене, % по званию

Отношение к жене	Звание					Всего
	Ст. лейтенант	Капитан	Майор	Подполковник	Полковник	
Всегда помогу	52,4	14,3	44,4	21,1	22,2	31,0
Помогу, если будет время	23,8	11,9	24,5	52,6	–	21,4
Не помогу	23,8	19,0	8,9	–	–	11,7
В зависимости от ситуации	–	54,8	22,2	26,3	77,8	35,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Около половины бывших кадровых офицеров в звании майора (44,4%) при любых обстоятельствах помогут своей супруге; 24,4% помогут при наличии времени; не помогут своим женам 8,9% из них; сошлутся на ситуацию 22,2%. Пятая часть опрошенных в звании подполковника (21,1%) всегда помогут своим женам; 52,6% помогут при наличии времени; 26,3% откликнутся на их просьбы при наличии определенных условий. Каждый пятый из них всегда поможет своей жене (22,2%). На сложившуюся ситуацию при просьбе супруги ссылаются 77,8% полковников.

Таким образом, с ростом звания уменьшается доля бывших офицеров, не помогающих своим женам, подтверждая тенденцию об улучшении внутрисемейных отношений при

увеличении статуса военнослужащего. Также становится ясно, что со временем чувства остывают и, как следствие, меняется отношение к просьбам жены с «всегда помогу» на «помогу, если будет время» или «в зависимости от ситуации», что является характерным для большинства современных семей. Данный вывод подтверждается коэффициентом корреляции V Крамера, который указывает на наличие прямой взаимосвязи статуса с отношением бывшего офицера к жене. Коэффициент равен 0,483 при $p = 0,000$, что указывает на наличие прямой устойчивой взаимосвязи этих характеристик.

Говоря о семье, нельзя обойти стороной детей. Данные по стилю воспитания бывшими офицерами своих детей (табл. 8) выявили,

что 37,5% бывших старших лейтенантов воспитывают своих детей демократично, 50,0% этой категории подходят к воспитанию авторитарно, руководствуются принципом кнута и пряника 2,5%. В воспитании своих детей демократичных методов придерживаются

80,6% опрошенных капитанов, авторитарного стиля – 16,7% офицеров в капитанском звании, кнут и пряник как основной воспитательный принцип присутствует у 2,8% данных семей. В целом, по мере роста статуса офицера, это принцип применяется все реже.

Таблица 8

Влияние звания офицера запаса на стиль воспитания детей, % по званию

Стиль воспитания детей	Звание					Всего
	Ст. лейтенант	Капитан	Майор	Подполковник	Полковник	
Демократичный	37,5	80,6	86,7	73,7	50,0	72,4
Авторитарный	50,0	16,7	11,1	26,3	50,0	24,6
Принцип кнута и пряника	12,5	2,7	2,2	–	–	3,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Демократично воспитывают своих отпрысков 86,7% офицеров запаса в звании майора. У десятой части (11,1%) майорских семей основным воспитательным методом является авторитаризм. Руководствуются принципом кнута и пряника 2,2% опрошенных этой категории. Большинство бывших подполковников (73,7%) воспитывает своих чад демократично. Авторитаризм по отношению к своим детям присутствует у 26,3% их семей. Демократичные методы в воспитании применяют 50,0% полковников запаса, в свою очередь, столько же воспитывают детей авторитарно.

Итак, становится ясно, что при воспитании детей бывшие военнослужащие всех званий в основном придерживаются демократичного стиля, который предполагает выслушивание мнения детей, взаимопонимание. Исключения составляют бывшие военнослужащие в звании старшего лейтенанта, что связано,

прежде всего, с малолетством детей, и офицеры в звании полковника, что объясняется уходом детей из семьи и переосмыслением некоторых жизненных позиций. Коэффициент корреляции V Крамера равен 0,306 при $p = 0,000$, что указывает на наличие взаимосвязи между званием офицеров запаса и стилем воспитания.

Стиль воспитания детей ярче всего проявляется в отношении к детям (табл. 9). Так, большая часть (57,1%) офицеров запаса в звании старшего лейтенанта активно интересуются жизнью своих детей; обращают внимание на их проблемы лишь тогда, когда те обратятся за помощью 19,1%; интересуются трудностями детей только при наличии определенных условий 4,8% опрошенных этой категории; вообще не интересуются их жизнью 19,1% (что можно объяснить малолетством детей, основной уход за которыми осуществляют матери).

Таблица 9

Влияние звания офицера запаса на отношение к детям, % по званию

Отношение к детям	Звание					Всего
	Ст. лейтенант	Капитан	Майор	Подполковник	Полковник	
Активно интересуюсь жизнью детей	57,1	47,6	44,4	47,4	22,2	44,8
Интересуюсь, когда обратятся за помощью	19,0	9,5	44,5	52,6	50,0	32,4
В зависимости от ситуации	4,9	31,0	8,9	–	27,8	15,9
Вообще не интересуюсь	19,0	11,9	2,2	–	–	6,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Среди капитанов запаса 47,6% активно участвуют в жизни своих детей. Только при обращении за помощью вмешиваются в их жизнь 9,5% опрошенных данной категории. Интересуются проблемами детей только при наличии конкретных ситуаций 31,0% бывших военнослужащих в звании капитана. Вообще не интересуются жизнью своих детей 11,9%.

Среди майоров запаса 44,4% активно участвуют в жизни своих детей. Интересуются их проблемами, только когда те обратятся с просьбой о помощи, 44,4% этих офицеров. Проявляют участие к своим детям в зависимости от сложившихся обстоятельств 8,9% майоров запаса, совсем не интересуются своими чадами 2,2% из них.

Активно интересующихся жизнью детей в среде бывших военнослужащих в звании подполковника 47,4, более половины из них интересуются жизнью детей, только когда те обратятся за помощью. Активно участвуют в воспитании своих детей 22,2% полковников запаса, 50,0% – только при их просьбе. Влияние сложившейся ситуации на факт вмешательства в жизнь детей наблюдается у 27,8% бывших полковников.

Несомненно, трудоустройство и новая работа у офицера запаса отнимают большую

часть времени, однако можно отметить снижение интереса к детям с повышением звания, что, возможно, связано с взрослением детей. Вместе с тем наблюдается постоянная смена воспитательной парадигмы, что не лучшим образом сказывается на детях.

Для подтверждения существования влияния статуса бывшего офицера Вооруженных сил РФ на семейную жизнь необходимо рассмотреть частоту использования их военной лексики дома (табл. 10). Так, 42,3% старших лейтенантов запаса активно используют жаргонизмы, относящиеся к военной профессии дома; в 42,3% лейтенантских семей эта лексика присутствует в межличностном общении, но не составляет его основу. Совсем не употребляют слова, относящиеся к военной профессии, в домашней обстановке 15,4% бывших старших лейтенантов. Почти десятая часть капитанов запаса (9,5%) активно употребляют военную лексику в домашней среде; время от времени используют военную лексику при общении с домочадцами 47,6%. Треть опрошенных капитанов запаса (33,3%) используют во внутрисемейном общении лишь одно-два слова, относящиеся к профессии военного, 9,5% вовсе не используют дома военный лексикон.

Таблица 10

Влияние звания офицера запаса на частоту использования военной лексики дома, % по званию

Частота использования военной лексики дома	Звание					Всего
	Ст. лейтенант	Капитан	Майор	Подполковник	Полковник	
Да, активно	42,3	9,5	33,3	–	–	20,0
Она разбавляет речь, но не составляет основу	42,3	47,6	20,0	26,3	–	30,0
Да, одно-два слова	–	33,4	13,4	–	27,8	16,7
Не использую	15,4	9,5	33,3	73,7	72,2	33,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В трети майорских семей (33,3%) ее глава часто использует военный лексикон, разговаривая с домочадцами, как с военными; в 20,0% профессиональная лексика в стенах родного дома присутствует, но не составляет основу внутрисемейного общения; ограничиваются одним-двумя военными терминами при общении с домочадцами 13,3% опрошенных данной категории. Совсем не используют военный лексикон в домашней обстановке 33,3% бывших военнослужащих в звании майора.

Более пятой части опрошенных подполковников запаса (26,3%) используют в домашней среде слова, относящиеся к их профессиональной деятельности, но они не составляют основу речи; 73,7% вовсе не используют их; у 27,8% респондентов данной категории проскальзывают одно-два слова военной терминологии. Большая часть полковников запаса (72,2%) совсем не используют слова воинской лексики при общении с женой и детьми. Иными словами, прошедшая служба отчасти влияет

на семейную лексику, особенно в капитанской среде. Однако чем выше звание отца семейства, тем реже используется воинский лексикон в домашней обстановке.

Подводя итоги нашего социологического исследования, отметим следующее. Чем выше звание офицера запаса, тем больше детей в его семье и тем лучше его материальное обеспечение и внутрисемейные отношения. Исключением являются бывшие военнослужащие в звании капитана и полковника. Среди последних чаще доминирует безразличие в отношениях с женой, что является следствием перехода семьи на стадию «пустого гнезда», при котором дети взрослеют и покидают семью, остаются лишь пожилые супруги. Одновременно уменьшается доля бывших офицеров, не помогающих своим супругам. Также при этом снижается интерес к детям, что, возможно, связано с их взрослением. Таким образом, доказано, что военный статус офицера запаса напрямую позитивно влияет на его внутрисемейную обстановку.

Список литературы

1. *Образцов И. В.* Военная социология в России: история, современное состояние и перспективы // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 3. С. 91–107.
2. *Арабидзе И. Т., Саблуков А. В.* Государственная поддержка инвалидов вследствие военной травмы и заболевания, полученного в период военной службы, и членов их семей: состояние и проблемы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. Вып. 1 (778). С. 225–238.
3. *Саблуков А. В.* Социальная адаптация граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей: опыт мониторинговых исследований // Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях» (Москва, 15–16 марта 2017 г.) / отв. ред. А. В. Кулешова. М. : АО «ВЦИОМ», 2017. С. 1002–1005. EDN: UQAVQQ
4. *Смирнов А. И.* Занятость и социально-экономическое положение военных пенсионеров // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость : материалы V Всерос. социологического конгресса (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г.) / отв. ред. В. А. Мансуров. М. : Российское общество социологов, 2016. С. 7638–7648.
5. *Соловьев С. С.* Динамика социально-экономического положения граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей в 2010–2017 гг. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. Вып. 4 (812). С. 220–231.
6. Исследование социально-экономического положения граждан, уволенных с военной службы / А. В. Кириллов, В. В. Бондалетов, М. В. Виниченко [и др.]. М. : КноРус, 2019. 140 с. EDN: HGQWON

Поступила в редакцию 16.06.2025, одобрена после рецензирования 03.07.2025, принята к публикации 30.08.2025
The article was submitted 16.06.2025, approved after reviewing 03.07.2025, accepted for publication 30.08.2025

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 426–432
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 426–432
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-426-432>
EDN: SMVNDA

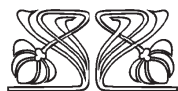
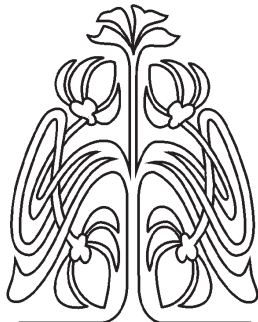
Научная статья
УДК 321.02

Политический эмпауэрмент пожилых: анализ концептуальных рамок и факторов, влияющих на политическое участие

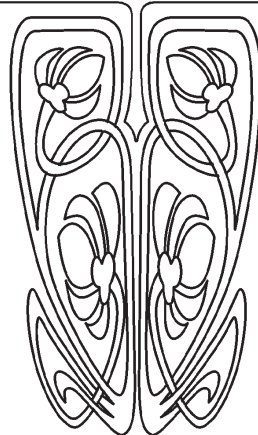
П. И. Ананченкова

Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко, Россия, 105064, г. Москва, ул. Воронцово поле, д. 12, стр. 1

Ананченкова Полина Игоревна, кандидат социологических наук, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономики и социологии здравоохранения, ananchenkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3683-5168>

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Аннотация. Статья посвящена комплексному политологическому анализу феномена политического эмпауэрмента пожилых граждан как ключевого направления в условиях глобального демографического старения. В центре внимания – трансформация роли пожилых людей в политическом процессе, от традиционного восприятия их как пассивных реципиентов социальной поддержки к признанию полноценными субъектами политического действия. Актуальность темы обоснована необходимостью выработки новых подходов к формированию возрастнo-чувствительной государственной политики, ориентированной на расширение политических прав и возможностей старшего поколения. В теоретико-методологическом плане работа опирается на концепции эмпауэрмента, инклюзивной демократии, а также институциональной политологии. Представлен структурный анализ компонентов политического эмпауэрмента пожилых людей – политической грамотности, участия, представительства и эффективности – с учётом факторов, определяющих их уровень вовлечённости: индивидуальных (образование, здоровье, доход), социальных (наличие связей, участие в организациях) и политических (доступность институтов, инклюзивность законодательства). Особое внимание уделено проблеме эйджизма как системному барьеру на пути к участию пожилых в политической жизни. Раскрываются механизмы негативного влияния возрастной дискриминации на все аспекты политического включения – от недоступности информации и инфраструктуры до искажения публичного образа старшего поколения. Представлены практические рекомендации по преодолению этих барьеров, включая развитие просветительских кампаний, законодательную защиту от дискриминации, поддержку организаций пожилых людей и расширение инклюзивных механизмов участия (общественные советы, бюджеты участия, возрастные квоты и др.). Данное исследование вносит вклад в развитие политической геронтологии и институциональной политической теории, акцентируя внимание на необходимости формирования возрастнo-чувствительной политической среды, в которой голос пожилого человека обладает реальной ценностью и влиянием. В условиях стареющего общества именно политический эмпауэрмент пожилых становится индикатором зрелости демократии, социальной справедливости и эффективности государственного управления.

Ключевые слова: политический эмпауэрмент, пожилые граждане, политическое участие, эйджизм, демократия, гражданское общество, политическая культура

Для цитирования: Ананченкова П. И. Политический эмпайермент пожилых: анализ концептуальных рамок и факторов, влияющих на политическое участие // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 426–432. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-426-432>, EDN: SMVNDA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Political empowerment of the elderly: An analysis of the conceptual framework and factors influencing political participation

P. I. Ananchenkova

N. A. Semashko National Research Institute of Public Health, 12 b. 1 Vorontsovo Pole St., Moscow 105064, Russia

Polina I. Ananchenkova, ananchenkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3683-5168>

Abstract. This article is devoted to a comprehensive political analysis of the phenomenon of political empowerment of senior citizens as a key area in the context of global demographic aging. The focus is on the transformation of the role of older people in the political process, from the traditional perception of them as passive recipients of social support to their recognition as full-fledged subjects of political action. Relevance of the topic is justified by the need to develop new approaches to the formation of an age-sensitive public policy focused on the political empowerment of the older generation. In theoretical and methodological terms, the work is based on the concepts of empowerment, inclusive democracy, and institutional political science. A structural analysis of the components of political empowerment of older people, i.e. political literacy, participation, representation, and effectiveness, is presented, taking into account the factors determining their level of involvement: individual (education, health, income), social (connections, participation in organizations), and political (accessibility of institutions, inclusiveness of legislation). The article pays special attention to the problem of ageism as a systemic barrier to the participation of the elderly in political life. The mechanisms of the negative impact of age discrimination on all aspects of political inclusion are revealed, from inaccessibility of information and infrastructure to the distortion of the public image of the older generation. Practical recommendations for overcoming these barriers are presented, including development of educational campaigns, legislative protection against discrimination, support for organizations of the elderly and expansion of inclusive participation mechanisms (public councils, participation budgets, age quotas, etc.). The work makes a contribution to the development of political gerontology and institutional political theory, focusing on the need to create an age-sensitive political environment in which the voice of an elderly person has real value and influence. In an aging society, it is the political empowerment of the elderly that becomes an indicator of the maturity of democracy, social justice, and effective governance.

Keywords: political empowerment, senior citizens, political participation, ageism, democracy, civil society, political culture

For citation: Ananchenkova P. I. Political empowerment of the elderly: An analysis of the conceptual framework and factors influencing political participation. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 426–432 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-426-432>, EDN: SMVNDA

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В условиях глобального старения населения, сопровождающегося демографическими сдвигами и изменением социально-экономической структуры общества, вопрос о политическом эмпайерменте пожилых граждан приобретает особую актуальность и становится одним из приоритетных направлений политических исследований. Все более очевидно несоответствие между устоявшимся образом пожилых людей как пассивных получателей социальной поддержки, нуждающихся в опеке и их реальными возможностями и стремлением активно участвовать в общественной жизни. Данное противоречие, с одной стороны, отражает укоренившиеся эйджистские стереотипы, ограничивающие возможности пожилых людей, а с другой – свидетельствует о возрастающем осознании ими своей гражданской ответственности и желаний влиять на принятие решений, касающихся их интересов и благополучия.

Несмотря на растущий интерес к данной проблематике, в политической науке сохраняется ряд нерешенных вопросов и противоречий. Во-первых, отсутствует единое концептуальное понимание политического эмпайермента пожилых, что затрудняет разработку эффективных стратегий и политических мер, направленных на его поддержку. Во-вторых, недостаточно изучены факторы, определяющие уровень политического участия пожилых людей в различных социокультурных и политических контекстах. В-третьих, требует дальнейшего исследования взаимосвязь политического эмпайермента пожилых и качества демократического управления, а также роль гражданского общества в обеспечении политического участия пожилых граждан.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления существующих стереотипов в отношении пожилых людей, обеспечения их полноценного участия в политической жизни общества и использования их опыта

и знаний для решения социально-экономических и политических проблем. Игнорирование потребностей и интересов пожилых граждан, а также ограничение их политического участия может привести к социальной изоляции, политической маргинализации и снижению качества демократического управления. В связи с этим исследование политического эмпваэрмента пожилых имеет важное теоретическое и практическое значение для развития политической науки и формирования эффективной государственной политики в отношении пожилых граждан.

Концептуальные рамки политического эмпваэрмента

В политической науке эмпваэрмент (empowerment) понимается как многомерный процесс, включающий в себя расширение доступа к ресурсам, информации, знаниям и возможностям, позволяющим индивидам и группам контролировать свою жизнь и влиять на окружающую среду. Это не просто передача власти, а скорее, создание условий, при которых индивиды и группы обретают способность самостоятельно определять свои цели, мобилизовывать ресурсы для их достижения и влиять на процессы принятия решений. Политический эмпваэрмент как социально-политическое явление – это «способность индивида или группы активно участвовать в политическом процессе, выражать свои интересы, формировать политическую повестку дня и влиять на принятие политических решений, затрагивающих их жизнь и благополучие» [1, с. 280]. Это включает в себя как формальные формы участия (например, голосование, членство в политических партиях), так и неформальные (например, участие в протестах, общественной деятельности).

По мнению О. В. Леоновой, «в научном дискурсе эмпваэрмент рассматривается на индивидуальном (психологическом), групповом/коллективном (эмпваэрмент сообществ, или community) и организационном (государственном) уровнях как концепция, подход, теория, процесс, стратегия, инструмент, практика, технология» [2, с. 64]. В свою очередь, зарубежные исследователи указывают на то, что «и концепт, и стратегия “эмпваэрмент” определяются одновременно как “критическая теория” и как “антидискриминационная практика”, нацеленная на расширение массового участия в социальной и политической жизни, – не только в форме массовых протестов, но и в различных видах участия в повседневных практиках местных сообществ,

в гражданских объединениях, движениях, в экспертной деятельности, в расширении возможностей общественного контроля и т.д.» [3, р. 7] (перевод наш. – П. А.).

В контексте пожилых граждан политический эмпваэрмент приобретает особую значимость, поскольку данная группа населения часто сталкивается с рядом специфических проблем и вызовов, связанных с возрастом, здоровьем, социальным статусом и стереотипами. Политический эмпваэрмент пожилых граждан направлен на преодоление этих проблем и создание условий для их активного и полноценного участия в политической жизни общества [1]. Он включает в себя следующие ключевые компоненты.

1. Политическая грамотность и информированность.

Понимание политической системы. Включает в себя знание структуры и функций государственных институтов, понимание принципов разделения властей, знание основных политических идеологий и партий, а также понимание процессов принятия решений на различных уровнях власти.

Знание политических процессов. Предполагает осведомленность об избирательных процедурах, принципах функционирования политических партий и общественных объединений, механизмах лоббистской деятельности и влияния на процесс принятия решений, а также знание ключевых политических событий и актуальных тенденций.

Доступ к информации. Включает в себя доступ к достоверной и объективной информации о политических событиях, кандидатах, партиях и политических решениях, а также умение критически анализировать политическую информацию. Особое внимание следует уделять адаптации информации к потребностям пожилых людей, учитывая их возможные ограничения по зрению, слуху и владению современными технологиями.

Навыки политического анализа. Умение анализировать политическую ситуацию, выявлять проблемы и предлагать решения, а также оценивать эффективность политических мер.

2. Политическое участие.

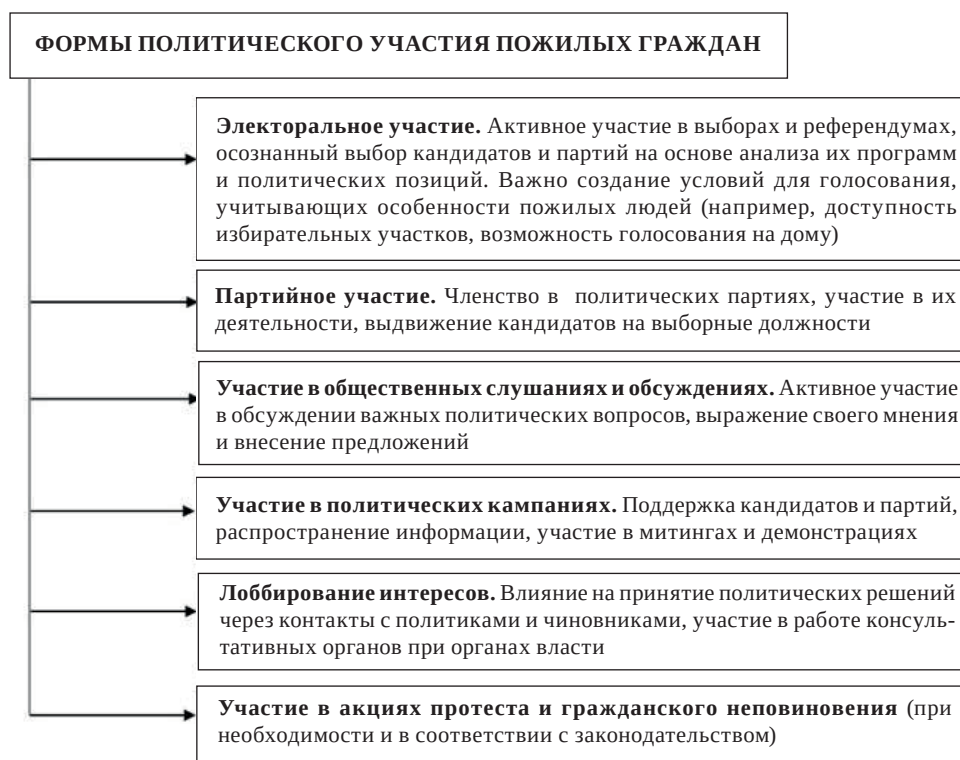
Активное включение пожилых людей в политические процессы может проявляться в самых разнообразных формах, начиная от участия в обсуждениях общественно значимых тем и высказывания личного мнения до разработки и продвижения собственных инициатив. Пожилые граждане поддерживают политические партии

и кандидатов, распространяют информацию о выборах, участвуют в митингах, демонстрациях и других формах публичной активности. Кроме того, они способны оказывать влияние на принятие решений путём установления контактов с представителями власти, участия в совеща-

тельных и экспертных структурах при органах государственного управления, а при необходимости – посредством мирного протеста или гражданского неповиновения в рамках закона.

Основные формы политического участия пожилых граждан представлены на рисунке.

Эмпауэрмент пожилых в формах политического участия

3. Политическое представительство.

Речь идёт не только о наличии старшего поколения в органах власти всех уровней, включая местное самоуправление, но и об их способности реально влиять на повестку дня и принимать решения, отражающие интересы пожилых. Важным элементом является существование авторитетных общественных организаций, представляющих старшее поколение. Эти структуры способны заниматься аналитикой, разрабатывать предложения для политиков, продвигать интересы пожилых через механизмы лоббирования и контролировать реализацию социальных программ. Эффективность политического участия усиливается при наличии налаженного консультативного диалога между представителями власти и пожилыми людьми, что возможно через советы при органах власти, общественные обсуждения и проведение опросов общественного мнения.

4. Эффективность политического участия.

Во многом определяется ощущением лич-

ной значимости, уверенностью в способности воздействовать на политические процессы и осознанием принципов функционирования политической системы. Успешное участие в политике требует также развитых коммуникативных навыков, способности аргументированно выражать свою позицию и взаимодействовать с политическими лидерами. Немаловажными условиями являются наличие позитивной самооценки и чувства достоинства, убеждённости в своей значимости как гражданина, преодоление неуверенности, а также отказ от следования навязанным стереотипам о неспособности пожилых людей к политическому действию.

Факторы, влияющие на политическое участие пожилых людей

Процесс формирования политического эмпауэрмента пожилых граждан определяется совокупностью факторов, которые можно условно разделить на индивидуальные, социальные

и политические. К индивидуальным факторам можно отнести личностные характеристики, физическое и ментальное здоровье, уровень образования и финансовое положение. Возраст сам по себе не является линейным индикатором политической активности: так называемый третий возраст (60–75 лет) зачастую ассоциируется с активным участием в общественной жизни, в то время как «четвёртый возраст» (75+) может сопровождаться снижением активности из-за ухудшения здоровья. Люди, достигшие пенсионного возраста, нередко имеют больше свободного времени и жизненного опыта, что способствует вовлечению в выборы, слушания и другие формы гражданского участия. При этом наличие хронических заболеваний, инвалидности или депрессии может снижать способность к участию. Пожилые с высоким уровнем образования, как правило, обладают лучшим пониманием политических процессов и увереннее отстаивают свою позицию, тогда как низкий доход или нестабильная социально-экономическая ситуация могут ограничивать участие из-за отсутствия ресурсов на транспорт, доступ к информации и другие аспекты [4]. Также важны политические взгляды и установки, сформированные в течение жизни под влиянием семьи, друзей и предыдущего опыта участия в политике. Люди, ранее занимавшие выборные должности или участвовавшие в работе местных органов, как правило, продолжают проявлять активность и в пожилом возрасте.

Социальные факторы включают в себя поддержку со стороны ближайшего окружения, активное участие в социальных сетях, клубах и ветеранских организациях, членство в НКО и других объединениях. Все эти связи способствуют обмену информацией, формированию общих целей и участию в коллективных действиях. Признание обществом опыта пожилых людей, уважительное отношение к их мнению также положительно влияют на уровень политического участия. В свою очередь, распространённый эйджизм – предвзятое отношение к пожилым на основе возраста – может создавать барьеры, мешающие активной гражданской позиции. Так, люди старшего возраста могут чувствовать себя исключёнными из важнейших политических процессов или недооценёнными как компетентные участники общественной жизни [5].

Политические факторы обусловлены общей конфигурацией политической системы, её демократичностью, открытостью и готовностью к инклюзии. В странах с устойчивой демократией,

где гарантированы свобода слова, доступ к выборам и политическим объединениям, пожилые люди имеют значительно больше возможностей для участия. Законодательство, способствующее доступности выборов (например, голосование по почте или на дому), расширяет круг включённых граждан. Важную роль играют партии и общественные объединения, продвигающие интересы пожилого населения. Наличие таких структур повышает представленность старшего поколения и позволяет напрямую влиять на принятие решений. Также значимым является общий политический курс государства в отношении пожилых граждан. В тех случаях, когда государственная политика направлена на защиту прав пожилых, расширение системы социальных гарантий и повышение уровня их благополучия, формируются условия для их более активного вовлечения в политическую жизнь.

Глубокое понимание этих факторов и их взаимодействия является необходимым условием для формирования эффективной стратегии политического эмпауэрмента. Только учитывая уникальные особенности каждого пожилого человека, создавая благоприятную общественную и политическую среду, можно добиться повышения уровня их вовлечённости в управление обществом и формирование устойчивой инклюзивной демократии.

Эйджизм как барьер для политического эмпауэрмента

Одним из наиболее серьёзных барьеров, сдерживающих политическую активность пожилых граждан, остаётся эйджизм. Это явление представляет собой систему предвзятых представлений и практик, дискриминирующих людей по признаку возраста. Эйджизм основан на устойчивых стереотипах, согласно которым пожилые считаются неспособными к обучению, неактуальными, физически и когнитивно ослабленными, отстранёнными от актуальной повестки и потому не пригодными для участия в политической жизни [5]. Подобные установки формируют негативное отношение к старшему поколению как со стороны общества в целом, так и на уровне отдельных политических институтов.

Среди основных форм проявления эйджизма в политике можно выделить несколько направлений. Во-первых, это распространение стереотипов в публичном дискурсе, включая медиа и политические кампании, где пожилые изображаются как отсталые, неспособные к инновациям,

слишком консервативные [6]. Такое восприятие формирует устойчивое недоверие к пожилым как к субъектам политического действия. Во-вторых, пожилые часто исключаются из политических процессов – они редко становятся участниками обсуждений, редко приглашаются к разработке программ, их мнение может игнорироваться при принятии решений. В-третьих, в ряде случаев наблюдаются прямые дискриминационные практики, включая ограничение участия в выборах, финансировании кампаний или отказ в выдвижении кандидатов старшего возраста. Также институциональные барьеры, такие как труднодоступные избирательные участки, отсутствие адаптированной информации, отсутствие поддержки для организаций пожилых, серьёзно снижают возможности для вовлечения. Например, пожилым людям с нарушением зрения может быть недоступна информация о выборах, если она не представлена в удобном формате;

размещение участков в зданиях без лифтов делает голосование физически невозможным.

Эйджизм оказывает разрушительное воздействие на все компоненты политического эмпайэрмента пожилых людей, подрывая их уверенность в себе, лишая каналов влияния и символически исключая их из числа «активных граждан». Преодоление этих барьеров требует системных усилий на уровне государства, общества и самих пожилых граждан, в том числе через законодательные инициативы, просветительские кампании и поддержку инклюзивных форм участия. Только в условиях признания ценности пожилых как равноправных участников политической жизни возможно достижение подлинной демократии, учитывающей интересы всех поколений.

Эйджизм оказывает негативное влияние на все компоненты политического эмпайэрмента пожилых людей (таблица).

Влияние эйджизма на компоненты политического эмпайэрмента пожилых

Компонент эмпайэрмента	Влияние
Политическая грамотность и информированность	Эйджистские стереотипы могут приводить к тому, что пожилые люди не получают достаточного доступа к информации о политических процессах и кандидатах, поскольку предполагается, что они не заинтересованы в политике или не способны понять сложные политические вопросы
Политическое участие	Эйджизм может ограничивать возможности пожилых людей для участия в выборах, политических кампаниях и общественной деятельности, поскольку они могут сталкиваться с дискриминацией, негативным отношением и отсутствием поддержки
Политическое представительство	Эйджистские стереотипы могут препятствовать избранию пожилых людей на политические должности и приводить к тому, что их интересы не будут учитываться при разработке государственной политики
Политическая эффективность	Эйджизм может снижать уверенность пожилых людей в своей способности влиять на политические решения и добиваться желаемых изменений
Самоуважение и уверенность	Эйджистские стереотипы могут подрывать самоуважение и уверенность пожилых людей в своей способности участвовать в политической жизни, заставляя их сомневаться в своей компетентности и значимости
Преодоление эйджизма и укрепление политического эмпайэрмента	Преодоление эйджизма и укрепление политического эмпайэрмента пожилых людей требует комплексного подхода, включающего в себя нормативно-правовые меры, в том числе закрепление в законодательстве принципов недискриминации по возрасту, просветительские программы для общества, медиа и культурную политику и пр.
Просвещение и повышение осведомлённости	Проведение образовательных кампаний, направленных на разрушение негативных стереотипов о пожилых людях и повышение осведомлённости о проблемах эйджизма
Законодательство и политика	Разработка и реализация законодательства и политики, направленных на защиту прав пожилых людей и борьбу с дискриминацией по возрастному признаку
Поддержка организаций пожилых людей	Поддержка организаций, представляющих интересы пожилых людей и занимающихся защитой их прав и расширением их политического участия
Активное участие пожилых людей в политической жизни	Создание условий для активного участия пожилых людей в политической жизни, включая выборы, общественные слушания и процессы принятия решений
Поощрение позитивных образов пожилых людей	Поощрение позитивных образов пожилых людей в СМИ, политической рекламе и повседневном общении, подчеркивающих их опыт, знания и вклад в общество

Одним из важнейших факторов полноценного участия пожилых граждан в политической жизни и построения более справедливого, демократичного и инклюзивного общества является преодоление эйджизма. Такое общество должно обеспечивать равные права и возможности для участия в политических процессах всем своим членам независимо от возраста, признавая вклад каждого поколения в общее развитие и благополучие страны.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что признание политической субъектности пожилых людей и расширение их участия в общественно-политической жизни выступают ключевыми условиями для формирования демократичного и справедливого государства. Активная гражданская позиция старшего поколения не только способствует повышению легитимности власти и усилению доверия к политическим институтам, но и делает государственную политику более сбалансированной и ориентированной на потребности различных социальных групп. Это, в свою очередь, гарантирует более надёжную защиту прав человека, в том числе возрастных прав, и способствует формированию устойчивой демократической культуры, в которой каждый голос имеет значение. Осуществление политических инициатив, обеспечивающих защиту и расширение прав пожилых граждан,

следует рассматривать как одну из первоочередных задач демократических государств, ориентированных на равенство, инклюзивность и развитие межпоколенческого диалога.

Список литературы

1. Куенко Т. Эмпауэрмент (empowerment)-подход как методология исследования и преодоления социальных проблем людей, групп и сообществ в совместной деятельности: обзор и исследовательские рамки // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21, № 2. С. 274–303. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-2-274-303>
2. Леонова О. В. Расширение прав и возможностей в преодолении проблем государственной социальной политики (инструментарий empowerment) // Среднерусский вестник общественных наук. 2024. Т. 19, № 4. С. 61–85. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2024-19-4-61-85>, EDN: ZDHMFA
3. Lord J., Hutchison P. The process of empowerment: Implications for theory and practice // Canadian Journal of Community Mental Health. 1993. Vol. 12, no. 1. P. 5–22. <https://doi.org/10.7870/cjcmh-1993-0001>
4. Айвазова С. Г. «Эмпауэрмент» как признак и проблема современной массовой политики // Политическая наука. 2014. № 4. С. 75–95. EDN: THDIUR
5. Ананченкова П. И., Волкова О. А., Пашко Т. Ю. Эйджизм. Старение. Достойная старость. М. : АТиСО, 2019. 174 с.
6. Ананченкова П. И. Трансформация семейных ценностей в российском обществе // Труд и социальные отношения. 2011. Т. 22, № 6. С. 45–53. EDN: OCRMSV

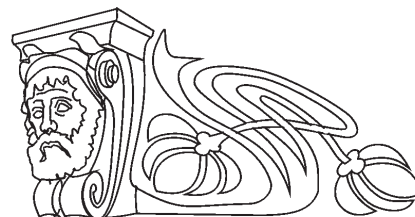
Поступила в редакцию 03.07.2025; одобрена после рецензирования 27.08.2025; принята к публикации 09.09.2025
The article was submitted 03.07.2025; approved after reviewing 27.08.2025; accepted for publication 09.09.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 433–439
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 433–439
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-433-439>, EDN: UEKKPB

Научная статья
УДК 327.2

Политические аспекты обеспечения экологической безопасности в условиях вооруженных конфликтов

С. И. Араев, Р. В. Осокин ✉

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Россия, 123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14

Араев Сергей Иванович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, sergejaraev@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0203-7183>

Осокин Родион Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, osokin.rodion@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6913-8675>

Аннотация. В XXI в. военные конфликты продолжают выступать инструментом разрешения неурегулированных политическими методами межгосударственных противоречий. При этом методы применения военной силы и средства поражения претерпели существенные изменения, став точнее, мощнее и разрушительнее. От их применения человечество несет ущерб не только в социально-экономической, но и в экологической сферах. Действующий политический механизм предотвращения и урегулирования военных конфликтов продолжает оставаться сдерживающим фактором в эскалации вооруженных конфликтов, однако нуждается в модернизации с учетом современных реалий. В статье рассмотрено влияние военных конфликтов на экологическую безопасность и политические аспекты ее обеспечения с учетом современной военно-политической обстановки.

Ключевые слова: военная политика, военный конфликт, военно-политическая обстановка, национальная безопасность, экологическая безопасность

Для цитирования: Араев С. И., Осокин Р. В. Политические аспекты обеспечения экологической безопасности в условиях вооруженных конфликтов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 433–439. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-433-439>, EDN: UEKKPB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Political aspects of ensuring environmental safety in the context of armed conflict

S. I. Araev, R. V. Osokin ✉

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 14 Bolshaya Sadovaya St., Moscow 123001, Russia

Sergey I. Araev, sergejaraev@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0203-7183>

Rodion V. Osokin, osokin.rodion@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6913-8675>

Abstract. In the 21st century, military conflicts continue to act as a tool for resolving interstate contradictions that are not settled by political methods. At the same time, methods of using military force and means of destruction have undergone significant changes, becoming more accurate, more powerful and more destructive. Humanity suffers damage from their use not only in the socio-economic, but also in the environmental spheres. The current political mechanism for the prevention and settlement of military conflicts continues to be a deterrent to the escalation of armed conflicts, but needs to be modernized taking into account modern realities. The article examines the impact of military conflicts on environmental security and political aspects of its provision, taking into account the current military-political situation.

Keywords: military policy, military conflict, military-political situation, national security, environmental security

For citation: Araev S. I., Osokin R. V. Political aspects of ensuring environmental safety in the context of armed conflict. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 433–439 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-433-439>, EDN: UEKKPB

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На протяжении всей истории человечества военная сила играет существенную роль в межгосударственных отношениях, зачастую выступая решающим фактором в разрешении политических споров. Формы ее проявления могут быть различными: от угрозы применения и открытой демонстрации до прямого вооруженного столкновения – военного конфликта. Он во всех формах своего проявления – от военной провокации до полномасштабной (мировой) войны – является следствием неразрешенного политического противоречия, вызванного проводимой правящими кругами политикой, обусловлен конкретно-исторической обстановкой, уровнем технологического развития общества, преобладающими в правящих кругах взглядами на возможности и границы применения военной силы при разрешении политических споров. Одно остается неизменным – человеческие жертвы и разрушения, а также ущерб окружающей природной среде. Так, применение вооруженного насилия при разрешении политических противоречий в XVII в. унесло более 3 млн человеческих жизней, в XVIII в. – 5 млн, в XIX в. – 6 млн. Самым же кровопролитным в истории человечества стал XX в.: жертвами Первой мировой войны стали более чем 10 млн человек, во Второй мировой погибли более 55 млн жителей планеты, из них более половины пришлось на Россию и другие государства на постсоветском пространстве [1].

Противостояние между капиталистическими странами под предводительством США и социалистическим блоком во главе с СССР также внесло свою черную лепту в историю жертв вооруженных конфликтов. В военных конфликтах на Корейском полуострове, во Вьетнаме, в Афганистане, Палестине и других «горячих точках», выступивших ареной для столкновения геополитических интересов мировых держав, погибли более 10,5 млн человек¹. Развязанные «коллективным Западом» вооруженные конфликты в XXI в. продолжают уносить тысячи человеческих жизней. Специальная военная операция России на Украине стала самым крупномасштабным вооруженным противостоянием после Второй мировой войны, ареной военного противостояния России и стран НАТО.

¹ После II Мировой войны в вооруженных конфликтах с участием государства погибло более 10,5 миллиона человек. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2016/0689/barom01.php> (дата обращения: 10.03.2025).

Применение военной силы для разрешения антагонистических политических противоречий основывается на принятых в государстве политико-правовых документах (концепциях, стратегиях, доктринах и др.), содержание, характер и направленность которых определяются объективными и субъективными факторами. Объективные основываются на гуманистических принципах: осознании своей исторической роли и места в мировой цивилизации, ответственности за будущее человечества и своего народа и др. Субъективные вытекают из природы самого человека в его стремлении к доминированию и власти, личных морально-нравственных регуляторов, уровня образованности и культуры.

В совокупности эти факторы определяют принятые в государстве подходы и основания для применения военной силы, готовность следовать силовому сценарию и устанавливают его границы, а также определяют виды применяемых средств поражения. То есть в данном случае речь идет о проводимой государством военной политике. Например, в военной доктрине Российской Федерации определено, что военная политика – это деятельность государства по организации и осуществлению обороны и обеспечению безопасности Российской Федерации, а также интересов ее союзников. Такой же контекст имеет и военная доктрина Союзного государства России и Белоруссии.

На развитие военной политики государств огромное влияние оказало появление оружия массового поражения, первым видом которого явилось химическое оружие. Во время Первой мировой войны германские военно-политические круги рассматривали его как эффективное средство на поле боя против Антанты, однако осознание безнаказанности быстро прошло ввиду ответного применения отравляющих веществ против самой Германии. Кроме того, достаточно быстро были разработаны меры защиты от химического оружия, что свело к минимуму потери от его применения. И хотя все противоборствующие стороны активно применяли отравляющие вещества до конца войны практически на всех театрах военных действий, применение этого оружия не позволило достичь целей ни стратегического, ни оперативного масштаба. Эффект от его применения ограничивался лишь тактическими успехами. Тем не менее, по различным оцен-

кам, общие потери от химического оружия оцениваются в 1,3 млн человек, в том числе до 100 тыс. человек со смертельным исходом [2, с. 7].

Как результат бесперспективности и опасности для человечества применения химоружия стало подписание 17 июня 1925 г. Женевского протокола о запрещении применения во время войны удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств. Документ был подписан представителями 37 государств и не имел ограничения по срокам действия, т. е. является бессрочным². В настоящее время членами протокола являются 146 государств.

Вместе с тем протокол не остановил процесс разработки химических средств поражения, и к началу Второй мировой войны противоборствующие стороны имели достаточно большие их запасы. После войны накопление запасов химического оружия продолжилось. К моменту заключения в 1993 г. Конвенции о запрещении разработки химического оружия и уничтожении его запасов в Российской Федерации было накоплено около 40 000 тонн отравляющих веществ различных классов, уничтожение которых было завершено в сентябре 2017 г. Технический секретариат Организации по запрещению химического оружия официально это подтвердил.

США в 1993 г. имели около 30 000 тонн отравляющих веществ, однако отставали от России на шесть лет в сроках его уничтожения. Последний американский боеприпас был уничтожен 7 июля 2023 г. на экспериментальном заводе по уничтожению химических веществ Blue Grass в штате Кентукки. Это событие ознаменовало завершение уничтожения всех заявленных запасов химического оружия в мире.

Несмотря на то, что формально заявленного химоружия в мире не осталось, вооруженный конфликт на Украине показывает, что химическое оружие отнюдь не анахронизм прошлого, к тому же запрещенный в международном политико-правовом поле. Так, по данным Минобороны России, за время специальной военной операции специалистами войск радиационной, химической и биологической защиты (далее – РХБЗ) было выявлено и зафиксировано более

400 случаев применения украинской стороной токсичных химикатов различных классов, в том числе общедовитого и раздражающего действия, установлен и подтвержден факт наличия мощностей по их производству [3]. В военном отношении применение Украиной запрещенных химических отравляющих веществ не способно изменить ситуацию в оперативном и даже тактическом масштабе. Тем не менее, его применение украинскими вооруженными формированиями представляет источник и угрозу экологической безопасности, прежде всего для территорий и мирного населения, являясь претуплением против мира и человечества.

Ущерб для окружающей природной среды в результате применения химического оружия никогда не оценивался, однако использование отравляющих веществ типа «иприт» и «VX», а также содержащих мышьяк ирритантов в силу их физико-химических свойств и компонентов способно на месяцы сделать местность непригодной для нахождения на ней человека без средств индивидуальной защиты.

Существенным фактором в проведении государствами военной политики стало появление ядерного оружия. Оно также кардинально изменило военную стратегию, значительно повлияло на подходы к обеспечению национальной безопасности государств. Применение Соединенными Штатами Америки ядерного оружия против Японии показало его огромную разрушительную силу, положило начало ядерному противостоянию и гонке ядерных вооружений в мире.

Поступательное и неконтролируемое наращивание сначала ядерного, а затем ракетно-ядерного потенциала США и СССР в сочетании с агрессивной политикой американских правящих кругов привело мир к порогу глобальной катастрофы, которой мог стать Карибский кризис в 1962 г. Однако сложившееся примерно равное соотношение сил предотвратило начало войны. После его завершения военно-политические круги США перешли от стратегий угрожающего воздействия и прямого противостояния к стратегии гибкого реагирования – допустимости использования ядерного оружия не только в тотальном, но и в ограниченном военном конфликте.

В дальнейшем взгляды военно-политического руководства США изменялись, развивались под влиянием различных факторов, одним

² Протокол о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств (Женева, 17 июня 1925 г.). С. 365. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

из которых являлось наращивание ядерных возможностей их союзников по НАТО – Великобритании и Франции. Это привело к появлению в 1971 г. стратегии реалистического сдерживания (реалистического устрашения), учитывавшей новые возможности союзников США по наращиванию и использованию объединенной военной мощи. Немаловажным обстоятельством в ее реализации стала лояльность политического руководства европейских государств к размещению средств ракетно-ядерного нападения на континенте. В результате гонка ядерных вооружений получила новый виток, связанный с размещением в Европе баллистических ракет средней дальности, кроме того, в США разрабатывалась так называемая программа стратегической оборонной инициативы, предусматривавшая милитаризацию космического пространства.

Начавшийся в середине 1980-х гг. процесс разрядки в международных военно-политических отношениях между СССР (в дальнейшем его правопреемницей – Российской Федерацией) и США привел к подписанию ряда важнейших политических документов: Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД, 1988 г.), Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1, 1991 г.), Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНВ-2, 2002 г.).

В дальнейшем сокращение стратегических наступательных вооружений ведущих ядерных держав продолжилось. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (официальное название) был подписан президентами России и США 8 апреля 2010 г. в Праге. Он заменил СНВ-1 и СНВ-2 и неофициально именуется СНВ-3. Действие Договора СНВ-3 было рассчитано на 10 лет (до февраля 2021 г.), при этом он допускал, что стороны могут договориться о продлении его действия на период не более пяти лет. Договор также включает положение о выходе из него.

В настоящее время ни одна из сторон не заявила о выходе из Договора, но и каких-либо шагов в сторону подготовки всех необходимых процедур, обеспечивающих дальнейшее функционирование этого важного международно-правового механизма взаимного ограничения

ракетно-ядерных арсеналов, не происходит. Российские предложения Соединенными Штатами Америки не обсуждаются, какие-либо свои инициативы ими не выдвигаются. Таким образом, складывается опасная ситуация политико-правового вакуума в сфере ядерного сдерживания. Отчасти такое положение дел объясняется позицией политического руководства США, рассчитывающего с помощью украинского режима ослабить Россию в интересах собственного доминирования в ядерной сфере. Несмотря на возобновление внешнеполитических контактов между Россией и США после прихода в Белый дом новой администрации, вопросы сокращения стратегических наступательных вооружений пока что не являются приоритетными.

Наносимые киевским режимом (не без технической и разведывательной помощи стран НАТО) удары БПЛА в глубь территории России по местам базирования ее стратегической авиации, а также по системам предупреждения о ракетном нападении, безусловно, являются конкретными действиями, направленными на ослабление нашего стратегического оборонного потенциала. Данные действия являются прямой провокацией, поскольку одним из условий, определяющих возможность применения Российской Федерацией ядерного оружия, является воздействие противника на ее критически важные военные объекты, вывод из строя которых приведет к срыву ответных действий ядерных сил. Это положение закреплено в основах государственной политики России в области ядерного сдерживания.

Вместе с тем стоит заметить, что отсутствие четко обозначенной и закрепленной в политико-правовом отношении позиции политического руководства США об условиях и пороге, за которыми последует применение американской стороной ядерного оружия, ведет к неоднозначности позиции ее военного руководства по этому вопросу. Как заявлял представитель Стратегического командования американского военного ведомства контр-адмирал Томас Бьюкенен, США допускают такой обмен ядерными ударами, при котором Вашингтон сохранил часть своего арсенала для дальнейшего сдерживания потенциальных противников³.

³ Пентагон допустил обмен ядерными ударами при одном условии. URL: <https://ria.ru/20241121/ssha-1984923365.html> (дата обращения: 10.03.2025).

В ответ на политику двойных стандартов и прямые агрессивные действия США Российская Федерация изменила формат своего участия в ряде международных договоров в сфере обеспечения ядерной безопасности. В связи с неспособностью США обеспечить выполнение принятых обязательств по утилизации избыточного оружейного плутония Россия с 3 октября 2016 г. приостановила действие соглашения о его утилизации. 4 марта 2019 г. было приостановлено участие России в Договоре о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, а в 2023 г. наша страна вышла из Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Применение баллистической ракеты средней дальности системы «Орешник» стало явным сигналом США о готовности нашей страны к любому варианту развития событий вокруг Украины. Размещение данных систем на территории Белоруссии становится адекватным сдерживающим ответом на продолжающуюся милитаризацию сопредельных с союзным государством России и Белоруссии территорий Польши и Прибалтики.

Вместе с тем ядерный паритет ведущих мировых государств пока еще является той сдерживающей силой, которая удерживает мир от большой войны, а наличие систем вооружения, сопоставимых по мощности с ядерным оружием, – хорошим военным ответом на агрессивные планы наших политических противников.

Отход политического руководства НАТО от твердой позиции недопустимости применения оружия массового поражения ведет к изменению взглядов военного руководства на стратегию и тактику ведения боевых действий. Как показывает ход событий специальной военной операции, удары обычными средствами поражения по критически важным с точки зрения воздействия на окружающую природную среду объектам могут привести к серьезным последствиям для экологической безопасности не только места расположения таких объектов, но и всего региона в целом. Такое воздействие выражается не только в прямом разрушении или уничтожении, но и в изменении производственного цикла особо опасных промышленных объектов в результате воздействия на них военных средств поражения. В первую очередь, речь идет об атомных электростанциях и объектах химической и нефтехимической

промышленности, многие из которых традиционно, еще со времен СССР, были расположены в восточной части Украины.

В данной связи следует напомнить, что вследствие техногенной аварии на Чернобыльской АЭС только около 5% радиоактивных продуктов, накопившихся за годы работы в реакторе, вышло за пределы промышленной площадки станции. В соответствии с метеорологической обстановкой радиационные продукты в первые 4–5 дней после аварии распространились на большие расстояния в различных направлениях, в том числе на территории Восточной Европы и Скандинавского полуострова [4, с. 7].

Повышение уровней загрязнения (выше фоновых в 10–50 раз) наблюдалось практически по всей юго-западной части европейской территории СССР. Площадь с повышенным уровнем радиации превысила 200 тыс. км². Часть территорий, непосредственно примыкающих к АЭС, с высоким уровнем радиации признаны непригодными для проживания населения и ведения сельского хозяйства и в настоящее время отчуждены на длительное время (площадь этой зоны составляет около 900 км²). В этой зоне основную опасность определяет наличие большой плотности загрязнения долгоживущим (около 30 лет) изотопом стронция Sr⁹⁰. Для сравнения: период полураспада плутония и урана, являющихся компонентами ядерного боеприпаса, составляет миллионы лет [4, с. 11]. Аналогичная ситуация с отчуждением территорий и распространением морскими течениями радионуклидов наблюдается и в Японии в районах АЭС Фукусима-1 и Фукусима-2.

Прямую угрозу экологической безопасности создает применение боеприпасов с обедненным ураном, входящих в штатный боекомплект танков и авиации стран НАТО и активно применявшихся при вторжении в Югославию и Ирак. В настоящее время, в связи с передачей странами НАТО соответствующей техники, возможно их применение киевским режимом на территориях Украины и России.

Исходя из вышеизложенного, проблема обеспечения экологической безопасности все более акцентированно проявляется в ходе военных конфликтов. Тем самым она становится неотъемлемой частью мировой политики, одним из приоритетов внутренней и внешней политики Российской Федерации.

Безусловно, защита национальных интересов России и ее граждан включает в себя защиту экологических интересов – обеспечение здоровых и безопасных условий, гарантирующих жизнь и развитие наших будущих поколений. Организация их обеспечения возлагается на государство, но также необходимо привлечение к решению этой задачи гражданского общества. Однако нужно отметить то, что военные аспекты в обеспечении экологических интересов и экологической безопасности находятся в компетенции государственного и военного управления. При этом границы и степень воздействия на опасные с экологической точки зрения объекты должны определяться не субъективными факторами и конкретной обстановкой на линии боевого соприкосновения, а носить характер принятых в государстве военно-политических установок в соответствии с нормами международного права.

Так, Протокол I к Женевским конвенциям запрещает «применять методы или средства ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде». Римский статут 1998 г., учредивший Международный уголовный суд, устанавливает, что причинение обширного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей природной среде в нарушение принципа пропорциональности является военным преступлением. Международное право запрещает разрушать сельскохозяйственные угодья и сооружения для снабжения питьевой водой⁴. То есть роль международного права, регулирующего правила ведения вооруженных конфликтов, не должна отвергаться их участниками.

Так как экологическая безопасность находится в фокусе внимания не только государственных, но и международных политических институтов, то ее обеспечение становится частью проводимой ими экологической политики, которая включает в себя межуровневое взаимодействие государств, общественных и неправительственных организаций, а также международных организаций в решении проблем в области охраны окружающей среды на региональном, национальном и международном уровне [5, с. 22].

⁴ Войны наносят тяжелый ущерб природе. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/11/1434362> (дата обращения: 02.03.2025).

Страны Европы занимают лидирующие позиции в развитии экологической политики как на европейском континенте, так и в мире. Сегодня уже можно констатировать, что некогда новый этап в развитии экологической политики, характеризующийся принятием общеевропейского политического курса с преобладающим экологическим императивом – включение широкого круга политических субъектов в процесс формирования экологической повестки, массовое насаждение экологических ценностей, борьба за международное лидерство в области экологии и другое, привел к изменению политического ландшафта. Представители «зеленых» занимают прочные позиции в парламентах и правительствах европейских стран, существенно влияя на общеевропейскую политику. Как отмечают российские исследователи, состояние окружающей среды и экологическая безопасность стран Европейского союза, их политическая позиция во многом опираются на взаимоотношения с другими европейскими странами и зависят от них [6, с. 3].

В настоящее время политическая позиция ЕС по отношению к России носит конфронтационный характер. Обеспечение полной независимости от российских энергоресурсов является одним из направлений санкционного давления на Россию и позволяет оправдывать периодически возникающие трудности с переходом на экологически безопасную энергетику. Однако, несмотря на фактическую заморозку политических отношений с ЕС после начала специальной военной операции, в вопросах общеевропейской безопасности Российское государство открыто для взаимодействия на международном уровне, например в контактах с Международным агентством по атомной энергии в части мониторинга обстановки вокруг Запорожской АЭС.

Таким образом, в складывающейся международной военно-политической обстановке, когда существенно возрос риск применения оружия массового поражения, а также имеет место применение обычных средств по объектам критической инфраструктуры с негативными последствиями для окружающей природной среды, существенно возросли экологические риски развития человечества. В этой связи требуется уточнение содержания проводимой экологической политики России на глобальном и государственном уровнях, разработка ее

теоретических основ в условиях современных вооруженных конфликтов. Кроме того, представляется необходимой координация усилий на международном уровне по выработке эффективного политического механизма ограничения и противодействия неизбирательному применению средств вооруженного насилия в вооруженных конфликтах.

Список литературы

1. Квасов Г. Б., Пошвин А. И. Война как острейшая форма социально-политического конфликта (на примере Второй мировой войны) // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2010. № 1. С. 115–121. EDN: WFFGQZ
2. Александров В. Н., Емельянов В. И. Отравляющие вещества : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Воениздат, 1990. 272 с.
3. Бойко А. Украинских военных готовят к применению химических боеприпасов. URL: <http://kr-gu.turbopage.org/kr.ru/s/daily/27626/49> (дата обращения: 20.04.2025).
4. Израэль Ю. А. Радиоактивное загрязнение природных сред в результате аварии на Чернобыльской атомной станции. М. : Изд-во «Комтехпринт», 2006. 28 с.
5. Матвеева Е. В. Межуровневые взаимодействия в общественной, государственной и мировой экологической политике : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2012. 42 с.
6. Гусев А. А. Экологическая политика Европейского союза в контексте концепции устойчивого развития : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2010. 43 с.

Поступила в редакцию 12.03.2025; одобрена после рецензирования 05.09.2025; принята к публикации 17.09.2025
The article was submitted 12.03.2025; approved after reviewing 05.09.2025; accepted for publication 17.09.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 440–446

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 440–446

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-440-446>, EDN: UPMYMT

Научная статья

УДК 327.7

Обеспечение информационной безопасности в формате ОДКБ как региональный ответ на вызовы и угрозы в сфере ИКТ

К. Ю. Голуб¹

Секретариат Организации Договора о коллективной безопасности, Россия, 101000, г. Москва, Сверчков пер., д. 3/2

Голуб Кирилл Юрьевич, кандидат юридических наук, начальник правового отдела, kirillgoloub@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-2677-6210>

Аннотация. Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий приводит к качественному и количественному увеличению новых вызовов и угроз, связанных с информационной сферой. Их трансграничный характер предопределяет продолжающееся расширение межгосударственного сотрудничества в этой сфере, в том числе и в рамках Организации Договора о коллективной безопасности. В этой связи цель работы заключается в системном рассмотрении коллективных механизмов обеспечения информационной безопасности в формате ОДКБ в контексте общемировых усилий в этой сфере. В ОДКБ осуществляется комплексное противодействие вызовам и угрозам информационной безопасности. Государства-члены вырабатывают согласованные позиции, координируют свое участие в существующих глобальных переговорных форматах, а представители Секретариата присутствуют на соответствующих международных площадках. Готовятся совместные шаги с другими региональными организациями. Политическое взаимодействие дополняется совместной практической работой правоохранительных органов и специальных служб на базе институционализированных механизмов сотрудничества. Заложены правовые и организационные основы для противодействия враждебным действиям (Консультационный координационный центр по вопросам реагирования на компьютерные инциденты), проведения совместных специальных мероприятий (операция «ПРОКСИ»), борьбы с преступностью, а также подготовки кадров. Однако в современной международной обстановке нарастающие потребности обеспечения информационной безопасности требуют расширения сотрудничества за пределы существующего политического и практического взаимодействия. По мере готовности государств представляются актуальными выработка коллективных мер и координация их сотрудничества на основе концепции когнитивной безопасности.

Ключевые слова: ОДКБ, ИКТ, МИБ, РГОС, информационная безопасность, операция «ПРОКСИ», когнитивная безопасность

Для цитирования: Голуб К. Ю. Обеспечение информационной безопасности в формате ОДКБ как региональный ответ на вызовы и угрозы в сфере ИКТ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 440–446. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-440-446>, EDN: UPMYMT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Ensuring information security within the CSTO framework as a regional response to the IT related challenges and threats

K. Yu. Golub

The Collective Security Treaty Organization Secretariat, 3/2 Sverchkov pereulok, Moscow 101000, Russia

Kirill Yu. Golub, kirillgoloub@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-2677-6210>

Abstract. The rapid development of information technology leads to qualitative and quantitative increase in new challenges and threats related to the information domain. Their transboundary nature predetermines the ongoing expansion of international cooperation in this area, including activities within the Collective Security Treaty Organization. In this regard, the work objective is to make a systemic study of the collective mechanisms for ensuring information security in the framework of the CSTO in the context of global efforts in this area. The CSTO implements a comprehensive response to challenges and threats to information security. Member states develop agreed positions, coordinate their participation in existing global negotiation formats. The CSTO Secretariat staff representatives are present at relevant international venues. Joint steps are being prepared with other regional organizations. Political interaction is complemented by joint practical work of law enforcement agencies and special services based on institutionalized cooperation mechanisms. The legal and organizational foundations have been laid for countering hostile cyber actions (Consultative Coordination Center for Response to Computer Incidents), conducting joint

¹ Статья отражает личное мнение автора и не является официальной позицией Организации Договора о коллективной безопасности или ее органов.

special operation ("PROKSI"), combating crime, and training personnel. However, in the current international situation, the growing needs for ensuring information security require expanding cooperation beyond current political and practical interaction. As states become ready, it seems relevant to develop collective measures and coordinate international cooperation based on the concept of cognitive security.

Keywords: CSTO, IT, IIS, OEWG, information security, PROKSI operation, cognitive security

For citation: Golub K. Yu. Ensuring information security within the CSTO framework as a regional response to the IT related challenges and threats. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 440–446 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-440-446>, EDN: UPMYMT

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Последние десятилетия ознаменовались бурным развитием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), которые глубоко укоренились в повседневной жизни значительной части человечества. Их широкое распространение закономерно привело к качественному и количественному увеличению вызовов и угроз в информационной сфере. В зависимости от их характера задачи по обеспечению информационной безопасности стоят перед широким спектром субъектов: от отдельных граждан и организаций до государств и их объединений.

Закономерным образом указанная проблематика становится предметом сотрудничества и в формате Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ или Организация). С 2012 г. взаимодействие государств-членов в сфере информационной безопасности является одной из ее уставных задач. В ОДКБ выстроена и постоянно совершенствуется система механизмов противодействия вызовам и угрозам в области информационной безопасности. В этой связи рассмотрение проблем и перспектив становления коллективных механизмов обеспечения информационной безопасности Организации представляется весьма актуальным. Тем не менее, несмотря на большой массив публикаций о деятельности Организации, значительная часть мероприятий ОДКБ и ее органов на этом направлении не получает должного научного изучения, которое и предполагается в известной мере развить настоящей работой. Ее цель заключается в системном рассмотрении коллективных механизмов обеспечения информационной безопасности в формате ОДКБ в контексте общемировых усилий в данной сфере. Для этого предполагается прежде всего рассмотреть предпринятые Организацией политические шаги по обеспечению международной информационной безопасности, проанализировать практические меры ОДКБ по парированию вызовов и

угроз в сфере ИКТ и обозначить дальнейшие усилия Организации на этом направлении.

В основу работы положен структурно-функциональный метод, позволяющий определить цели, задачи и позиции субъектов взаимодействия в сфере обеспечения информационной безопасности. Системный подход используется для того, чтобы оценить потенциал ОДКБ в противодействии вызовам и угрозам информационной безопасности и подчеркнуть взаимосвязь созданных механизмов в рамках системы коллективной безопасности.

В соответствии со Стратегией коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 года (далее – Стратегия)² формирование безопасного информационного пространства государств-членов ОДКБ является одной из стратегических задач Организации в сфере противодействия транснациональным вызовам и угрозам. Для решения указанной задачи, равно как и других, определенных руководящими установками ОДКБ, Организация реализует комплекс мероприятий, из которых в соответствии с принципами Устава ОДКБ приоритет отдается политическим средствам.

При этом нужно отметить, что подходы ОДКБ следуют за сложившимся русскоязычным словоупотреблением, в котором термин «информационный» и термины с приставкой «кибер-» несут в себе содержательные оттенки смысла. Как отмечает С. А. Себекин, в то время как западная приставка «кибер-» подразумевает под собой сугубо технические аспекты воздействия (в отношении конкретных устройств, систем, сетей, технологических процессов, цифровой инфраструктуры), термин русского происхождения «информационный»

² Решение Совета коллективной безопасности ОДКБ от 14 октября 2016 г. «О Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года» // Документы по вопросам формирования и функционирования системы коллективной безопасности государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности (далее – «Документы...»). Вып. 17. М., 2017. С. 153.

носит амбивалентный характер: под ним понимаются как информационно-технические, так и информационно-психологические воздействия [1, с. 171].

Практические мероприятия по укреплению межведомственной координации в сфере обеспечения информационной безопасности, проведение совместных мероприятий по противодействию и нейтрализации противоправной деятельности в информационно-телекоммуникационном пространстве государств-членов ОДКБ основываются на обсуждении и выработке согласованных правил взаимодействия в информационной сфере, их продвижении на глобальном уровне³.

Такие общие для государств-членов ОДКБ нормы закреплены в Соглашении о сотрудничестве государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности в области обеспечения информационной безопасности от 30 ноября 2017 г. (далее – Соглашение), которое является основополагающим международно-правовым документом, определяющим термины, принципы и направления совместной работы государств-членов ОДКБ в этой сфере⁴.

Принципиальным аспектом, зафиксированным в Соглашении, является указание в его преамбуле на приоритетность государственного суверенитета в вопросах обеспечения информационной безопасности. На этом подходе базируется коренное отличие согласованных действий государств-членов ОДКБ от политики руководства западных стран по размыванию государственных суверенитетов, нашедших свое выражение, например, в Глобальном цифровом договоре⁵, в котором проводится линия на вовлечение в вопросы регулирования информационной сферы «частного сектора, гражданского общества, международных организаций, технических и научных кругов и всех других заинтересованных сторон»⁶.

³ Документы... Вып. 17. М., 2017. С. 158.

⁴ Соглашение о сотрудничестве государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности в области обеспечения информационной безопасности от 30 ноября 2017 г. // Документы... Вып. 18. М., 2018. С. 84.

⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. Пакт во имя будущего. 22 сентября 2024 г. A/RES/79/1 // Секретариат ООН. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/272/24/pdf/n2427224.pdf> (дата обращения: 28.10.2024).

⁶ Интервью заместителя министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Вершинина газете «Комсомольская правда» // МИД России. 23.09.2024. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1970834/ (дата обращения: 28.10.2024).

Другие узловые для государств-членов ОДКБ элементы политики обеспечения информационной безопасности и глобального регулирования информационного пространства изложены в цикле заявлений министров иностранных дел государств-членов ОДКБ,⁷ в которых последовательно отстаиваются несколько общих подходов.

Во-первых, с точки зрения государств-членов ОДКБ, информационно-коммуникационные технологии не должны применяться для вмешательства во внутренние дела суверенных государств и осуществления любых посягательств на территориальную целостность, государственный суверенитет и независимость государств.

Во-вторых, поддерживается деятельность Рабочей группы открытого состава ООН по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ и самих ИКТ 2021–2025 (далее – РГОС) в качестве единого межгосударственного переговорного механизма под эгидой ООН по данной тематике.

В-третьих, государства-члены ОДКБ выступают за выработку и принятие универсального международно-правового инструмента, регулирующего поведение государств в информационном пространстве в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права.

В-четвертых, подчеркивается важность развития взаимодействия по тематике между-

⁷ Заявление министров иностранных дел государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности о совместных мерах по обеспечению информационной безопасности от 17 июля 2017 г. // Документы... Вып. 18. М., 2018. С. 9–10; Заявление министров иностранных дел государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности о координации совместных усилий в сфере информационной безопасности, включая противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в террористических и иных преступных целях от 15 сентября 2021 г. // Документы... Вып. 22. М., 2021. С. 47–48; Совместное заявление министров иностранных дел государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности об активизации сотрудничества в области обеспечения международной информационной безопасности от 23 ноября 2022 г. // Документы... Вып. 23. М., 2022. С. 53–54; Заявление министров иностранных дел государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности о расширении сотрудничества в области международной информационной безопасности от 21 июня 2024 г. // Организация Договора о коллективной безопасности. 24.06.2024. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/zayavlenie-ministrov-nostrannykh-del-gosudarstv-chlenov-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopaz/ (дата обращения: 28.10.2024).

народной информационной безопасности в рамках международных и региональных организаций.

Наличие общих, выработанных в рамках Организации, подходов позволяет государствам-членам занимать на площадке ООН согласованные позиции, становиться соавторами соответствующих резолюций [2, с. 85], а представителям Секретариата ОДКБ участвовать в мероприятиях РГОС, проводя линию, выработанную государствами-членами ОДКБ⁸.

В целях углубления политического сотрудничества государств-членов ОДКБ в сфере международной информационной безопасности по инициативе Российской Федерации в 2023 г. утвержден перечень дополнительных мер государств-членов ОДКБ, направленных на обеспечение информационной безопасности⁹. Они предусматривают продолжение взаимных консультаций по проблематике обеспечения международной информационной безопасности в различных международных форматах, первый раунд которых состоялся 11 октября 2024 г. в Москве. Участники консультаций обменялись оценками современных вызовов в сфере информационной безопасности в зоне ответственности Организации и подходами к противодействию им, включая развертывание новых низкоорбитальных спутниковых систем интернет-связи¹⁰.

В качестве следующих мер в указанный Перечень включены изучение возможностей гармонизации национальных режимов право-

вого регулирования в области международной информационной безопасности, дальнейшее содействие выработке под эгидой ООН юридических обязывающих правил, норм и принципов ответственного поведения государств в информационном пространстве, а также запуск консультаций с внешними партнерами по вопросам международной информационной безопасности. К внешним партнерам, прежде всего, следует отнести Шанхайскую организацию сотрудничества и Содружество Независимых Государств, одним из направлений сотрудничества с которыми определено обеспечение информационной безопасности¹¹.

С точки зрения организации практического взаимодействия государств-членов ОДКБ в сфере обеспечения информационной безопасности в Соглашении определены три основные угрозы информационной безопасности государств-членов ОДКБ.

Во-первых, к ним отнесено деструктивное информационное воздействие, в которое вкладывается максимально широкое содержание – любое использование информационно-коммуникационных технологий в целях нарушения деятельности органов власти, ослабления национальной безопасности, нанесения ущерба информационно-коммуникационным системам, сетям и ресурсам, критически важным и другим структурам, ухудшения межгосударственных отношений, создания внутренней социально-политической напряженности, разрушения традиционных духовных и нравственных ценностей, установления контроля над национальными информационными ресурсами, формирования угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, причинения иного ущерба национальным интересам государств-членов ОДКБ.

Во-вторых, аналогичным образом рассматривается использование информационно-коммуникационных технологий террористическими и экстремистскими организациями, организованными преступными группами (сообществами). В-третьих, таким же статусом квалифицировано осуществление противоправной деятельности с использованием информационно-коммуникационных технологий (см. ст. 3 Соглашения).

¹¹ Решение Совета коллективной безопасности ОДКБ от 23 ноября 2022 г. «О намерениях развивать сотрудничество Организации Договора о коллективной безопасности с Содружеством Независимых Государств и Шанхайской организацией сотрудничества» // Документы... Вып. 23. М., 2022. С. 95–99.

⁸ Выступление заместителя Генерального секретаря ОДКБ В. Семерикова на неформальной межсессионной встрече Рабочей группы открытого состава ООН по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий // Организация Договора о коллективной безопасности. 7.12.2022. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/vystuplenie-zameshitelya-generalnogo-sekretarya-odkb-valeriya-semerikova-na-neformalnoy-mezhsessiionn/?sphrase_id=137765 (дата обращения: 28.10.2024).

⁹ Решение Совета министров иностранных дел и Комитета секретарей советов безопасности ОДКБ от 22 ноября 2023 г. «О Перечне дополнительных мер государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности, направленных на обеспечение информационной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности» // Документы... Вып. 24. М., 2023. С. 49–51.

¹⁰ О мероприятиях, посвященных обсуждению вопросов в сфере международной информационной безопасности в рамках ОДКБ // Организация Договора о коллективной безопасности. 14.10.2024. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/o-meropriyatiyakh-posvyas-hchennykh-obsuzhdeniyu-voprosov-v-sfere-mezhdunarodnoy-informatsionnoy-bezo/ (дата обращения: 28.10.2024).

Практическим средством противодействия указанным угрозам стал комплекс мероприятий, направленных на противодействие преступлениям в сфере и с применением информационных технологий, который проводится в формате ОДКБ с 2008 г. под условным наименованием «операция «ПРОКСИ» (акроним от «ПРОтиводействие Криминалу в Сети Интернет»). С 2014 г. операции придан статус постоянного действия¹².

С 2008 по 2023 г. операция «ПРОКСИ» проведена 14 раз. За эти годы выявлено более 500 тыс. информационных ресурсов, направленных на разжигание национальной и религиозной розни, наносящих политический ущерб национальным и союзническим интересам, распространяющих идеи террористической и экстремистской направленности в интересах преступных групп, совершения различных преступлений в сфере информационных технологий.

При этом была приостановлена деятельность более 210 тыс. информационных ресурсов, выявлено более 630 тыс. фактов, свидетельствующих о совершении преступлений, и возбуждено более 400 тыс. уголовных дел¹³.

Формальной основой для практического взаимодействия национальных уполномоченных органов служит Протокол о взаимодействии государств-членов ОДКБ по противодействию преступной деятельности в информационной сфере¹⁴ (далее – Протокол), который регламентирует порядок и сроки обмена соответствующей информацией, а также процедуры направления и рассмотрения обращений о необходимости оказания содействия.

¹² Решение Совета коллективной безопасности ОДКБ от 23 декабря 2014 г. «О Положении об операции постоянного действия государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий (операция «ПРОКСИ»)» // Документы... Вып. 15. М., 2015. С. 140–146.

¹³ Кузнецов А. В. Система международной информационной безопасности. Коллективные усилия государств-членов ОДКБ по формированию региональной и национальной безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий. 21 августа 2023 г. // Текущий архив Секретариата ОДКБ.

¹⁴ Протокол о взаимодействии государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности по противодействию преступной деятельности в информационной сфере от 23 декабря 2014 г. // Документы... Вып. 15. М., 2015. С. 63–68.

Помимо защиты информационного пространства государств-членов ОДКБ от деструктивного информационного воздействия, Протоколом предусматривается взаимодействие по признакам преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, против мира и безопасности, а также в сфере информационных технологий.

По мнению некоторых исследователей, например Н. О. Мороз, Протокол имеет целый ряд недостатков, обусловленных, в первую очередь, тем, что в его основу были заложены преимущественно положения Соглашения о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, многие из которых нуждаются в совершенствовании как в силу неточностей содержательного характера, так и несоответствия современным потребностям международного сотрудничества компетентных органов в деле противодействия противоправному использованию информационных технологий [3, с. 81]. Не отвергая принципиальной необходимости постоянного совершенствования нормативной правовой основы для сотрудничества государств-членов ОДКБ, полагаем, что вопрос ее модернизации целесообразно рассматривать после подписания и вступления в силу Конвенции ООН против киберпреступности; укрепления международного сотрудничества в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимся к серьезным преступлениям (далее – Конвенция).

В рамках существующих механизмов защита критической информационной инфраструктуры в каждом из государств-членов ОДКБ осуществляется создаваемой и развиваемой национальной системой обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы. Основным коллегиальным органом взаимодействия государств-членов ОДКБ в этой сфере является созданный в 2014 г. Консультационный координационный центр государств-членов ОДКБ по вопросам реагирования на компьютерные инциденты (далее – ККЦ).

Из числа задач, возложенных на ККЦ в целях координации взаимодействия нацио-

нальных уполномоченных органов по вопросам компьютерных инцидентов, следует выделить две ключевые. Во-первых, сбор и обмен информацией по компьютерным инцидентам между национальными уполномоченными органами, а также анализ угроз в данной сфере для государств-членов ОДКБ. Во-вторых, через ККЦ организуется оказание взаимной помощи в решении организационных, технических и нормативно-правовых вопросов, связанных с предотвращением компьютерных атак и чрезвычайных ситуаций, оперативным реагированием на них и ликвидацией последствий компьютерных инцидентов¹⁵.

Третьим аспектом функционирования системы обеспечения информационной безопасности в формате ОДКБ, помимо рассмотренных выше политического сотрудничества государств-членов ОДКБ в сфере международной информационной безопасности и практического взаимодействия их уполномоченных органов, является недопустимость использования существующей информационной инфраструктуры для распространения информации, представляющей угрозу безопасности, что вытекает из рассмотренной выше всеобъемлющей трактовки деструктивного информационного воздействия.

В качестве угрозы национальной и коллективной безопасности государства-члены ОДКБ квалифицировали использование современных ИКТ для пропаганды нетерпимости на расовой, этнической и религиозной почве, идеологии экстремистских и террористических организаций, в том числе с целью вербовки рекрутов, а также деструктивного идеологического и морально-психологического воздействия с целью искажения нравственно-ценностных ориентиров молодежи¹⁶. Такое деструктивное информационное воздействие может оказываться через электронные информационные сети и медиаресурсы в форме манипулирования общественным со-

знанием в целях воздействия на общественно-политическую и социально-экономическую обстановку (см. п. 3.2 Стратегии).

Для координации соответствующих усилий создана рабочая группа при Комитете секретарей советов безопасности ОДКБ по вопросам информационной политики и информационной безопасности. В практику Организации введено планирование совместных шагов в этой сфере. В 2011 г. согласован План первоочередных мероприятий по формированию основ скоординированной информационной политики в интересах государств-членов ОДКБ¹⁷ до 2015 г., в 2018 г. – План мероприятий по развитию скоординированной информационной политики в интересах государств-членов ОДКБ до 2025 г.¹⁸

При этом следует признать, что указанные документы во многом носят формальный характер. На практике общие мероприятия включают обмен опытом в сфере противодействия угрозам в информационной сфере и пресечение пропаганды идей, разжигающих те или иные виды розни, различных форм действия террористической деятельности и незаконному обороту наркотиков.

Представляется, что соответствующая сфера сотрудничества требует наращивания привлекаемого инструментария. Как отмечает А. И. Возжеников, для противодействия внешнему информационно-психологическому воздействию необходимо привлечение как информационно-коммуникационных, так и информационно-идеологических средств. По его мнению, приоритетное значение имеет определение целевой международной аудитории для деятельности в форме превентивных или просветительских акций и мероприятий [4, с. 141].

В этом смысле требует осмысления опыт последнего десятилетия, связанный с влиянием, прежде всего, социальных сетей

¹⁵ См.: Решение Совета коллективной безопасности ОДКБ от 23 декабря 2014 г. «О Консультационном координационном центре Организации Договора о коллективной безопасности по вопросам реагирования на компьютерные инциденты» // Документы... Вып. 15. М., 2015. С. 147–152.

¹⁶ См.: Заявление министров иностранных дел государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности о совместных мерах по обеспечению информационной безопасности от 17 июля 2017 г.

¹⁷ Решение Совета коллективной безопасности ОДКБ от 20 декабря 2011 г. «О Плате первоочередных мероприятий по формированию основ скоординированной информационной политики в интересах государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности» // Документы... Вып. 12. М., 2012. С. 156–157.

¹⁸ Решение Совета коллективной безопасности ОДКБ от 8 ноября 2018 г. «О Плате мероприятий по развитию скоординированной информационной политики в интересах государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности» // Документы... Вып. 19. М., 2018. С. 164–170.

на сохранение социальной стабильности в экстремальных условиях (включая события «Арабской весны» и пандемию коронавируса). Значительный потенциал видится в дальнейшей разработке концепции когнитивной безопасности с выходом на предложения по координации межгосударственного сотрудничества в этой сфере [5, с. 295].

Вместе с тем задача выработки коллективных идеологических и когнитивных средств противодействия в международном информационном противостоянии не видится решаемой в среднесрочной перспективе. С учетом наметившегося прорыва в создании международно-правовой основы для межгосударственного сотрудничества в форме Конвенции решение информационно-технических вопросов обеспечения информационной безопасности в среднесрочной перспективе превратится в рутину, в значительной степени лишенную нынешней остроты политического противостояния. В таких условиях особую роль приобретет информационно-психологическая сторона информационной безопасности, которая в условиях отсутствия просматривающихся возможностей по ее правовой регламентации может превратиться в бескомпромиссную битву нарративов противоборствующих государств и их объединений.

В этих рамках управление информационной сферой в целях реализации национальной информационной политики становится критически важным элементом национального суверенитета. От государств потребуются особая готовность к объединению усилий для сотрудничества в этой сфере.

Таким образом, Организация Договора о коллективной безопасности является востребованным инструментом ее государств-членов по координации усилий в сфере обеспечения национальной и коллективной информационной безопасности. Поскольку в соответствии с Уставом ОДКБ в достижении своих целей Организация отдает приоритет политическим

средствам, для решения соответствующих задач соединяются мероприятия как политического, так и практического характера. При этом подход ОДКБ к обеспечению информационной безопасности основывается на многоаспектном ее понимании и включает в себя не только согласование политических подходов к регулированию соответствующих вопросов на глобальном уровне и обеспечение технической стороны информационной безопасности, но и недопустимость использования существующей информационной инфраструктуры для распространения информации, представляющей угрозу безопасности. Вместе с тем противодействие злоупотреблению возможностями информационной инфраструктуры требует выработки и внедрения новых коллективных методов межгосударственного взаимодействия, в том числе наращивания координации национальных информационных политик.

Список литературы

1. Себекин С. А. Система международной информационной безопасности в условиях политической турбулентности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2023. Т. 16, вып. 2. С. 170–190. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.205>, EDN: JQHKPU
2. Бойко С. М. Международная информационная безопасность: Россия в ООН. Начало нового этапа (2020–2021 гг.) // Международная жизнь. 2024. № 6. С. 82–99. EDN: DQDQEO
3. Мороз Н. О. Особенности участия Республики Беларусь в международном сотрудничестве в сфере обеспечения информационной безопасности // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2017. № 2 (10). С. 79–84. EDN: ZEWNPf
4. Возжеников А. В. Современные приоритеты политики защиты информационного пространства ОДКБ // Вестник ОрелГИЭТ. 2020. № 4 (54). С. 139–141. <https://doi.org/10.36683/2076-5347-2020-4-54-139-141>, EDN: PROIKV
5. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность / под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. СПб. : Петрополис, 2017. 300 с. EDN: TGFHSZ

Поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 05.09.2025; принята к публикации 17.09.2025
The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 05.09.2025; accepted for publication 17.09.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 447–455

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 447–455

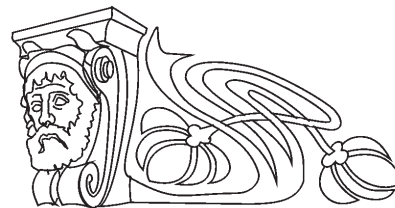
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-447-455>, EDN: VLATAZ

Научная статья

УДК 323+341.1+341.24+327.7

Политика продовольственной безопасности Королевства Саудовская Аравия

В. В. Ахмадуллин

Институт востоковедения Российской академии наук, Россия, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Ахмадуллин Вячеслав Вячеславович, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований, vyacheslav.akhmadullin@yahoo.com, <https://orcid.org/0009-0004-4045-6616>

Аннотация. В статье изучается политика продовольственной безопасности Королевства Саудовская Аравия. На основе анализа руководящих документов и программ Королевства Саудовская Аравия, отчетов международных организаций и аналитических справок ряда ведомств зарубежных государств: «Видение Королевства Саудовская Аравия 2030», «Национальная стратегия биотехнологий», Национальной программы развития животноводства и рыбоводства, программы «Зеленая Саудовская Аравия», отчета Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, стратегии продовольственной безопасности стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива и целого ряда других документов и справок с официальных сайтов министерств Саудовской Аравии показана деятельность Королевства по преодолению проблем продовольственной безопасности. Автор анализирует не только современные достижения Королевства, но и возникающие проблемы и попытки их преодоления. В статье рассмотрены особенности политики продовольственной безопасности Саудовской Аравии, поэтому в исследовании рассматриваются ключевые субъекты – различные ведомства Королевства, занимающиеся выработкой и реализацией направлений политики продовольственной безопасности. Автор доказывает, что решение проблемы продовольственной безопасности стало одним из национальных приоритетов для руководства Саудовской Аравии, которое рассчитывает сделать сельское хозяйство одной из опор развития государства. Следствием такого выбора стали значительные инвестиции Королевства в передовые технологии, позволяющие значительно увеличить урожаи и производство продуктов животного происхождения. Особое внимание в статье уделено сотрудничеству Королевства с зарубежными государствами. На основе изучения опыта взаимодействия Российской Федерации и Королевства Саудовская Аравия, наработанного за последние годы, показаны перспективные направления взаимодействия наших государств в области политики продовольственной безопасности.

Ключевые слова: Королевство Саудовская Аравия, Российская Федерация, «Видение 2030», продовольственная безопасность, сельское хозяйство, международное сотрудничество

Для цитирования: Ахмадуллин В. В. Политика продовольственной безопасности Королевства Саудовская Аравия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 447–455. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-447-455>, EDN: VLATAZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Food security policy of the Kingdom of Saudi Arabia

V. V. Akhmadullin

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 12 Rozhdestvenka St., Moscow 107031, Russia

Vyacheslav V. Akhmadullin, vyacheslav.akhmadullin@yahoo.com, <https://orcid.org/0009-0004-4045-6616>

Abstract. This article examines the food security policy of the Kingdom of Saudi Arabia. Based on an analysis of the Kingdom's guiding documents and programs – including “Saudi Vision 2030”, the “National Biotechnology Strategy,” the National Program for the Development of Livestock and Fisheries, the “Green Saudi Initiative,” among others – as well as reports from international organizations (such as the Food and Agriculture Organization of the UN) and analytical materials from foreign agencies (e.g., the Gulf Cooperation Council's Food Security Strategy), the study outlines the Kingdom's activities in addressing food security challenges. The author highlights not only the Kingdom's contemporary achievements but also the emerging challenges and attempts to mitigate them. The article explores specific features of Saudi Arabia's food security policy; accordingly, the study identifies the key actors involved – various Saudi agencies responsible for developing and implementing food security policy directions. The author argues that addressing food security has become a national priority for the Saudi leadership, which aims to establish agriculture as a cornerstone of the nation's development. This strategic choice has resulted in substantial investments by the Kingdom in advanced technologies designed to significantly increase crop yields and production of animal-based

products. Particular attention is paid to the Kingdom's cooperation with foreign states. By examining the experience of interaction between the Russian Federation and the Kingdom of Saudi Arabia accumulated in recent years, the article identifies promising directions for bilateral cooperation in the field of food security policy.

Keywords: Kingdom of Saudi Arabia, the Russian Federation, Vision 2030, food security, agriculture, international cooperation

For citation: Akhmadullin V. V. Food security policy of the Kingdom of Saudi Arabia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 447–455 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-447-455>, EDN: VLATAZ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

О важности и актуальности исследуемой проблемы говорит внимание к ней со стороны российских и зарубежных экспертов [1–10]. Одно из последних исследований политики продовольственной безопасности Саудовской Аравии проведено авторитетным специалистом доктором Турки Фейсалом Аль-Рашидом. Его статья была опубликована в крупном издании «Arab News» 22 июля 2025 г.¹

Продовольственная безопасность является одним из национальных приоритетов Саудовской Аравии, что во многом обосновано жарким климатом, ограниченными водными ресурсами, а также растущим населением. Такое положение дел подтолкнуло руководство Королевства к тому, чтобы сделать сельское хозяйство одной из опор развития государства. Поэтому Королевство инвестирует в передовые технологии для расширения местного производства ключевых продуктов питания: от зерна и овощей до рыбы и птицы. Одновременно широко продвигаются методы климатически оптимизированного земледелия. Эти инновации снижают зависимость от импорта, улучшают продовольственную безопасность и обеспечивают устойчивый рост в регионе с дефицитом воды².

Анализ одного из главных руководящих документов КСА – «Видение Королевства Саудовская Аравия 2030» («Видение 2030») – по проблеме политики продовольственной безопасности позволяет выделить направления деятельности, намеченные руководством страны по обеспечению продовольственной безопасности:

- 1) развитие субсидий на продовольствие и воду для нуждающихся;
- 2) создание стратегических запасов на случай чрезвычайных ситуаций;
- 3) сотрудничество с государствами – ведущими производителями продуктов;

¹ Arab food insecurity: A recipe for regional chaos // Arab News. URL: <https://www.arabnews.com/node/2609050> (дата обращения: 23.07.2025).

² 2030 رؤية السعودية // التقرير السنوي 2024. URL: <https://www.vision2030.gov.sa/media/iv3f11uf/annual-report-2024.pdf> 297. ص. (дата обращения: 15.08.2025).

4) рациональное использование воды в сельском хозяйстве;

5) развитие аквакультуры;

6) совместная работа государства с потребителями, производителями и продавцами продуктов по сокращению отходов³.

В системе обеспечения продовольственной безопасности важное место занимают несколько ведомств: Главное управление по продовольственной безопасности (GFSA)⁴, контролирующее запасы стратегических товаров и следящее за соблюдением соответствующих законов и стратегических планов, а также Министерство окружающей среды, водных ресурсов и сельского хозяйства, которое в соответствии с программой «Видение 2030» и документами, представленными на официальном сайте, занимается обеспечением продовольственной безопасности через создание устойчивой окружающей среды, сохранением природных ресурсов, в том числе водных⁵.

Все указанные задачи решаются с опорой на подведомственную министерству платформу электронных услуг «Нама». Она обеспечивает широкий спектр мероприятий по развитию сельского хозяйства, защите окружающей среды и водных ресурсов⁶.

Министерство во взаимодействии с подведомственными организациями принимает самое активное участие в обеспечении политики продовольственной безопасности Королевства.

³ رؤية المملكة العربية السعودية 2030 // رؤية السعودية 2030. URL: <https://www.vision2030.gov.sa/media/yjtlqxlz/4-2030-وثيقة-رؤية.pdf> 60, 29. ص. (дата обращения: 10.01.2025).

⁴ الهيئة العامة للأمن الغذائي // المنصة الوطنية. URL: <https://my.gov.sa/ar/agencies/17351> (дата обращения: 12.06.2025); الرئيسية // الهيئة العامة للأمن الغذائي. URL: <https://gfsa.gov.sa/> (дата обращения: 15.05.2025).

⁵ الأهداف // وزارة البيئة والمياه والزراعة. URL: <https://www.mewa.gov.sa/ar/Ministry/AboutMinistry/Pages/Objectives.aspx> (дата обращения: 25.07.2025); وزارة البيئة والمياه والزراعة // الرؤية والرسالة. URL: <https://www.mewa.gov.sa/ar/Ministry/AboutMinistry/Pages/MinistryVision.aspx> (дата обращения: 07.05.2025).

⁶ دليل الخدمات الإلكترونية // منصة نما. URL: <https://naama.sa/Services> (дата обращения: 03.07.2025).

Анализ показывает, что до принятия руководящего документа «Видение 2030» в 2016 г. бюджет министерства за 2015 г. составлял 920 млн долл. США. В последнее время он показывает значительный рост: в 2023 г. – 4,87 млрд долл. в 2024 г. – 7,53 млрд долл. США⁷.

Таким образом, за период 2015–2024 гг. бюджет увеличился больше чем в восемь раз, что свидетельствует об особом, возросшем внимании властей к обеспечению продовольственной безопасности.

На промежуточном этапе решения задач, поставленных в «Видении 2030», КСА добились весомых результатов. Например, экспорт продовольственных товаров в 2022 г. превысил 4,53 млрд долл. США, к 2035 г. прогнозируется объем экспорта 10,66 млрд долл.⁸

Представляется важным, что средняя продолжительность жизни достигла 78,8 лет в 2023 г., досрочно превысив цели и поставив Королевство на 11-е место среди стран G20. Этот результат был достигнут во многом, по мнению руководства КСА, за счет питания. Один из самых весомых результатов был достигнут в производстве аквакультур, показавшем трехкратный рост с 2016 по 2024 г. В «Ежегодном отчете за 2024 г.» отмечается и значительное повышение показателей производства по фруктам, овощам, молочным продуктам и птице. В документе отмечен рост вклада сельского хозяйства в ВВП: с 29,07 млрд долл. США в 2023 г. до 30,4 млрд долл. в 2024 г.⁹ При этом темпы роста кредитования с 2018 по 2024 г. увеличились на 54%¹⁰. Например, Фонд сельскохозяйственного развития в 2023 г. выдал 342 млн долл. США на развитие агропромышленного комплекса (АПК): бройлерное птицеводство (77,25 млн долл.); яичное птицеводство (52,04 млн долл.), тепличное хозяйство (157,74 млн долл.); аквапоника

(3,39 млн долл.); рыбоводство (28,67 млн долл.); креветководство (23,05 млн долл.)¹¹.

В контексте реализации решения задач продовольственной безопасности, выдвинутых в документе «Видение 2030», 25 января 2024 г. в КСА была принята «Национальная стратегия биотехнологий»¹². В документе заявлена цель – повысить производительность сельского хозяйства и внести существенный вклад как в региональную, так и в глобальную экологическую устойчивость через сосредоточение внимания на оптимизации выращивания сельскохозяйственных культур, повысить самодостаточность в производстве продовольствия и снизить зависимость от импорта.

Руководство Национальной программы развития животноводства и рыбоводства в июле 2025 г. подписало меморандум о взаимопонимании с международной биотехнологической компанией PhageGuard и саудовским производителем птицы «Ат-Тания Аль-Гизайя». Церемония прошла в Амстердаме с участием заместителя министра окружающей среды, водных ресурсов и сельского хозяйства Мансура Аль-Муцайти. Ключевой элемент сотрудничества – технология бактериофагов, перспективная альтернатива антибиотикам. Исследования подтверждают, что бактериофаги способны уменьшать зараженность сальмонеллой до 90%¹³.

Внимание КСА к данной технологии обусловлено более безопасным производством продуктов, локализацией передовых иностранных биотехнологий, снижением зависимости от антибиотиков и улучшением качества продукции, повышением конкурентоспособности. Такой подход соответствует обновленной сельскохозяйственной стратегии, Национальной биотехнологической стратегии и целям «Видения 2030», что в конечном итоге укрепляет продовольственную безопасность.

⁷ الميزانية والصراف // وزارة البيئة والمياه والزراعة URL: <https://www.mewa.gov.sa/ar/Ministry/AboutMinistry/Pages/Budgets.aspx> (дата обращения: 21.05.2025).

⁸ .. اكتفاء ذاتي وقطاع جاذب للاستثمارات // الرياض «الأمّن الغذائي في المملكة». URL: <https://alriyadh.com/2088816> (дата обращения: 28.06.2025).

⁹ التقرير السنوي 2024 // رؤية السعودية 2030 URL: <https://www.vision2030.gov.sa/media/iv3f11uf/annual-report-2024.pdf> ص. 30، 298 (дата обращения: 14.05.2025).

¹⁰ 30 مليار دولار مساهمة الزراعة في الناتج المحلي // الشرق الأوسط... السعودية تعزز أمنها الغذائي... URL: <https://aawsat.com/السعودية-تعزز-أمنها-الغذائي-و-30-مليار-دولار-مساهمة-الزراعة-في-الناتج-5136777/الاقتصاد> (дата обращения: 09.07.2025).

¹¹ مشاريع الامن الغذائي التي ساهم الصندوق في دعمها // منصة البيانات المفتوحة

URL: <https://open.data.gov.sa/ar/datasets/view/cf988b63-aba7-4f26-a32f-7543db84a5c5/preview/parsed/Food%20security%20projects%20supported%20by%20the%20ADF%20CSV.json> (дата обращения: 18.07.2025).

¹² The National Biotechnology Strategy // Saudi Vision 2030. URL: <https://www.vision2030.gov.sa/media/i1w1z02/national-biotech-strategy-en.pdf> P. 21 (дата обращения: 19.06.2025).

¹³ الغذائي عبر توطین تقنيات حيوية في قطاع الدواجن // الشرق الأوسط... السعودية تعزز الأمن... السعودية-تعزز-الامن-الغذائي-عبر-توطین-تقنيات-حيوية-في-قطاع-الدواجن-5165640/الاقتصاد (дата обращения: 21.06.2025).

Министерство окружающей среды, водных ресурсов и сельского хозяйства в 2023 г. сделало значительный шаг к улучшению экологии, росту туристической привлекательности и наполнению бюджета. Были посажены 45 млн фруктовых деревьев и 4 млн лимонных деревьев в рамках программы «Зеленая Саудовская Аравия». Урожай с них может снизить свыше половины фруктового импорта Королевства, что даст экономию около 1,2 млрд долл. США. Такая эффективность во многом будет достигнута за счет рационального использования дождевых вод и восстановленных водных ресурсов¹⁴.

Безусловно, такая масштабная деятельность способствует укреплению продовольственной безопасности.

Изучение информации на официальных ресурсах КСА показывает, что успехи в политике продовольственной безопасности носят системный характер во многом благодаря опоре на науку. Так, в июне 2025 г. Министерство окружающей среды, водных ресурсов и сельского хозяйства сообщило об успешном окончании трехлетнего испытания новых сортов местной пшеницы, дающих высокую урожайность – до 80 ц/га (средняя урожайность пшеницы в Астраханской области составляет 40 ц/га). Новые сорта позволяют наладить полный производственный цикл, конкурировать с импортными аналогами и сократить ввоз семенного материала¹⁵.

Для увеличения удоев коровьего молока применяются методы генетического улучшения и биоинформатики. Технология генотипирования позволяет повысить продуктивность стада на 25–90%. Генетическое улучшение позволяет сократить частоту наследственных заболеваний до 60%¹⁶.

К недавним успехам КСА относится еще ряд важных достижений: создание в 2024 г. крупнейшего в регионе центра пищевой промышленности – Продовольственного кластера

¹⁴ الأمن الغذائي في السعودية و"رؤية 2030" .. استراتيجيات طموحة // العربية URL: <https://www.alarabiya.net/aswaq/economy/2023/11/13/تفوق-المأمول-الأمن-الغذائي-في-السعودية-ورؤية-2030-إنجازات-> (дата обращения: 18.06.2025).

¹⁵ 3 أصناف مطورة من القمح السعودي // الشرق الأوسط -القمح-السعودي URL: <https://aawsat.com/القمح-السعودي> (дата обращения: 20.06.2025).

¹⁶ إنتاج حليب الأبقار باستخدام التحسين الوراثي // الشرق الأوسط -إنتاج حليب الأبقار باستخدام التحسين-الوراثي URL: <https://aawsat.com/إنتاج-حليب-الأبقار-باستخدام-التحسين-الوراثي> (дата обращения: 20.06.2025).

Джидды; открытие в нем региональных представительств ведущих международных компаний. Высокими темами развивается сотрудничество КСА с компаниями Нидерландов, Испании и Китая в области передовых технологий земледелия и рационального использования воды¹⁷. С этой целью Государственный инвестиционный фонд КСА заключил с американской компанией AeroFarms соглашение о создании совместного предприятия для строительства и эксплуатации вертикальных ферм¹⁸.

В ходе внеочередного заседания Комитета по сельскому хозяйству и продовольственной безопасности Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), состоявшегося 14 июня 2025 г. в Эль-Кувейте, Королевство представило стратегию продовольственной безопасности стран ССАГПЗ¹⁹.

Таким образом, инновациями и расширением международного сотрудничества занимаются как министерства и ведомства КСА, так и крупные частные предприятия, в том числе с государственным участием.

Успехи КСА в области продовольственной безопасности в 2023 г. зафиксированы Главным управлением статистики (ГУС) КСА. Согласно данным ГУС, в 2023 г. по финикам достигнут самый высокий показатель самообеспеченности среди растительных продуктов – 119%, за ними следуют инжир и баклажаны – по 107%, огурцы – 102% и кабачки – 100%. Уровень самообеспечения картофелем составил 87%, помидорами – 76%, луком – 51%; среди продуктов животного происхождения: креветки – 147%, молочные продукты – 129% и яйцо – 100%. Уровень самообеспечения мясом птицы составил 71%, красным мясом – 61%, рыбой – 48%²⁰.

Несмотря на то что огурцы, кабачки и помидоры требуют высокого расхода воды, это не помешало КСА получить высокую урожайность данных овощей.

¹⁷ السنوي لرؤية المملكة العربية السعودية 2030 // فودتك السعودية URL: <https://saudifoodtech.sa/ar/2024/تقرير-قطاع-الأغذية-والزراعة> (дата обращения: 20.06.2025).

¹⁸ PIF and AeroFarms to Build Indoor Vertical Farms Across MENA // AGBI. URL: <https://www.agbi.com/tech/2023/02/pif-and-aerofarms-to-build-indoor-vertical-farms-across-mena/> (дата обращения: 16.05.2025).

¹⁹ الغذائي لدول مجلس التعاون الخليجي // وزارة البيئة والمياه والزراعة URL: <https://www.mewa.gov.sa/ar/MediaCenter/News/Pages/News12312020.aspx> (дата обращения: 9.06.2025).

²⁰ تنشر إحصاءات الأمن الغذائي 2023 // الهيئة العامة للإحصاء URL: <https://www.stats.gov.sa/w/news/5> (дата обращения: 20.06.2025).

Несомненным успехом КСА является сохранение в 2024 г. положительной динамики по большинству важных продуктов: яйцо – 116%; молочная продукция – 109%; мясо птицы – 60% (в 2016 г. – 40%), морепродукты – 55%. Страна традиционно занимает лидирующие позиции в мире по производству фиников и стремится сохранить лидерство в экспорте²¹.

По данным, представленным в отчете Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) за 2024 г., в производстве основных продуктов питания в Королевстве наблюдаются успехи²². Так, в 2023 г. мяса произведено 1335 тыс. т, в 2024 г. – 1401 тыс. т; объемы импорта в 2023 г. составили 868 тыс. т, в 2024 г. – 872 тыс. т; объем экспорта – 111 тыс. и 113 тыс. т соответственно; потребление в 2023 г. – 2092 тыс. т, в 2024 г. – 2160 тыс. т. Производство мяса птицы составило в 2023 г. 1050 тыс. т, в 2024 г. – 1100 тыс. т; объемы импорта в 2023 г. – 580 тыс. т, в 2024 г. – 563 тыс. т; объемы экспорта – 61 тыс. и 63 тыс. т соответственно; потребление в 2023 г. – 1569 тыс. т, в 2024 г. – 1600 тыс. т. Производство молока и молочных продуктов в 2023 г. было на отметке 2890 тыс. т, в 2024 г. – 2914 тыс. т; объемы импорта составили в 2023 г. 3001 тыс. т, в 2024 г. – 3135 тыс. т; объемы экспорта – 1373 тыс. и 1380 тыс. т соответственно. Производство зерновых в 2020–2022 гг. в среднем составляло по 0,9 млн т, в 2023 г. – 1,4 млн т, в 2024 г. – 1,7 млн т. В среднем объем импорта в 2020–2023 гг. – 14 млн т, в 2023–2024 гг. – 11,8 млн т, на 2024–2025 гг. прогноз – 12,3 млн т. В 2020–2025 гг. зерно на экспорт не поставлялось. Производство пшеницы в 2020–2022 гг. в среднем составило 0,7 млн т, в 2023 г. – 1,2 млн т, в 2024 г. – 1,5 млн т. Объемы импорта в 2020–2023 гг. в среднем составили 3,7 млн т, в 2023–2024 гг. – 4 млн т, на 2024–2025 гг. прогноз 3,5 млн т. При этом в данный период пшеница на экспорт не поставлялась. Анализ данных показывает, что большая часть потребления зерновых – пшеница.

²¹ من نحن // فودتك السعودية. URL: <https://saudifoodtech.sa/ar/%d9%86%d8%a8%d8%b0%d8%a9-%d8%b9%d9%86%d8%a7/> (дата обращения: 20.06.2025); قطاع الأغذية والزراعة في التقرير السنوي لرؤية المملكة العربية السعودية 2030 // فودتك السعودية 2024. URL: <https://saudifoodtech.sa/ar/2024-قطاع-الأغذية-والزراعة-التقرير-قطاع-الأغذية-والزراعة> (дата обращения: 20.06.2025).

²² Food Outlook, June 2024 // Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/825dc0b7-57bc-4a53-8182-056c40c1c80f/content>. P. 94, 96, 113, 117, 118 (дата обращения: 03.05.2025).

Эти данные во многом подтверждаются сведениями Исламской организация продовольственной безопасности (ИОПБ) – структурного подразделения Организации исламского сотрудничества (ОИС). ИОПБ сотрудничает с КСА в проекте «Арабская инициатива по продовольственной безопасности». При ее реализации делается упор на климатически устойчивые культуры и водосберегающие технологии²³.

Анализ «Ежегодного отчета за 2024 г.» показывает не только успехи, но и проблемы, с которыми сталкивается Королевство. Из-за глобального сбоя в цепочках поставок во время COVID-19 руководство КСА выделило 2,51 млрд долл. США для поддержки продовольственных резервов и логистики частного сектора²⁴.

По данным неправительственной организации Saudi FoodTech, действующей при поддержке государства для решения задач «Видения 2030», вклад сельского хозяйства достиг примерно 30,4 млрд долл. Этот рекордный уровень превысил прогнозы²⁵. При этом, по данным Всемирного банка, ВВП Королевства в 2024 г. составил 1,24 трлн долл. США²⁶.

Таким образом, вклад продовольственного сектора в ВВП в 2024 г. составил 2,45%. Такие данные демонстрируют, что КСА достаточно успешно укрепляет продовольственную безопасность.

Одной из проблем, решаемой в ходе обеспечения продовольственной безопасности, руководство КСА видит экологическую устойчивость. Поэтому к концу 2024 г. по всему Королевству в рамках Зеленой инициативы было

²³ Saudi Arabia's Food Industry: A Path to Economic Growth // Islamic Organization for Food Security. URL: <https://iofs.org/news/saudi-arabias-food-industry-a-path-to-economic-growth> (дата обращения: 21.06.2025).

²⁴ رؤية السعودية 2030 // التقرير السنوي 2024. URL: <https://www.vision2030.gov.sa/media/iv3f11uf/annual-report-2024.pdf> 30. ص. (дата обращения: 14.05.2025); Global Food Security Index 2015 // Economist Intelligence Unit. URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=FoodSecurity2015. P. 10 (дата обращения: 20.06.2025); Global Food Security Index 2016 // Economist Intelligence Unit. URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=FoodSecurity2016. P. 9 (дата обращения: 20.06.2025).

²⁵ من نحن // فودتك السعودية. URL: <https://saudifoodtech.sa/ar/%d9%86%d8%a8%d8%b0%d8%a9-%d8%b9%d9%86%d8%a7/> (дата обращения: 20.06.2025); قطاع الأغذية والزراعة في التقرير السنوي لرؤية المملكة العربية السعودية 2030 // فودتك السعودية 2024. URL: <https://saudifoodtech.sa/ar/2024-قطاع-الأغذية-والزراعة-التقرير-قطاع-الأغذية-والزراعة> (дата обращения: 20.06.2025).

²⁶ GDP (current US\$) – Saudi Arabia // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=SA> (дата обращения: 03.06.2025).

посажено более 115 млн деревьев. Эти усилия способствовали восстановлению 118 тыс. га деградировавших земель и обогащению биоразнообразия КСА. Королевство добилось больших успехов и в качестве продуктов питания. Оно вошло в топ-5 стран по отсутствию вредных трансжиров в продуктах²⁷.

Вместе с тем имеются данные, которые показывают высокую зависимость Саудовской Аравии от импортных продуктов питания. Например, ИОПБ, относит КСА к группе стран, продовольственная безопасность которых зависит от импорта²⁸. Подобной позиции придерживается и Министерство иностранных дел и торговли Новой Зеландии. Оно считает, что КСА импортирует примерно 80% продовольствия, но наблюдается рост внутреннего производства ряда продуктов. Тем не менее, в 2023 г. правительство КСА объявило о наличии излишков для экспорта²⁹.

После запуска в 2016 г. программы «Видение 2030» начался активный рост количества пищевых предприятий. На август 2024 г. он составил 250%. Для наращивания успеха ведутся работы по запуску кластеров в Аль-Хардже и Джазане. Главное управление по продовольственной безопасности построило крупнейшее на Ближнем Востоке зернохранилище, увеличив мощность с 2,5 млн т в 2016 г. до 3,5 млн т (+40%) в 2024 г. Импорт ячменя сократился на 50% (с 10 млн т в 2016 г. до 4,8 млн т в 2024 г.) за счет перехода на собственные удобрения³⁰.

Управление промышленных городов и технологических зон (МУДУН) КСА объявило о росте инвестиций в пищевую промышленность примерно на 13,3 млрд долл. США. В 2023 г. промышленные города Судэйр, Медина и Джидда-3 стали лидерами по привлечению производств продуктов питания. Успехом КСА

стала выставка «Saudi Food 2024». Она собрала ведущие местные и международные компании, руководителей, инвесторов и экспертов со всего мира. В ней участвовали более 1000 экспонентов из 97 стран, были проведены дискуссионные сессии и мастер-классы³¹.

Таким образом, анализ документов показывает, что за последние годы сельскохозяйственный сектор активно развивается, предоставляет возможности для иностранных инвестиций и получает доступ к передовым технологиям. Это позволило увеличить количество рабочих мест, развить местное производство, поддержать малый и средний бизнес, что способствует повышению уровня продовольственной безопасности КСА.

Особую роль в решении задач продовольственной безопасности руководство КСА отводит науке. Университет науки и технологий короля Абдаллы использует искусственный интеллект для оптимизации сбора фиников, разрабатывает робототехнику для решения проблем повышения урожайности, нехватки рабочей силы и водосбережения³².

Как показывает анализ документов и событий, крупные саудовские фирмы ведут международное сотрудничество не только с арабскими партнерами. Например, компания «НАДЕК» наладила партнерство с крупнейшими бразильскими производителями говядины. Одновременно одним из ключевых поставщиков премиальной говядины в Королевство является Австралия³³.

Таким образом, деятельность «НАДЕК» способствует обеспечению стабильности поставок и диверсификации источников продовольствия.

Важно отметить, что 28 апреля 1963 г. был создан Фонд сельскохозяйственного развития. До конца 2023 финансового года он выдал кредитов на 3,43 млрд долл. США. Из них на зарубежные проекты израсходовано около

²⁷ رؤية المملكة العربية السعودية 2030 // فودتك السعودية URL: <https://saudifood-tech.sa/ar/2024/تقرير-قطاع-الأغذية-والزراعة-2024> (дата обращения: 20.06.2025).

²⁸ الخطة الاستراتيجية لمدة 10 سنوات // المنظمة الإسلامية للأمن الغذائي رؤية 2031 URL: https://iofs.org/assets/documents/1632895432276_ar.pdf 12 ص. (дата обращения: 20.06.2025).

²⁹ Saudi Arabia: Food Security Strategy // Ministry of Foreign Affairs and Trade, New Zealand. URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/Trade-General/Trade-Market-reports/Saudi-Arabia-Food-Security-Strategy-January-2024.pdf> P. 2 (дата обращения: 11.05.2025).

³⁰ «الأمن الغذائي في المملكة... اكتفاء ذاتي وقطاع جانبي للاستثمارات // الرياض URL: <https://alriyadh.com/2088816> (дата обращения: 28.06.2025).

³¹ 50 مليار ريال استثمارات الصناعات الغذائية في "مدن" // مدن URL: <https://modon.gov.sa/ar/MediaCenter/modon-news/News/Pages/foodss.aspx> (дата обращения: 02.06.2025).

³² How a KAUST team is using AI to transform date harvesting in Saudi Arabia // Arab News. URL: <https://www.arabnews.com/node/2600871/saudi-arabia> (дата обращения: 20.06.2025).

³³ نادك – التقرير السنوي 2024 // الشركة الوطنية للتنمية الزراعية (نادك) URL: https://www.nadec.com/sites/default/files/2025-03/Nadec_Annual_Report_2024_-_Arabic_V19.pdf 13 ص. (дата обращения: 18.06.2025).

246,65 млн долл. (около 7,19% от общей суммы)³⁴. То есть одно из основных сельхозучреждений исторически гораздо больше инвестирует в национальный АПК, чем в зарубежные проекты, что способствует росту продовольственной безопасности КСА.

Во многом такая деятельность положительно оценивается крупными международными организациями. Например, Международный валютный фонд (МВФ) в документах за 2024 г. делает вывод, что COVID-19 и конфликт на Украине будут иметь сдержанные последствия для Саудовской Аравии. Этот вывод основан на анализе деятельности КСА по созданию продовольственных запасов и регулированию цен на некоторые продукты питания³⁵. Таким образом, МВФ признает устойчивость и эффективность системы саудовской продовольственной безопасности.

Все продукты питания, в том числе импортируемые, должны соответствовать нормам, утвержденным Управлением по контролю за продуктами и лекарствами (SFDA). Это важный орган в системе продовольственной безопасности. Цель его деятельности определена Законом об Управлении по контролю за продуктами и лекарствами. В третьей статье указано, что она заключается в контроле за продуктами питания и лекарственными средствами. Система контроля включает обязательные и добровольные стандарты, тестирования в лабораториях Организации или лабораториях других выбранных ею сторон. Организация информирует потребителей о продуктах питания и лекарственных средствах. В двадцатой статье показано значение Управления для всей системы продовольственной безопасности – к нему перешли все регуляторные, исполнительные и контрольные функции, а также другие обязанности, касающиеся безопасности продуктов питания, лекарств и лекарственных растений, биологических, гигиенических, косметических средств, пестицидов, электронных продуктов,

медицинских и диагностических устройств, а также решение других вопросов, которыми ранее занимались другие государственные органы³⁶.

Центр халяль при SFDA предоставляет услуги по получению халяльных сертификатов, охватывает все пищевые продукты и поставщиков услуг³⁷. Такой сертификат обязателен для пищевых продуктов, на упаковке которых присутствует логотип «لالح» (халяль).

В мае 2023 г., в ходе проведения Всероссийского зернового форума, министр сельского хозяйства России Д. Н. Патрушев встретился с управляющим Государственной организации по продовольственной безопасности КСА Ахмадом Аль-Фарисом. Надо отметить, по итогам 2022 г. товарооборот сельхозпродукции между нашими государствами достиг рекордных показателей. Ключевой позицией стали зерновые, на которые пришлось около 70% товарооборота, увеличение экспорта российской мясной продукции также достигло рекордных показателей. За четыре месяца 2023 г. объем взаимной торговли продукцией АПК вырос более чем в два раза³⁸.

Состоявшаяся в Екатеринбурге 7–10 июля 2025 г. Международная выставка «Иннопром» показала высокую заинтересованность КСА в российском присутствии на рынке Королевства. В 2024 г. двусторонняя торговля продемонстрировала заметный рост. За последние восемь лет торговый оборот между РФ и КСА вырос с 491 млн долл. до 3,2 млрд долл. США. По заявлению гостя выставки – главы Министерства промышленности и минеральных ресурсов КСА Бандар ибн Ибрагим Аль-Хураиф, Саудовская Аравия и Россия постоянно работают над расширением горизонтов сотрудничества и определением новых совместных проектов. Одним из перспективных шагов, по мнению

³⁶ نظام الهيئة العامة للغذاء والدواء // الهيئة العامة للغذاء والدواء. URL: <https://laws.boe.gov.sa/BoeLaws/Laws/Viewer/fa993c79-681b-4c6a-bb16-c1b6654ec372?lawId=dd7a7d7d-a92d-431b-9ec3-a9a700f28a46> (дата обращения: 20.06.2025).

³⁷ حلال // الهيئة العامة للغذاء والدواء. URL: <https://www.sfda.gov.sa/ar/halal> (дата обращения: 21.06.2025).

³⁸ Россия и Саудовская Аравия расширяют сотрудничество в сфере АПК // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/rossiya-i-saudovskaya-araviya-rasshiryayut-sotrudnichestvo-v-sfere-apk/> (дата обращения: 19.06.2025); Россия и Саудовская Аравия расширяют сотрудничество в сфере АПК // Агентство по сопровождению программ государственной поддержки агропромышленного комплекса. URL: <https://fagps.ru/news/rossiya-i-saudovskaya-araviya-rasshiryayut/> (дата обращения: 22.05.2025).

³⁴ نبذة عن الصندوق // صندوق التنمية الزراعية. URL: <https://adf.gov.sa/ar/AboutUs/Pages/Brief.aspx> (дата обращения: 18.06.2025); Investment credit services loans for food security projects since the establishment of the fund until the end of the fiscal year // Open Data Portal. URL: <https://open.data.gov.sa/en/datasets/view/2c3be042-7c36-4912-bf58-5ab223209508/preview/parsed/Investment%20credit%20services.json> (дата обращения: 15.07.2025).

³⁵ Saudi Arabia: 2024 Article IV Consultation // International Monetary Fund. URL: <https://www.elibrary.imf.org/downloadpdf/view/journals/002/2024/280/article-A001-en.pdf>. P. 77 (дата обращения: 15.07.2025).

министра, станет участие России в форуме «Полезные ископаемые будущего» в начале 2026 г.³⁹

С момента создания совместной межправительственной российско-саудовской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству в 2002 г. страны активно развивают партнерство во многих отраслях, в том числе в химической переработке и высокотехнологичном производстве.

По данным Центра «Агроэкспорт», РФ за 11 месяцев 2024 г. экспортировала в КСА продукции АПК более чем на 1 млрд долл. США. Это на 17% больше, чем за аналогичный период 2023 г. В топ-5 основных видов продукции АПК для экспорта вошли пшеница (39%), ячмень (35%), мясо птицы (14%), подсолнечное масло (5%) и говядина (4%). В 2022 г. Россия вошла в топ-10 поставщиков продукции АПК в Королевство⁴⁰.

Перспективным направлением сотрудничества наших государств в решении проблемы обеспечения продовольственной безопасности КСА может быть выход на рынок Королевства российских профильных организаций (например, РГАУ-МСХА имени К. А. Тимирязева). В первую очередь, это касается российского опыта работы в засушливых районах. Кроме того, перспективным является и развитие за счет саудовских инвестиций достижений российских компаний. Например, компания «Транспорт будущего» получила сертификат на свою серийную разработку S-80: БПЛА массой выше 30 кг, используемый для точечного внесения удобрений и ядохимикатов. S-80 обладает полезной нагрузкой 40 кг и обрабатывает до 18 га/час⁴¹. В связи с высокой заинтересованностью саудовской стороны в чистоте почв Россия может предложить участие в работе Лаборатории нейтронной физики ОИЯИ, разрабатывающей мобильную установку на основе метода меченых нейтронов для определения содержания органического углерода в почвах. Связывание углерода в по-

чвах повышает их влагоудерживающую способность, устойчивость к эрозии и обогащает биоразнообразие экосистемы.

Анализ показывает, что для России сложившаяся ситуация может представлять интерес в плане увеличения экспорта зерновых, возможности предложить свои технологии для сельского хозяйства, а также инвестировать в совместные проекты. Отдельно стоит отметить, что важным направлением сотрудничества России и Саудовской Аравии может стать подготовка саудовских кадров в российских вузах по направлениям, где наша страна имеет общепризнанные достижения, – сельское хозяйство, которое вывело нашу страну в мировые лидеры по экспорту многих видов продовольствия.

Таким образом, подход Королевства Саудовская Аравия к развитию производства продуктов питания включает целевую поддержку высоких технологий, расширенное финансирование проектов по внедрению интеллектуальных систем орошения, а также государственно-частное партнерство для повышения эффективности цепочек поставок.

Политика обеспечения продовольственной безопасности является одним из ключевых элементов реализации программы «Видение 2030». Страна активно развивает внутреннее производство, внедряет передовые технологии, в том числе иностранные. КСА эффективно использует имеющиеся ресурсы, внедряет передовые технологии по опреснению и водосбережению, диверсифицирует импорт продуктов, выдает льготные кредиты для развития АПК, старается сделать его привлекательным для иностранных и местных инвесторов. Но при этом Саудовская Аравия пока остается в большой зависимости от импорта продовольствия, который медленно, но снижается. Во многом это следствие понимания руководством КСА того, что развитие сельского хозяйства – не только вопрос продовольственной безопасности и действенный инструмент увеличения доходов от не нефтяного сектора, но и обеспечение социальной стабильности.

Важно отметить, что руководство КСА использует комплексный подход к обеспечению продовольственной безопасности, учитывает геополитические и климатические особенности региона. При этом государство успешно справляется с предоставлением все большего объема продовольствия постоянно увеличивающемуся населению. Риски, связанные с зависимостью

³⁹ Минпром Саудовской Аравии сообщил о расширении сотрудничества с Россией // Прайм. URL: <https://1prime.ru/20250714/sotrudnichestvo-859445779.html> (дата обращения: 15.07.2025).

⁴⁰ РФ за 11 месяцев 2024 г. увеличила экспорт продукции АПК в Саудовскую Аравию на 17% // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/1001815> (дата обращения: 10.06.2025).

⁴¹ В России сертифицировали первый агробеспилотник // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/30/09/2024/66fab7399a79471a300ca526> (дата обращения: 14.05.2025).

от импорта, геополитической обстановкой в странах производства продовольствия, а также нестабильность глобальных логистических цепочек выступают одними из самых серьезных вызовов для обеспечения продовольственной безопасности КСА. Для их преодоления Королевство проводит комплекс мероприятий: уменьшает количество отходов за счет передовых технологий, развивает государственно-частное партнерство, выстраивает новые логистические цепочки и торговые отношения с рядом государств, инвестирует в АПК других стран и т.д. Все эти достижения делают Королевство Саудовская Аравия привлекательным партнером для Российской Федерации.

Список литературы

1. *Останин-Головня В. Д., Щербакова Т. Г.* Развитие агропромышленного комплекса Саудовской Аравии // *Геоэкономика энергетики*. 2024. № 4 (28). С. 88–103. http://dx.doi.org/10.48137/26870703_2024_28_4_88, EDN: FQHARK
2. *Derouez F., Alqattan Y. S.* Agricultural Insurance and Food Security in Saudi Arabia: Exploring Short and Long-Run Dynamics Using ARDL Approach and VECM Technique // *Sustainability*. 2025. Vol. 17, iss. 10. P. 2–19. <https://doi.org/10.3390/su17104696>
3. *Лопатников Д. Л., Шехадех Ш.* Продовольственная безопасность арабских стран по базовым показателям ФАО // *Вестник МГПУ. Серия «Естественные науки»*. 2023. № 4 (52). С. 62–78. <https://doi.org/10.25688/2076-9091.2023.52.4.05>, EDN: BFBMIW
4. *Mabrouk F., Mashaal A. A., Eliw M., Iqbal M. A., Samie A., Abbas A.* Sustainable framing systems for food security in Saudi Arabia: The synergistic role of agriculture mechanization, farm structure, gender dynamics, and resource optimization // *Frontiers in Sustainable Food Systems*. 2025. Vol. 9. <https://doi.org/10.3389/fsufs.2025.1594545>
5. *Alsarawi F. M., Elbushra A. A., Abdalla I. F.* Impact of macroeconomic variables on food security in Saudi Arabia: Case study of poultry meat // *Sarhad Journal of Agriculture*. 2023. Vol. 39, iss. 2. P. 316–322. <https://doi.org/10.17582/journal.sja/2023/39.2.316.322>
6. *Alnasser A., Musallat N.* Food Sustainability Knowledge among Saudis: Towards the Goals of Saudi Vision 2030 // *Sustainability*. 2022. Vol. 14, iss. 18. <https://doi.org/10.3390/su141811398>
7. *الأمن الغذائي // أوراق السياسات الأمنية*. 2022. (1)4. ص. 4-1. <https://doi.org/10.26735/DWYP3239> (1) خالد كاظم أبو دوح.
8. *Alotaibi B. A., Kassem H. S.* Adoption of Sustainable Water Management Practices among Farmers in Saudi Arabia // *Sustainability*. 2021. Vol. 13, iss. 20. <https://doi.org/10.3390/su132011260>
9. *Baig M. B., AlZahrani K. H., Al-shaikh A. A., Abu Risheh A. W. A., Straquadine G. S., Qureshi A. M.* Food Security in the Kingdom of Saudi Arabia Face to Emerging Dynamics: The Need to Rethink Extension Service // *Food Security and Climate-Smart Food Systems* / eds. M. Behnassi, M. B. Baig, M. T. Sraïri, A. A. Alsheikh, A. W. A. Abu Risheh. Cham : Springer, 2022. P. 157–187. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92738-7_9
10. *Alrobaish W. S., Vlerick P., Luning P. A., Jacxsens L.* Food safety governance in Saudi Arabia: Challenges in control of imported food // *Journal of Food Science*. 2021. Vol. 86, iss. 1. P. 16–30. <https://doi.org/10.1111/1750-3841.15552>

Поступила в редакцию 27.08.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 17.09.2025
The article was submitted 27.08.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 17.09.2025

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 456–462

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 456–462

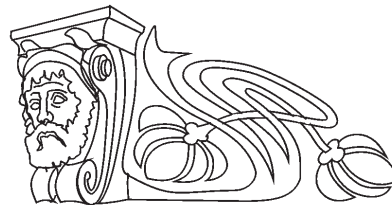
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-456-462>, EDN: VVFNDR

Научная статья

УДК 32.019.5

Особенности легитимности власти на уровне субъекта Российской Федерации в условиях информатизации общества

А. П. Иванкин

¹Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 199178, Санкт-Петербург, Средний просп. В.О., д. 57/43

²Тюменский индустриальный университет, Россия, 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38

Иванкин Алексей Павлович, ¹аспирант кафедры государственного и муниципального управления, ²специалист Управления научной статистики и аналитики, ivankin.alexei@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-5006-4860>

Аннотация. В исследовании проанализированы проблемы обеспечения легитимности власти в Российской Федерации на региональном уровне. Представлена характеристика особенностей легитимности власти на уровне субъекта РФ в условиях информатизации общества. Описаны основные угрозы легитимности власти в условиях информатизации и глобализации. Обоснована проблема обеспечения легитимности власти на уровне регионов Российской Федерации в условиях глобализации, цифровой трансформации, информатизации общества. Описано проявление данной проблемы на основе научных исследований, а также документов стратегического планирования. Проанализирована проблема зависимости легитимности региональной власти от уровня доверия граждан к федеральной власти. Выявлены методологические проблемы в сфере исследования легитимности власти. По материалам социологического опроса определен тип легитимности власти в восприятии граждан Российской Федерации, проживающих на территории субъектов Северо-Западного федерального округа. Дана характеристика восприятия власти на уровне регионов РФ (на примере субъектов СЗФО). Показаны взаимосвязь легитимности и законности власти, особенности восприятия данной взаимосвязи гражданами России, проживающими на территории субъектов Северо-Западного федерального округа. Представлены результаты социологического исследования доминирующего типа легитимности в регионах СЗФО. Выявлено распределение жителей регионов федерального округа по признаку отношения к легитимности власти. Описано восприятие легитимности власти в истории России, в том числе законности смены власти в истории. На основе корреляционного анализа проанализировано влияние на восприятие легитимности власти гражданами, проживающими на территории регионов Северо-Западного федерального округа, факторов урбанизации и информатизации. Описаны возможные направления обеспечения легитимности региональной власти.

Ключевые слова: власть, информатизация, легитимность, общество, политический процесс, региональная политика, Северо-Западный федеральный округ

Для цитирования: Иванкин А. П. Особенности легитимности власти на уровне субъекта Российской Федерации в условиях информатизации общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 456–462. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-456-462>, EDN: VVFNDR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Features of the legitimacy of power at the level of the constituent entity of the Russian Federation in the context of the informatization of society

A. P. Ivankin

North-West Institute of Management – branch of RANEP, 57/43 Sredny prospect VO, St. Petersburg 199178, Russia

Industrial University of Tyumen, 38 Volodarsky St., Tyumen 625000, Russia

Alexey P. Ivankin, ivankin.alexei@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-5006-4860>

Abstract. The study analyzes the problems of ensuring the legitimacy of power in the Russian Federation at the regional level. A description of the features of the legitimacy of power at the level of a constituent entity of the Russian Federation in the context of informatization of society is presented. The main threats to the legitimacy of power in the context of informatization and globalization are described. The problem of ensuring

the legitimacy of power at the regional level of the Russian Federation in the context of globalization, digital transformation, and informatization of society is justified. Manifestation of this problem on the basis of scientific research and strategic planning documents is described. The problem of dependence of the legitimacy of the regional authorities on the level of citizens' confidence in the federal government was analyzed. Methodological problems have been identified in the field of studying the legitimacy of power. According to the materials of the sociological survey, the type of legitimacy of the authorities in the perception of citizens of the Russian Federation living in the territory of the subjects of the North-West Federal District was revealed. A description of the perception of power at the regional level of the Russian Federation is given (on the example of the subjects of the North-West Federal District). The relationship between the legitimacy and legality of power, the peculiarities of the perception of this relationship by citizens of the Russian Federation living in the territory of the subjects of the North-West Federal District were revealed. The results of a sociological study of the dominant type of legitimacy in the regions of the Northwestern Federal District are presented. The distribution of residents of the regions of the North-West Federal District was revealed on the basis of attitudes towards the legitimacy of the authorities. The perception of the legitimacy of power in the history of Russia is described, including the perception of the legality of the change of power in history. Based on the correlation analysis, the impact of urbanization and informatization factors on the perception of the legitimacy of power by citizens living in the regions of the Northwestern Federal District was analyzed. Possible directions for ensuring the legitimacy of the regional authorities are described.

Keywords: power, informatization, legitimacy, society, political process, regional politics, Northwest Federal District

For citation: Ivankin A. P. Features of the legitimacy of power at the level of the constituent entity of the Russian Federation in the context of the informatization of society. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politics*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 456–462 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-456-462>, EDN: VWFNDR

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Исследование процесса легитимации власти, обеспечения легитимности субъектов публичных полномочий, политических субъектов в условиях цифровой трансформации, глобализации и информатизации общества приобретает особую актуальность ввиду того, что существенно меняются процесс и факторы управленческого и политического влияния на целевую аудиторию – общество в целом, отдельное общественное или политическое движение, социальную группу. В условиях социальных и политических кризисов, имеющих место в современном обществе, формируется запрос на легитимных лидеров на всех уровнях организации власти, в отсутствие удовлетворения которого возрастает угроза социальных потрясений, деградации властных и политических структур, институтов гражданского общества.

Процесс легитимации в работах современных исследователей рассматривался как один из способов достижения легального осуществления власти, признания власти отдельного субъекта над обществом как «правильной», законной, соответствующей правопорядку [1, 2]. В связи с этим правомерно говорить о тесной взаимосвязи легитимации и достижения легальности власти (при рассмотрении легальности как исключительно в юридическом смысле, так и в более широком), а также легитимации и обеспечения поддержки и одобрения власти со стороны граждан.

Вопрос легитимации региональных и местных органов власти для стран, которые имеют большую территорию и (или) федеративное устройство, является одним из центральных.

В случае Российской Федерации имеют место оба фактора. В связи с этим одной из проблем легитимации органов власти в регионах России является ее обеспечение, в значительной степени на основе поддержки федеральной власти. Проблема достижения легитимности региональной власти преимущественно на основе федеральной подчеркнута в целом ряде современных исследований. Так, Н. М. Великой отмечено, что основой легитимации власти в регионах является высокий рейтинг Президента РФ [1, с. 59]. А. А. и Г. В. Брега указывают на то, что все позитивные изменения в обществе связываются в сознании российских граждан с деятельностью Президента РФ, а не с местными реформами и деятельностью власти в регионах [2, с. 149]. В. А. Ильин, М. В. Морев замечают, что уровень доверия власти повысился с периода 1990-х гг., что основано, в первую очередь, на доверии со стороны населения именно федеральной власти, главе государства [3, с. 11]. И. С. Ивлев и Д. В. Поксеваткина приводят в пример технологию легитимации мэра г. Москвы С. С. Собянина – через его взаимодействие с Президентом РФ [4, с. 79].

Обоснованная в научной литературе проблема находит отражение и в документах стратегического планирования, а также в декларируемых в выступлениях официальных лиц целях развития Российской Федерации, ее регионов. Так, например, согласно пп. «а» п. 10 Указа Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» следует разработать и до 1 октября

2024 г. представить предложения по оценке эффективности деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации, необходимость которой подчеркнута также в Указе Президента Российской Федерации от 28.11.2024 № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации»¹. Это свидетельствует об обеспокоенности федеральной власти организацией и эффективностью работы органов управления в регионах, в том числе ввиду необходимости обеспечения поддержки региональных органов власти со стороны граждан.

Проблема легитимации органов власти в регионах Российской Федерации, а именно ее обеспечение на основе факторов легитимности федеральной власти, приводит к решению региональных проблем на федеральном уровне, что также не обеспечивает высокого уровня доверия граждан региональной власти. Например, на Совещании по развитию дальневосточных городов, которое состоялось 5 сентября 2023 г., Президент РФ В. В. Путин рассматривал сравнительно частные вопросы развития отдельных элементов инфраструктуры регионов, например, строительство моста в Республике Саха (Якутия)². Безусловно, столь комплексное представление на федеральном уровне о проблемах развития транспорта в регионах – это значимый положительный фактор развития территории России. Вместе с тем это свидетельствует о недостаточном уровне способности решать текущие проблемы развития инфраструктуры на уровне региона.

Сложившаяся ситуация на фоне современной глобальной информационной повестки в сети Интернет затрудняет формирование у органов власти в регионах собственных условий обеспечения народной поддержки, что затрудняет принятие управленческих решений и формирует условия для региональных социаль-

но-политических кризисов, являющихся одной из угроз действующему политическому режиму.

Целью исследования с учетом выявленной проблемы является характеристика особенностей легитимности власти на уровне субъекта Российской Федерации в условиях информатизации общества.

Методология изучения легитимации включает такие комплексы методов, как: социологические методы, позволяющие проанализировать общественное мнение; психологические, с помощью которых выявляются индивидуальные особенности личности, ценностные ориентиры и установки; общие логические методы, общеметодологические принципы научного исследования. На современном этапе исследован феномен лидерства и легитимации отдельного лидера, а также методы ее формирования. В меньшей степени исследована легитимация коллективных органов управления (например, Временное правительство, КПСС, Коммунистическая партия Китая и др.), а также органов управления, формируемых действующей властью, не избираемых (Правительство РФ, органы исполнительной власти), легитимность которых напрямую взаимосвязана с легитимностью «основной» власти и, тем не менее, имеет самостоятельный характер.

Ю. Хабермас отмечает, что современные представления о легитимации, методах исследования легитимности практически не отличаются от представлений, разработанных М. Вебером в рамках его «понимающей социологии», в которой выделены три типа легитимности: традиционная (основана на сложившемся укладе жизни, традициях, ценностях), рационально-легальная (базирующаяся на верховенстве закона, рациональном выборе власти с учетом ее функциональности), харизматическая (признание одного лидера в качестве авторитета, имеющего право на осуществление публичной власти) [5, с. 37].

Методы исследования включают анализ статистических данных, методы математической статистики (корреляционный анализ). Материалы исследования представлены результатами организованного автором в 2024 г. социологического опроса. Выборка составила по исследуемым регионам: г. Санкт-Петербург – 78 чел., Ленинградская и Калининградская области – по 68 чел., Новгородская область – 69 чел., Псковская область – 58 чел. Возраст респондентов – 23–68 лет; соотношение по полу:

¹ Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации : указ Президента РФ от 28.11.2024 № 1014 // Официальное опубликование нормативных актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411280003> (дата обращения: 23.01.2025).

² Совещание по развитию дальневосточных городов 5 сентября 2023 года // Президент РФ : [сайт]. URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72198> (дата обращения: 10.01.2025).

54% – женщины, 46% – мужчины от общей выборки по совокупности исследуемых регионов.

В целях оценки типа легитимности власти, особенностей легитимации разработана анкета для оценки особенностей легитимно-

сти органов публичной власти в региональном политическом процессе (представлена в табл. 1, респондентам в рамках социологического опроса предложены вопрос и варианты ответов).

Таблица 1

Анкета для оценки особенностей легитимности органов публичной власти в региональном политическом процессе

Оцениваемый параметр	Вопрос	Варианты ответов
I. Оценка типа и динамики легитимности		
Тип легитимности по М. Веберу (традиционная, рационально-легальная, харизматичная)	Власть в Российской Федерации легитимна, т. е. пользуется доверием общества, потому что....	1. Основана на традициях предков, единых ценностях, поддерживаемых обществом 2. Основана на верховенстве Конституции РФ и закона 3. Общество уважает своего лидера (лидеров) 4. Все три фактора имеют значение 5. Власть в России нелегитимна, не поддерживается обществом
Динамика легитимности	Власть в России была легитимна, т. е. поддерживалась народом в периоды:	1. Российской империи 2. СССР 3. В постсоветский период 4. В Российской империи и СССР 5. В СССР и постсоветский период 6. В Российской империи и постсоветский период 7. Никогда не была легитимна
Соотношение легитимности и законности	Смена власти в истории России происходит...	1. Всегда законно 2. Всегда с нарушением закона, насильственно либо при помощи манипуляций 3. Раньше происходила незаконно, а сейчас законно 4. Раньше происходила законно, сейчас незаконно
II. Оценка восприятия легитимности власти в регионе проживания		
Демократические основы законности	В России есть демократия, при которой народ выбирает власть и предоставляет ей свое доверие?	1. Нет, демократии нет 2. Отчасти да 3. Да, конечно.
Восприятие эффективности публичной власти в регионе	Представители власти, которые управляют Вашим регионом, выполняют свои функции?	1. Нет, не выполняют 2. Частично выполняют. 3. Полностью выполняют.
Восприятие должностных лиц на эмоционально-оценочном уровне	Словосочетание «представитель власти» для Вас имеет...	1. Негативную окраску – они превышают полномочия, являются коррупционерами и др. 2. Нейтральную окраску – такие же люди, как все... 3. Позитивную окраску – у меня положительный опыт взаимодействия с ними

При обработке результатов социологического опроса по разделу «II. Оценка восприятия легитимности власти в регионе проживания» каждому ответу за № 1 присвоен один балл, ответу за № 2 – два балла и ответу за № 3 – три балла. Максимальное число баллов

по данному разделу анкеты составило 9, что соответствует высокому уровню поддержки региональной власти, восприятию ее как легитимной, высокой оценке эффективности ее деятельности. Минимальное число баллов, таким образом, составляет 3, что соответствует

низкому уровню поддержки региональной власти, восприятию ее как нелегитимной, низкой оценке ее деятельности.

По результатам обобщения статистических данных выявлен уровень урбанизации и информатизации исследуемых регионов (табл. 2).

Таблица 2

Уровень урбанизации и информатизации исследуемых регионов, %

Регион (субъект РФ)	Уровень урбанизации (доля городского населения в общей численности)	Доля жителей региона, пользующихся Интернетом
Калининградская область	76,4 ¹	93,6 ²
Ленинградская область	67,0 ³	98,8 ⁴
Новгородская область	71,5 ⁵	82,0 ⁶
Псковская область	70,9 ⁷	80,0 ⁸
Санкт-Петербург	100,0 ⁹	99,1 ¹⁰

Примечание.

¹ Тема в цифре. Население Калининградской области // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. URL: https://39.rosstat.gov.ru/statistical_news/document/159880 (дата обращения: 10.01.2025).

² Как новгородцы пользовались интернетом в 2023 году: исследование от Новгородстата // Региональный информационный портал Новгородской области. URL: <https://vnru.ru/news/kak-novgorodczy-polzovalis-internetom-v-2023-godu-issledovanie-ot-novgorodstata.html> (дата обращения: 10.01.2025).

³ Калининградская область в цифрах 2024. Краткий статистический сборник // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. URL: [https://39.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2024\(%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%B8%D0%B9\).pdf](https://39.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2024(%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%B8%D0%B9).pdf) (дата обращения: 10.01.2025).

⁴ Население. Численность 2024 год // Инвестиционный портал Псковской области. URL: <https://invest.pskov.ru/oregione/population/#:~:text=%> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵ Основные итоги Всероссийской переписи населения по итогам 2022 года // Статистический доклад. Петростат. URL: <https://78.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶ 80% жителей Псковской области пользуются интернетом // МК Псков. URL: <https://www.mk-pskov.ru/social/2023/09/30/80-zhiteley-pskovskoy-oblasti-polzuyutsya-internetom.html> (дата обращения: 10.01.2025).

⁷ Ленобласть определила точки роста ИТ-отрасли // Правительство Ленинградской области. URL: <https://lenobl.ru/ru/dlya-smi/news/71178/> (дата обращения: 10.01.2025).

⁸ Уровень урбанизации по регионам России в 2022 году. URL: <https://xn--80apggvco.xn--p1ai/%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D1%8B?id=208> (дата обращения: 10.01.2025).

⁹ Полный рейтинговый отчет по Новгородской области 2020 год // АКРА. URL: <https://www.acra-ratings.ru/press-releases/2178/#:~:text=> (дата обращения: 10.01.2025).

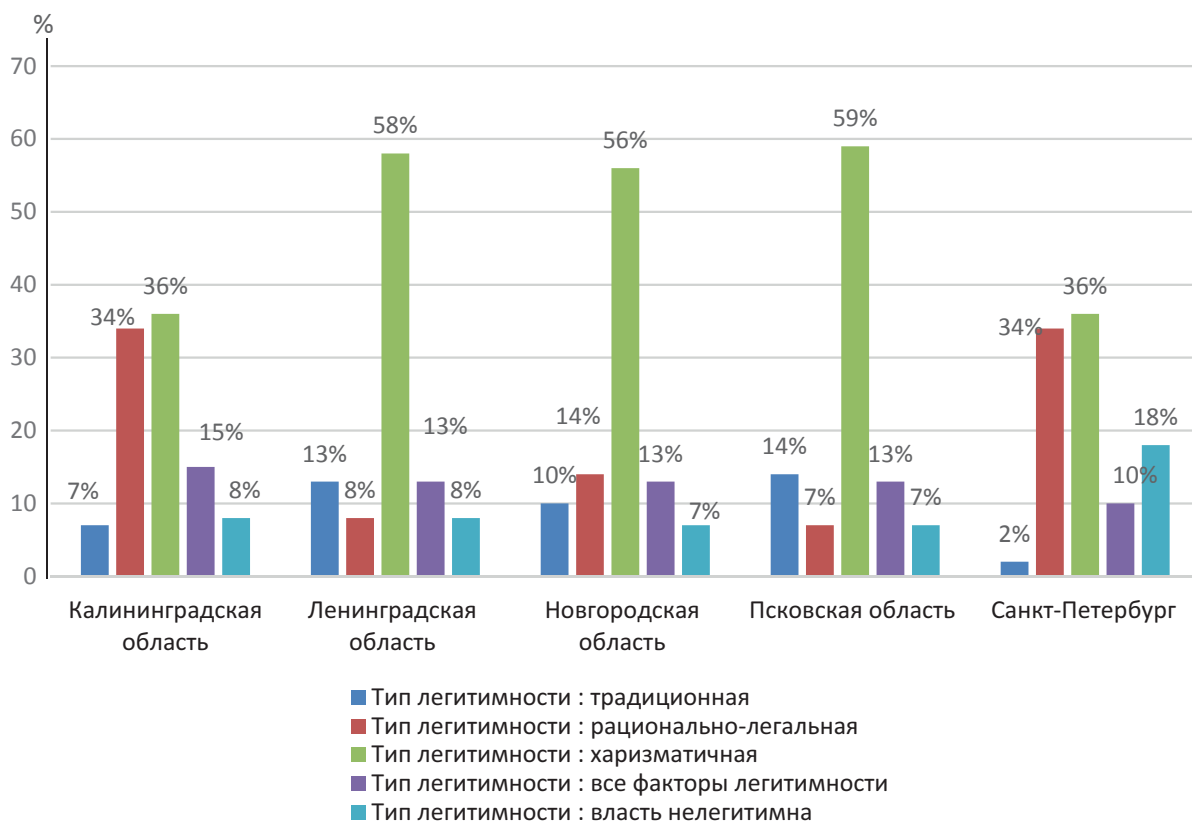
¹⁰ Рынок России и СНГ. 2024/09/30. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 10.01.2025).

По итогам социологического исследования выявлено преобладание харизматичного типа легитимности власти в исследуемых субъектах Российской Федерации (рисунок). Свыше 50% опрошенных в Новгородской, Псковской, Ленинградской областях отметили, что власть базируется на уважении к лидеру, определенной личности. В Калининградской области и г. Санкт-Петербурге аналогичной позиции придерживаются свыше 35% респондентов, а также по 34% указывают на восприятие власти как легитимной, в том случае если она основана на нормах законодательства, при этом в иных областях соответствующая доля опрошенных составляет 7–10%.

Представление о том, что легитимность власти базируется на традициях, единых ценностях, поддерживают 7–14% опрошенных,

данная доля характерна для всех регионов. Нельзя не отметить, что 7–8% участников опроса в регионах, за исключением Санкт-Петербурга, считают власть нелегитимной. В Санкт-Петербурге доля таких респондентов составила 18%.

По результатам оценки респондентами в различных регионах динамики легитимности различий по регионам не наблюдается: 46% опрошенных полагают, что власть была легитимна в период СССР и постсоветский период; в легитимности власти в Российской империи убеждены 6%; 34% респондентов считают, что власть была легитимна в период СССР; 12% полагают, что в России ни ранее, ни в настоящее время власть не является легитимной; 32% опрошенных отметили, что смена власти в России всегда происходила с нарушением

Восприятие легитимности власти в регионах Северо-Западного федерального округа (по типу легитимности) (цвет онлайн)

закона; 11% – что в настоящее время смена власти происходит незаконно, а ранее была законной. Только 7% информантов отметили, что смена власти в России всегда осуществлялась законным путем.

С учетом выявленных особенностей восприятия легитимности в исследуемых регионах, а именно харизматичной легитимности, при которой восприятие власти как законной и функциональной основано на доверии одному лидеру, его авторитету, большое значение в

обеспечении легитимности региональной власти имеет фактор информатизации, информационной повестки, популяризации региональных лидеров, в первую очередь – глав регионов, муниципальных образований.

Методом корреляционного анализа на основе полученных данных социологического опроса проведена оценка взаимосвязи уровня информатизации и урбанизации в регионе и восприятия власти жителями региона как легитимной (нелегитимной) (табл. 3).

Таблица 3

Результаты оценки восприятия легитимности власти в регионе проживания (корреляционный анализ)

	Уровень урбанизации (доля городского населения)	Доля жителей региона, пользующихся Интернетом	Восприятие легитимности власти в регионе (среднее значение, баллы)
Уровень урбанизации (доля городского населения)	1,0	–	–
Доля жителей региона, пользующихся Интернетом	0,463	1,0	–
Восприятие легитимности власти в регионе (среднее значение, баллы)	–0,804	–0,830	1,0

Из приведенных в табл. 3 результатов корреляционного анализа следует, что существует обратная корреляционная связь между уровнем урбанизации в регионе и восприятием власти жителями региона как легитимной (коэффициент корреляции составляет свыше $-0,80$), т. е. чем выше уровень урбанизации региона, тем больше возникает сомнений в легитимности, законности, функциональности власти. Выявлена обратная корреляционная связь между долей жителей в регионе, которые пользуются сетью Интернет, и восприятием власти жителями региона как легитимной: коэффициент корреляции составляет свыше $-0,83$. Таким образом, чем выше уровень информатизации региона (больше доля жителей, пользующихся Интернетом), тем больше возникает сомнений в легитимности власти. Уровень урбанизации слабо взаимосвязан с уровнем информатизации (коэффициент корреляции $0,46$), что в том числе указывает на отсутствие мультиколлинеарности (совместном влиянии) исследуемых факторов – урбанизации и информатизации – на восприятие легитимности власти в регионе.

По результатам исследования сделаны следующие основные выводы.

1. В исследуемых регионах на территории Северо-Западного федерального округа преобладающим является тип харизматичной легитимности власти, при которой восприятие власти основано на доверии одному лидеру, его авторитету. В условиях харизматичной легитимности власти большое значение в обеспечении доверия власти со стороны граждан имеет фактор информатизации, формирования образа главы региона. В г. Санкт-Петербурге, Калининградской области отмечается высокая доля информантов (свыше 30%), ориентированных на рационально-легальную легитимность власти, что обуславливает актуальность соотнесения в информационной повестке управленческих, политических решений с основами законности, обоснование их рациональности, разумности при представлении целевой аудитории.

2. По результатам социологического опроса установлена доля респондентов (7–11% в различных регионах), в восприятии которых действующая власть не является легитимной.

3. По результатам корреляционного анализа установлена обратная связь между уровнем

урбанизации в регионе и восприятием власти жителями региона как легитимной (коэффициент корреляции составляет свыше $-0,80$), между долей жителей в регионе, которые пользуются сетью Интернет, и восприятием власти жителями региона как легитимной (коэффициент корреляции свыше $-0,83$). Таким образом, чем выше уровень урбанизации и информатизации региона, тем больше возникает сомнений в легитимности, законности, функциональности власти. Следовательно, такие регионы требуют применения дополнительных методов и инструментов легитимации.

В заключение следует отметить, что из выявленных особенностей восприятия легитимности власти в регионах следуют основные направления обеспечения и повышений уровня доверия граждан к органам власти, а именно: формирование информационной повестки, направленной на освещение социально значимых для региона управленческих решений, соотносимых с действующей федеральной политикой в соответствующей сфере; участие глав регионов в их реализации; создание образа главы региона как эффективного субъекта реализации федеральных политических и управленческих решений.

Список литературы

1. Великая Н. М. Общественная легитимация политической власти в контексте трансформации гражданского общества в современной России // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 2. С. 59–71. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-3-59-71>
2. Брега А. А., Брега Г. В. Изменение политических технологий легитимации власти в условиях сетевизации общества // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 5. С. 148–151. EDN: JHTOVI
3. Ильин В. А., Морев М. В. Гражданское общество и транзит власти 2024 года // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 6. С. 9–26. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.1>
4. Ивлев И. С., Поксеваткина Д. В. К вопросу о технологиях легитимации власти в современной России: опыт анализа политических практик в столичном регионе // Постсоветский материк. 2021. № 2 (30). С. 75–87. https://doi.org/10.48137/2311-6412_2021_2_75, EDN: SXWORM
5. Хабермас Ю. Теория рационализации Макса Вебера // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8, № 3. С. 37–60.

Поступила в редакцию 24.01.2025; одобрена после рецензирования 05.09.2025; принята к публикации 17.09.2025
The article was submitted 24.01.2025; approved after reviewing 05.09.2025; accepted for publication 17.09.2025

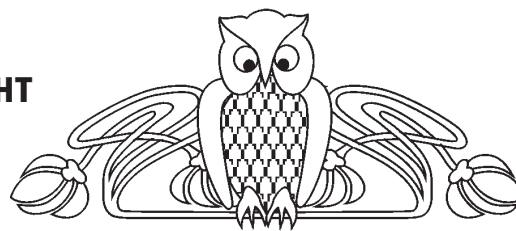

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 463–474
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 463–474
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-463-474>, EDN: YSMNIF

Научная статья
УДК 32.019.51

Цифровая пропаганда как инструмент политической коммуникации в сетевом пространстве Рунета

М. В. Шешменёва

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23

Шешменёва Мария Васильевна, аспирант кафедры политологии, sheshmenyova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-5839-2851>

Аннотация. В статье рассматривается проблема ускоренного развития информационно-коммуникативных технологий в сетевом обществе и сопряженное с этим повышение роли социальных медиа в российской публичной политике. Процесс исследования пропаганды становится все более актуальным вследствие нарастания сложности управления социально-политическими процессами и возникающих кризисов. Цифровая пропаганда в данном контексте представляет собой распространение политических идей посредством использования социальных медиа и информационных технологий с целью оказания влияния на общественное сознание. Исследуется трансформация политической пропаганды, выделяются и описываются ее характерные особенности, а также условия эффективного применения. В статье визуализируется структура цифровой пропаганды в формате сетевого взаимодействия, представленная в виде коммуникационного процесса. Основное содержание исследования составляет анализ технологий и приемов цифровой пропаганды, используемых в интернет-пространстве социальных медиа. Главный акцент делается на рассмотрении интернет-троллинга и особенно его коммуникативных приемов (агрессия, стигматизация, ирония, художественные формы). Также рассматривается технология создания интернет-мемов как нового визуального приема манипулятивного влияния. Сделан вывод о том, что роль и значение цифровой пропаганды в информационном обществе с течением времени будут постепенно возрастать в связи с усиливающейся агрессивностью информационной среды, расширением спектра манипулятивных средств и приемов коммуникативного воздействия на аудиторию в условиях информационного противостояния и возрастающей потребности в координации и управлении информационными потоками; с дальнейшим совершенствованием механизмов пропагандистского воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: цифровая пропаганда, информационные технологии, социальные медиа, социальные сети, Рунет, политическая коммуникация, манипулирование, интернет-троллинг, интернет-мем

Для цитирования: Шешменёва М. В. Цифровая пропаганда как инструмент политической коммуникации в сетевом пространстве Рунета // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 463–474. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-463-474>, EDN: YSMNIF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Digital propaganda as a tool of political communication within the Runet network space

M. V. Sheshmeneva

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhnij Novgorod 603950, Russia
Maria V. Sheshmeneva, sheshmenyova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-5839-2851>

Abstract. The article examines the problem of accelerated development of information and communication technologies in the network society and associated increase in the role of social media in Russian public policy. The process of researching propaganda is becoming increasingly relevant due to the increasing complexity of managing socio-political processes and emerging crises. Digital propaganda in this context is the dissemination of political ideas through the use of social media and information technology to influence public opinion. The transformation of political propaganda is studied, its characteristic features are identified and described, as well as the conditions for its effective use. The article visualizes the structure of digital propaganda in the format of network interaction, presented as a communication process. The main content of the study is the analysis of technologies and techniques of digital propaganda used in the Internet space of social media. Particular emphasis is placed on examining Internet trolling and the specifics of its communication techniques (aggression, stigmatization, irony, artistic forms). The technology of creating Internet memes as a new visual technique of manipulative influence is also considered. The author comes to the conclusion that the role and importance of digital propaganda in the information society will gradually increase over time due to the

increasing aggressiveness of the information environment, the expansion of the range of manipulative means and methods of communicative influence on the audience in the context of information confrontation and the growing need for coordination and management of information flows; further improvement of the mechanisms of propaganda influence on the audience.

Keywords: digital propaganda, information technology, social media, social networks, Runet, political communication, manipulation, Internet trolling, Internet meme

For citation: Sheshmeneva M. V. Digital propaganda as a tool of political communication within the Runet network space. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 463–474 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-463-474>, EDN: YSMNIF

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Многообразие социальных медиа, их роль и значение в современной публичной политике существенно возрастает с развитием информационных технологий. Интернет-платформы, социальные сети, мессенджеры поэтапно расширяют свое влияние, при этом неизбежно снижается интерес общества к традиционным формам СМИ: по данным опроса ВЦИОМ от 27 января 2025 г., в качестве ключевых источников информации респондентами были названы интернет-порталы и сайты (29%), телеграм-каналы (28%), видеохостинги (15%), социальные сети и мессенджеры (кроме телеграм-каналов) (14%)¹. Особенно данная тенденция снижения интереса к традиционным формам СМИ заметна среди молодежи, для которой мессенджеры и социальные сети играют ключевую роль в получении информации, а также формировании системы представлений². Таким образом, можно констатировать высокую степень доверия опрошенных к информации, полученной в интернет-среде. В общественно-политическую жизнь вступают новые поколения молодых людей (миллениалы «поколение Y», зумеры «поколение Z», поколение «Альфа»), формирование идейных представлений которых происходило уже в принципиально отличных технологических условиях. Вследствие этого цифровое пространство становится новой областью, внутри которой возможно применение пропаганды [1, с. 81].

Вместе с тем по мере перемещения потребителей контента в социальные сети и мессенджеры и одновременно увеличения масштабов

информационного противостояния с Западом возрастают когнитивные и политические риски, связанные с регулярным использованием цифровых форматов коммуникации (политическое манипулирование, распространение страхов, игра на эмоциях, рост числа фактоидов, фейков, искажающих картину мира пользователей и пр.). По этой причине важное значение приобретает контроль «сверху» за информационной сетевой повесткой в целях защиты и продвижения национальных интересов, ценностей, идей. Пропаганда как средство коммуникации в условиях масштабной цифровизации не только не утратила своей привлекательности, напротив, доказала свою эффективность и жизнеспособность. Однако, учитывая специфику современного общества, его многосложность (социальный характер по Т. Парсонсу), технологии 4.0, пропаганда как инструмент коммуникации трансформируется, чтобы сохранить свою качественную определенность и эффективность.

Совокупность политических коммуникаций является основополагающим элементом в системе государственного и общественно-политического управления. Характер коммуникационных взаимодействий, их трансформация определяют в последующем степень регламентации и контроля над социальными процессами [2, с. 73]. Пропаганда как один из механизмов коммуникации также подвержена трансформации вследствие развития информационных технологий.

Целью работы является изучение особенностей цифровой пропаганды, ее основных технологий, а также задач, которые решаются действующей властью с помощью цифровых инструментов в условиях информационного противостояния, с учетом изменения потребительских предпочтений и смещения медиапотребления в сторону социальных медиа. Научная новизна исследования заключается в систематизации технологии цифровой пропаганды как инструмента политической коммуникации в сетевом пространстве Рунета.

¹ Телевидение в цифровую эпоху. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/televidenie-v-cifrovuju-ehpokhu> (дата обращения: 14.04.2025).

² Архитектоника образа будущего российского государства в сознании молодежи современного мегаполиса: региональные модели, факторы формирования, идейно-ценностные размежевания: отчет по НИР (проект № 1024021300036-4-5.4.1) / Шмелева О. Ю. Нижний Новгород: ННГУ 2025. 148 с.

Значимость теоретического рассмотрения феномена цифровой пропаганды подтверждается тем, что по степени развития российское медиапространство и пропаганда в интернете неразрывно связаны между собой. Процесс исследования пропаганды и контроль над ее использованием приобретает первостепенное значение не только для научного сообщества в рамках совершенствования теоретических знаний, но и для государственной власти на разных ее уровнях вследствие нарастания сложности управления социально политическими процессами и возникающих кризисов.

Новая полоса изысканий в области исследования пропаганды в интернете среди российских ученых началась с начала 2000-х гг. Это связано с распространением интернет-технологий, появлением первых российских социальных сетей.

Исследованием пропаганды в интернете как варианта мягкого воздействия занимался А. С. Миронов [3]. Особое место в его работе уделяется исследованию «раскрутки» конкретной темы в условиях информационного шума, когда возникает потребность облечь пропагандистское сообщение в более удобный к потреблению аудиторией продукт. В своем труде автор подробно рассматривает приемы, с помощью которых можно скрыть явные проявления пропагандистского воздействия и с помощью отдельных «микроуровней» пропаганды усилить звучание желательной темы, а нежелательной – искусственно нивелировать.

Привлекают внимание в аспекте проблематики нашего исследования работы В. А. Евдокимова (см., например, [4]), направленные на изучение информационных технологий в пропагандистской деятельности. Автор акцентирует внимание на функциональном аспекте пропаганды в виртуальном пространстве, и прежде всего на ее информационной функции, заключающейся в обеспечении доступности официальных сведений для интернет-пользователей.

Всестороннее рассмотрение различных аспектов теории и практики функционирования интернет-коммуникации в условиях развития цифровых инструментов содержится в работах С. В. Володенкова [5] и С. Н. Федорченко [6]. В них исследуется потенциал интернет-пропаганды в политическом управлении, а также риски и угрозы современных политических коммуникаций.

Вклад в понимание внеинституциональных факторов цифровой пропаганды внес А. А. Коробов [2], в работах которого разрабатывается положение о зависимости цифровой пропаганды от неформальных видов осуществления политической коммуникации и перераспределения информационных потоков в политическом пространстве.

Внимание к специфике и особенностям политической пропаганды в цифровой среде привлек В. Д. Соловей [1], подчеркивая важность цифровой компьютерной пропаганды в условиях падения интереса и доверия к традиционным формам СМИ.

В работах А. А. Казакова [7] подробно рассмотрены вопросы манипулирования медиатекстами и проанализирован их потенциал воздействия на аудиторию. Автором предложен алгоритм измерения количественного выражения манипулятивности медиатекста.

В последние годы особое внимание привлекают работы в области новых технологий цифровой пропаганды. В трудах С. А. Шомовой [8] делается акцент на практику применения политических интернет-мемов как инструмента политических PR-технологий. Вопросам влияния политического интернет-троллинга посвящена работа А. Н. Шилиной [9].

В статье сфокусировано внимание на технологиях цифровой пропаганды в интернет-пространстве социальных медиа, представлены выводы и обобщения, сформулированные на основе данных, полученных посредством применения метода дискурс-анализа, отдельных элементов качественного контент-анализа, применяемые для исследования технологий троллинга в российских телеграм-каналах. Важное место в исследовании занимают методы мониторинга и включенного наблюдения, которые заключались в исследовании социальных медиа, отслеживании процесса распространения новых мемов.

Цифровая пропаганда как тип политической коммуникации

Важным для исследования является положение о том, что цифровая пропаганда как тип политической коммуникации характерна, прежде всего, для сетевого общества и невозможна вне контекста развития информационных технологий. Цифровую пропаганду можно трактовать как распространение политических

идей и взглядов посредством использования социальных медиа и информационных технологий с целью оказания влияния на общественное сознание.

Использование инструментов цифровой пропаганды возможно при выполнении определенных условий, напрямую влияющих на эффективность воздействия.

1. *Обеспечение технической возможности* непрерывно получать, обрабатывать и распространять информационные сообщения – т. е. высокий уровень проникновения интернета и скорости связи. По данным Mediascope, в 2022 г. уровень проникновения интернета достиг 81%³. В июне 2024 г., по данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ (на основе данных Минцифры России и Speedtest Global Index), медианная скорость загрузки данных по фиксированному широкополосному доступу (ШПД) в России составила 87,1 Мбит/с, что сопоставимо со среднемировым уровнем скорости⁴.

2. *Высокая степень вовлеченности общества* в процесс использования цифровых технологий. По данным Mediascope, в 2024 г. средняя ежемесячная аудитория интернета в России составила почти 103 млн чел.⁵ При этом среднее время потребления мобильного интернета в течение дня на человека составляет 3 часа 52 минуты.

3. *Высокий уровень доверия аудитории* к используемым цифровым площадкам. Согласно опросу ВЦИОМ, на втором месте после телевидения в качестве главного источника новостей респондентами были названы: новостные, аналитические, информационные сайты – 19%, социальные блоги, сети – 14%, мессенджеры – 11%⁶.

4. *Наличие разнообразия в цифровых площадках* – социальных сетях, мессенджерах, видеохостингах и т.д. По данным Mediascope за февраль 2025 г., самыми популярными социальными медиа на пространстве Рунета стали ВКонтакте, Telegram, Дзен, Одноклассники,

³ Интернет в России в 2022–2023 годах. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/internet-v-rossii-v-2022-2023-godah.pdf> (дата обращения: 14.04.2025).

⁴ Россия в мировой гонке интернет-скоростей. URL: <https://issek.hse.ru/news/947041125.html> (дата обращения: 14.04.2025).

⁵ Как россияне используют интернет на смартфоне. URL: <https://mediascope.net/news/2654610/> (дата обращения: 14.04.2025).

⁶ Новости, достойные доверия. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novosti-dostoinye-doverija> (дата обращения: 14.04.2025).

Rutube⁷. Также стоит отметить и развитие сравнительно новых российских социальных сетей, таких как Norm, Now, Грустнограм, Looky, TenChat, ЯRUS, Yappy.

5. *Распространение в обществе «клипового мышления»* – модели потребления информации, при которой характерно снижение интереса к длинным и сложным текстам и переключение внимания на более короткие текстовые сообщения, непродолжительные видеоролики, мемы. По данным ВКонтакте, число ежедневных просмотров на платформе коротких вертикальных роликов «VK Клипы» в августе 2024 г. составило 2,5 млрд⁸.

В контексте исследования цифровой пропаганды как коммуникационного процесса уместно остановиться на рассмотрении теоретического механизма функционирования данной технологии, ключевым элементом которого является *политический актор*, представляющий собой источник влияния – главного агента распространения информации. Соответственно, следующим звеном выступает непосредственное *информационное сообщение*, наполненное пропагандистским содержанием. В сущности, цифровая и традиционная пропаганда по своему идейному содержанию являются манипулятивным воздействием, используют идентичные повторяющиеся когнитивные искажения и стереотипные формы с целью сформировать у людей представление о том, что они самостоятельно пришли к определенным выводам.

Вследствие этого принципиальную важность для успешности пропагандистского воздействия имеет природная склонность человека к конформизму и социальному консенсусу [10, с. 277]. Значительное большинство людей, осознавая это или нет, руководствуются на бессознательном уровне стремлением к занятию позиции большинства, оказывая предпочтения действиям и суждениям, которые бы не вступали в противоречие с мнением большинства. Из свойственной человеку специфики психологического поведения в виде конформизма и стремления к консенсусу проистекает важное

⁷ Аудитория социальных медиа. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/438/37qf2vk4di1n4ncguevk3mfyzb11qfx/%D0%90%D1%83%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0_Mediascope.pdf (дата обращения: 14.04.2025).

⁸ Ежедневные просмотры в VK Клипах. URL: <https://vk.com/press/clips-august-2024> (дата обращения: 14.04.2025).

следствие для использования различных политических технологий и, в частности, цифровой пропаганды [11, с. 22].

Для поддержания стабильной политической обстановки и лояльности политическому режиму необходимо сформировать у граждан впечатление о том, что подавляющее большинство поддерживает существующий режим. При этом будет не столь существенно, является это впечатление истинным или ложным, вследствие того, что граждане будут ориентироваться на консенсус и за редким исключением будут подвергать его сомнению в публичном поле. Сопоставимый эффект, известный под термином «спираль молчания», разработанный Элизабет Ноэль-Нойман, воспроизводится благодаря пропаганде [12]. В случаях, когда люди осознают тот факт, что их собственное мнение вступает в противоречие с точкой зрения, преобладающей в медийном пространстве, они начинают думать о том, что находятся в меньшинстве и поэтому сознательно воздерживаются от публичных высказываний.

После формирования медиатекста происходит его трансляция через каналы распространения цифровой пропаганды (социальные сети, мессенджеры, стриминговые сервисы и т.д.). В зависимости от выбранного канала в рамках социальных медиа определяется наиболее эффективная совокупность информационных технологий распространения информации и контента исходя из поставленных политическим актором задач. Определившись с выбором конкретных технологий цифровой пропаганды, информационное сообщение передается интернет-пользователям и сетевым объединениям пользователей – иначе говоря, объекту воздействия.

Заключительный этап коммуникационного процесса состоит в формировании системы мониторинга обратной связи и внутреннем аудите информационной кампании. Рассмотренный выше механизм функционирования цифровой пропаганды представлен в авторской схеме (рис. 1). Несмотря на наличие сходств в механизме осуществления традиционной

Рис. 1. Структура цифровой пропаганды как коммуникационного процесса

и цифровой пропаганды существуют различия. Существенным отличием цифровой пропаганды от пропаганды в ее классической интерпретации, несмотря на сохранение характеристик одностороннего воздействия на массовое сознание, является наличие определенного рода проявлений обратной связи. Обратная связь обеспечивается за счет используемых интернет-платформ и сервисов, на которых реализована возможность выражения реакции пользователя. В качестве подобного рода примеров обратной связи могут быть названы комментарии, лайки или дизлайки, репосты, подписки, реакции. Некоторые из них позволяют в количественном отношении оценить степень поддержки и одобрения распространяемого контента, что в конечном счете может повлиять на степень эффективности цифровой пропаганды.

Цели цифровой пропаганды совпадают с целями в традиционной пропагандистской деятельности. Являясь по своей природе манипуляцией, цифровая и традиционная пропаганда прибегают к применению одних и тех же когнитивных искажений, логических ловушек, стереотипных представлений для того, чтобы у общества, группы и индивида сформировалось впечатление, что те по собственной воле, независимо от других, пришли к соответствующим требованиям пропагандистов выводам и оценочным суждениям. Однако стоит заметить, что цели цифровой пропаганды не сводятся исключительно к манипулированию. В условиях информационного противостояния с другими странами и распространения иностранных средств влияния цель цифровой пропаганды состоит также и в защите традиционных ценностей и продвижении собственных идей.

Вместе с тем стоит акцентировать внимание и на процессе цифровой трансформации с присущими ей изменениями условий жизни, выражающимися в стремительном распространении информационных технологий и их проникновении во все сферы общественной жизни [13]. Данный тренд актуализирует потребность в пропагандистском воздействии со стороны государства, целью которого будет снижение уровня тревожности и страхов общества за счет повышения медиаграмотности населения перед происходящими изменениями, сопряженными с возникновением новых технологических рисков. Необходимо подчеркнуть, что одной из важных целей является формирование повестки дня за счет переноса внимания с одной

темы (зачастую негативной) на другую с целью разрядки напряженности и нормализации информационного фона.

Технологии цифровой пропаганды в интернет-пространстве социальных медиа

Трансформация политической пропаганды в эпоху цифровых технологий вызвана не только формированием нового сетевого общества и присущего ему коммуникативного интернет-пространства, но также возникновением различных форм человеко-компьютерного взаимодействия – автоматизированных алгоритмов, опосредованно определяющих характер коммуникации между людьми. В данной статье речь пойдет об основных технологиях цифровой пропаганды, которые применяются в интернет-пространстве социальных медиа, характерных для российской действительности.

В рамках развития подобных технологий особый интерес для совершенствования пропагандистских инструментов влияния представляет собой внедрение интернет-троллинга. Троллинг может преследовать различные цели и выполнять вариативные задачи, в том числе на коммерческой основе, являясь действенным механизмом манипулирования политической повестки [5, с. 57]. Под интернет-троллями подразумеваются уже не стандартизированные алгоритмы общения, а живые люди, самостоятельно инициирующие дискуссию на различные темы. Троллинг может быть как персонифицированным (личность автора не скрывается), так и анонимным. Подавляющее большинство интернет-троллей представляют собой анонимные фейковые аккаунты, скрывающиеся за вымышленными персонажами [9, с. 230]. Существенным отличием троллинга от применения обычных ботов является то, что интернет-тролли способны выстраивать дифференцированную дискуссию, подстраиваясь под контекст, а также учитывать мнение собеседника. Троллинг представляет собой не только прямые оскорбления, издевательства в адрес других интернет-пользователей, это более широкое понятие, не ограничивающееся написанием резких комментариев. Смысл троллинга в цифровой пропаганде более сложный и заключается в том, чтобы разрушить сложившиеся коммуникационные связи, сорвать нежелательную дискуссию или инициировать обсуждение требуемой темы за счет

формирования негативного отношения к определенным акторам в социальных медиа.

Политический троллинг в сетевом пространстве Рунета за последние годы превратился в одну из ключевых технологий цифровой пропаганды [14]. Мы остановимся на наиболее ярких приемах интернет-троллинга, используемых в российских провластных телеграм-каналах.

Первый прием – *агрессия*. Для подобного рода троллинга характерно использование агрессивных выражений, проявляющихся в форме пейоративной лексики, прямых оскорблений и резкого тона ведения дискуссии. В табл. 1 представлены слова-маркеры, свидетельствующие о наличии агрессии по отношению к

конкретным политическим акторам и группам людей. В данном случае целью пропаганды является формирование негативного отношения общественности к акторам публичной политики, в адрес которых используются оскорбления. Также стоит обратить внимание на факт провоцирования конфликта, который используется в качестве стимулирования подписчиков канала на реакции и комментарии, поощряя их высказываться в аналогичном негативном ключе. Являясь по своей сути деструктивной технологией, нарушающей этико-речевые нормы, агрессия в виде интернет-троллинга способствует выработке общей стратегии государственной власти в виде формировании образов врага и консолидации общества вокруг негативной повестки.

Таблица 1

Троллинг в форме агрессии

Комментарий автора в социальных медиа	Слова-маркеры	Ссылка на ресурс
«Самонадеянный Шольц всерьез считает, что будущую “систему безопасности Европы” можно построить, не учитывая позицию России»	Самонадеянный Шольц	https://t.me/SolovievLive/313438
«Ему понятно, где находятся главные враги Америки – это сатанинская Европа и Евросоюз, лживые мерзкие твари, о чем вчера Трамп уже намекнул»	Сатанинская Европа Лживые мерзкие твари	https://t.me/SolovievLive/313577
«Трамп, показывает, что США – самая коррумпированная страна в мире, а все сказки, которые здесь верещали из каждого угла конченые подонки от секты Навального до секты Венедиктова, псевдоэкономисты, оказались ложью»	Конченые подонки	https://t.me/SolovievLive/313700
«Беглые навалынисты неоднократно подставляли своих последователей»	Беглые навалынисты	https://t.me/SolovievLive/315213
«У кровавого режима киевских подонков еще есть шанс спасти своих людей»	Кровавый режим Киевские подонки	https://t.me/medvedev_telegram/572
«Все эти НАТОвские крысы по несколько раз побывали статистами кровавого шапито Зеленского»	НАТОвские крысы Кровавое шапито Зеленского	https://t.me/MariaVladimirovnaZakharova/9967
«Ноль эмпатии – уехавший в Баку умник из “Что? Где? Когда?” Аскеров выступил за убийство русских детей»	Уехавший в Баку умник	https://t.me/readovkanews/94023

Второй прием – *стигматизация*. Подобная технология может использоваться как процесс маркирования политических оппонентов, заключающийся в социальной стигматизации (навешивании ярлыка), а также поляризации

взглядов посредством идентификации «своих и чужих». В табл. 2 представлены слова-маркеры, свидетельствующие о наличии стереотипных по отношению к странам и содружествам стран речевых клише. Итогом подобного рода

пропаганды, посредством политической стигматизации, станут маркирование и выделение нежелательных групп стран (Европейского союза) и противопоставление их другим членам одобряемой общности (России и странам СНГ). Так, использование стигмы «нацистский» направлено на однозначно отрицательное восприятие объекта и является популярным словом-три-

гером для формирования негативного отношения вне зависимости от контекста его употребления. Таким образом создается определенный образ в восприятии страны как «неправильной» и «негуманной». В конечном итоге цель подобного приема троллинга будет состоять в изоляции нежелательного объекта посредством его дискриминации и формирование стигмы.

Таблица 2

Троллинг в форме стигматизации

Комментарий автора в социальных медиа	Слова-маркеры	Ссылка на ресурс
«По нацистским лекалам Европа становится фашистской, но это лишь промежуточная стадия»	По нацистским лекалам	https://t.me/warfakes/27634
«Также власти Литвы бахвалятся, чтобы доказать свою нужность их западным хозяевам»	Западные хозяева	https://t.me/warfakes/27437

Третий прием – *ирония*. Для данной технологии характерно использование ироничных и саркастичных замечаний в адрес объекта, характеризующихся менее агрессивным содержанием, воспринимаемых пользователями как юмор. В табл. 3 представлены слова-маркеры, свидетельствующие о наличии ироничных/саркастичных замечаний по отношению к группам людей и политическим процессам. Ирония в данных примерах заключается, с одной стороны, в преувеличении признака объекта, как во фразе «быстрые выборы», направленной на акцентирование внимания на отсутствие легитимности в электоральной

процедуре, с другой стороны – в преуменьшении признака объекта, как во фразе «так называемая комиссия», подчеркивающая некомпетентность и несостоятельность принимаемых решений. В отличие от приема агрессии, ирония, в свою очередь, нацелена на смягчение остроты высказывания. Итогом подобного рода пропаганды, посредством создания ироничных высказываний, станет формирование дискурса и высказываний в смыслах, отличных от буквального понимания, выполняющих функцию «разрядки» коммуникации и представляющих собой продукт коллективного восприятия, говорящего и слушающего.

Таблица 3

Троллинг в форме иронии

Комментарий автора в социальных медиа	Слова-маркеры	Ссылка на ресурс
«Издание отмечает, что Путина и Трампа также может не устроить перспектива “быстрых выборов”, и они не станут спокойно наблюдать, как Зеленский движется ко второму сроку»	Быстрые выборы	https://t.me/readovkanews/94687
«После того как силовики Зеленского захватили Ближние пещеры Киево-Печерской лавры, так называемая комиссия двинулась в Дальние пещеры»	Так называемая комиссия	https://t.me/readovkanews/94613
«Коалиция решительных – в Киеве. Это группа военных из стран Евросоюза, которые сгруппировались под звучным названием и приехали в гости к Владимиру Зеленскому»	Коалиция решительных в Киеве	https://t.me/warfakes/27642
«Перед нами очередная неуклюжая (и ожидаемая) попытка этической манипуляции со стороны Киева, который пытается отвести фокус внимания от того, что условия перемирия, актуальные на данный момент, выгодны только Украине»	Очередная неуклюжая (и ожидаемая) попытка	https://t.me/warfakes/27383

Выраженное в вербальном плане ироничное высказывание оптимизирует и упрощает межличностные отношения, особенно в формате один (телеграм-канал как субъект) ко многим (подписчики).

Четвертый прием – художественный. Этот прием заключается в использовании средств художественной выразительности для создания более красочных и ярких образов, которые рассматривает субъект. В табл. 4 представлены

слова маркеры, свидетельствующие о наличии средств художественной выразительности, таких как сравнение и метафора, построенные на основе сходства или контраста явлений. Интердискурсивность в виде художественных элементов в современной политической пропаганде имеет целью удержание внимания аудитории, а также формирование в сознании пользователей ярких и хорошо знакомых им образов для получения поддержки и социального одобрения.

Таблица 4

Троллинг в художественной форме

Критерий троллинга	Комментарий автора в социальных медиа	Слова-маркеры	Ссылка на ресурс
Метафора	«Разлагающийся труп экономики Евросоюза»	Труп экономики	https://t.me/medvedev_telegram/575
Сравнение	«Кто просроченному опять с утра горилку вместо чая налил?»	Просроченный	https://t.me/margaritasimonyan/14650

Однако в процессе троллинга необходимо учитывать, что одним из следствий подобной технологии может являться и то, что наличие агрессивных и резких комментариев, нецензурная лексика, создающие общий негативный фон, могут вынудить человека, с одной стороны, покинуть политическую дискуссию (отписаться от данного интернет-аккаунта) либо, с другой стороны, провоцируют негативные чувства в адрес пользователя, в интернет-профиле которого данные оскорбления появляются.

Одним из самых ярких проявлений троллинга в интернете является использование контента на основе мемов. Политический интернет-мем можно определить как визуализированный тип сообщения в интернете, объединяющий совокупность тем и смыслов, актуальных для сетевого сообщества, которому присущи вирусное распространение и высокая скорость тиражирования за счет наглядности изображения и запоминающегося смыслового и идейного содержания [8, с. 26]. Мемы постепенно становятся одним из способов политической массовой коммуникации, являясь частью цифровой пропаганды и сетевого дискурсивного пространства. Упрощенное представление актуальных политических тем в виде интернет-мемов делает их легко восприимчивыми для широкой аудитории, а следовательно, превращает их в эффективный инструмент влияния в рамках социальных

медиа. Не менее важным в этом ключе, наряду с тиражированием самого мема, является его комментарийная поддержка под постом. Таким образом, создается видимость широкого общественного недовольства тем, против кого направлено использование политических мемов.

Приведенные в статье мемы направлены на дискредитацию несистемной российской оппозиции (рис. 2), СМИ (рис. 3), а также конкретных персон в лице Президента США

Рис. 2. Пример мема, дискредитирующего несистемную российскую оппозицию⁹

⁹ Telegram-канал «Дети Сороса». URL: <https://t.me/DetiSorosa/1247> (дата обращения: 14.04.2025).

Рис. 3. Пример мема, дискредитирующего независимые российские СМИ¹⁰

Рис. 4. Пример мема, дискредитирующего Президента США Дональда Трампа¹¹

Дональда Трампа (рис. 4) и бывшего Президента Украины Петра Порошенко (рис. 5). Основная задача подобных мемов – это снижение доверия к визуализируемому объекту и формирование его негативного имиджа. Таким образом, мем на рис. 2, направлен на дискредитацию представителей российской несистемной оппозиции, подрыв их авторитета в контексте их зависимости от западного влияния (США, Великобритания, Европейский союз). Также подчеркивается их несамостоятельность в связи с невозможностью самостоятельного финансирования своих проектов и поиском инвесторов. Обращая внимание на

мем, изображенный на рис. 3, можно констатировать использование приема стигматизации, заключающегося в использовании стигмы «продажные СМИ». Рассматривая мем на рис. 4, можно заметить отсылку к фейковым сообщениям о вмешательстве России в президентские выборы в США, прошедшие в 2016 г., победу на которых одержал Дональд Трамп. Актуальное продолжение данного сюжета нашло и в 2025 г. с очередной победой на выборах американского президента. При этом, если говорить о меме на рис. 5, его целью является не столько дискредитация бывшего Президента Украины, сколько демонстрация

Рис. 5. Пример мема, дискредитирующего бывшего Президента Украины Петра Порошенко¹²

¹⁰ Telegram-канал «Дети Сороса». URL: <https://t.me/DetiSorosa/1278> (дата обращения: 14.04.2025).

¹¹ Мемы про политику. URL: https://aminoapps.com/c/humor-rus/page/blog/memy-pro-politiku/V0m1_246i7u5oKRJL62MaD3er5DRWzqXWaa (дата обращения: 14.04.2025).

¹² Там же.

позитивного образа Президента РФ Владимира Путина посредством использования приема антитезы.

Мемы представляют собой специфический прием цифровой пропаганды, который всегда является реакцией на политические события, информационные поводы, а также публичные выступления акторов политического процесса, и в связи с этим напрямую связан с текущим политическим курсом. Для государства мем становится инструментом влияния на новостную повестку дня, выражением собственной политической позиции и вместе с тем конструированием общероссийской идентичности на основе определенных идеологических конструкторов. В этом ключе мы можем говорить о цифровой пропаганде посредством мемов как о примере конструктивной деятельности в области социально-политической коммуникации.

Потенциал использования мемов в политике подтверждается и соответствующими опросами. Так, сервис по проведению онлайн-опросов Анкетолог совместно с PR-агентством Mediasom.Expert провели опрос российских интернет-пользователей об их отношении к использованию мемов в коммуникациях. По результатам опроса от 18 августа 2023 г. 49% участников воспринимают мемы положительно, при этом подавляющее большинство (70%) – это молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет¹³. Нейтрально к данному виду коммуникации относятся 40% респондентов, а негативно – только 11%. По расшифровке смысла мемов 96% информантов ответили, что обычно понимают смысл тех или иных изображений, а 51% расшифровывают их практически всегда. Данный опрос подтверждает исследовательскую гипотезу об актуальности использования интернет-мемов в качестве технологий цифровой пропаганды в социальных медиа и их восприимчивости населением.

Выводы

Цифровая пропаганда является важным инструментом политической коммуникации, управления информационной повесткой, при этом демонстрируя тенденцию к трансформации с учетом конъюнктурных изменений и

медиатизации политического пространства. По сравнению с традиционной пропагандой, цифровая пропаганда более адаптивная к вызовам и рискам и имеет ряд важнейших преимуществ. Она более оперативно обеспечивает обратную связь с аудиторией за счет мониторинга в режиме реального времени пользовательских реакций на распространяемый контент, предоставляя возможность гибко и адресно подходить к пропагандистскому воздействию.

Цифровая и традиционная пропаганда как инструменты манипулятивного воздействия используют идентичные тактические приемы. Трансформируются всего лишь технологии воздействия, актуализирующиеся в связи с развитием информационных средств коммуникации и связи. С уверенностью можно констатировать, что роль цифровой пропаганды как инструмента политической коммуникации в сетевом пространстве Рунета будет значительно возрастать с развитием самого цифрового пространства и расширением спектра социальных медиа.

Ключевое значение будет приобретать дальнейшее совершенствование технологий цифровой пропаганды в пространстве социальных медиа, таких как интернет-троллинг и интернет-мемы, являющиеся наиболее релевантными в современных условиях клипового мышления и ускоренного потребления пользователями просматриваемого контента (в особенности провластного).

Для государства как основного актора политического процесса принципиально важным должно стать формирование новых подходов к использованию цифровой пропаганды в конструктивном ключе, призванной релевантно отражать новые ценности, цели и приоритетные направления в развитии страны. Мобилизация общества за счет пропагандистского воздействия является важным условием для формирования идеологических установок у населения и изменения его ценностных предпочтений, потому как именно с помощью цифровой пропаганды в сознании людей складывается восприятие политической действительности. Дальнейшие исследования пропаганды в интернете, поиск новых технологических методов ее осуществления, а также в конечном счете повышение ее эффективности будут иметь приоритетное значение для информационной безопасности Российского государства.

¹³ Мемы в маркетинге // Анкетолог. Маркетинг, 18 августа 2023 г. URL: <https://iom.anketolog.ru/2023/08/17/memy-v-marketinge> (дата обращения: 04.04.2025).

Список литературы

1. Соловей В. Д. Особенности политической пропаганды в цифровой среде // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. Т. 8, № 1 (31). С. 81–87. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2018-7-1-81-87>, EDN: YMOYRS
2. Коробов А. А. Цифровая пропаганда и неформальные политические коммуникации: эффект функциональной связи // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22, № 4. С. 73–82. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2022-4-73-82>, EDN: GNBEOP
3. Миронов А. С. Раздувай и властвуй: технологии современной «мягкой» пропаганды. М. : Добросвет, 2000. 216 с.
4. Евдокимов Е. А. Пропаганда в Интернете // Полис. Политические исследования. 2012. № 4. С. 137–142.
5. Володенков С. В. Цифровые актанты и вычислительная пропаганда как инструменты воздействия на массовое сознание в условиях глобальных технологических трансформаций // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2024. № 2. С. 47–70. <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-2-47-70>
6. Володенков С. В., Федорченко С. Н., Печенкин Н. М. Риски, угрозы и вызовы современных социально-политических коммуникаций в условиях развития искусственного интеллекта и нейросетевых технологий // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2024. № 3. С. 474–494. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.307>
7. Казаков А. А. Манипулятивный потенциал поляризованного политического медиатекста: вариант измерения // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2018. № 6. С. 75–93. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.6.2018.7593>
8. Шомова С. А. Развлекать и властвовать: образы российской власти и оппозиции в интернет-мемах // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2019. № 3. С. 23–43. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.2.2019.2343>
9. Шилина А. Н. Аффект или идеология: влияние политической поляризации на восприятие интернет-троллинга // Политическая наука. 2023. № 3. С. 230–251. <https://doi.org/10.31249/poln/2023.03.11>
10. Юдина К. В. Феномен неучастия и политический конформизм в современном российском обществе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 1, ч. 1 (98). С. 276–278. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-11-1-276-278>, EDN: SEKPRW
11. Мысовских Л. О. Политический конформизм как необходимость существования человека в идеологических рамках тоталитарного государства // Вестник Омского университета. 2023. Т. 28, № 1. С. 20–24 [https://doi.org/10.24147/1812-3996.2023.28\(1\).20-24](https://doi.org/10.24147/1812-3996.2023.28(1).20-24)
12. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания : пер. с нем. М. : Прогресс ; Весь мир, 1996. 352 с.
13. Победин П. К. Использование искусственного интеллекта и цифровых технологий как метода политического влияния на молодежь // Постсоветский материк. 2024. № 4. С. 65–78. https://doi.org/10.48137/23116412_2024_4_65
14. Стукал Д. К., Шилина А. Н. Отношение к власти как фактор восприятия политического троллинга в российских социальных медиа // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 179–191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.14>

Поступила в редакцию 22.04.2025; одобрена после рецензирования 05.09.2025; принята к публикации 17.09.2025
The article was submitted 22.04.2025; approved after reviewing 05.09.2025; accepted for publication 17.09.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 475–481
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 475–481
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-475-481>, EDN: ZCPWKВ

Научная статья
УДК 32.019.52

Политический контекст международных санкций против российских спортсменов

М. К. Шуруб

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шуруб Мария Константиновна, соискатель кафедры политических наук, marialfer87@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8170-2250>

Аннотация. Статья содержит результаты политологического анализа санкционных ограничений, введенных против российского спорта начиная с 2015 г. Все наложенные за это время санкции условно разделены на две группы – связанные с допинговыми нарушениями и вызванные началом специальной военной операции России на Украине. Выделены негативные и позитивные последствия введенных рестрикций. Показаны отрицательные последствия санкций для их инициаторов. К числу ключевых субъектов санкционного давления отнесены государства, являющиеся стратегическими противниками России (США, Великобритания, Германия, Франция и прочие страны Европы), а также Международный олимпийский комитет, Всемирное антидопинговое агентство, международные федерации по видам спорта и национальные спортивные федерации. Обосновывается юридическая несостоятельность, абсурдность и бесперспективность международных санкций, введенных против российских атлетов.

Ключевые слова: санкции, спорт, политизация, Олимпиада, Россия, МОК, ВАДА

Для цитирования: Шуруб М. К. Политический контекст международных санкций против российских спортсменов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 475–481. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-475-481>, EDN: ZCPWKВ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Political context of international sanctions against Russian athletes

M. K. Shurub

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Saratov

Maria K. Shurub, marialfer87@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8170-2250>

Abstract. The article contains results of political analysis of the sanctions imposed against Russian sports since 2015. All sanctions imposed during this time are conditionally divided into two groups: those related to doping violations and those caused by the start of Russia's special military operation in Ukraine. The article highlights negative and positive consequences of the restrictions imposed. It also shows the negative consequences of sanctions for their initiators. The key subjects of sanctions pressure include states that are strategic opponents of Russia (i.e. the USA, Great Britain, Germany, France and other European countries), as well as the International Olympic Committee (hereinafter referred to as the IOC), the World Anti-Doping Agency (hereinafter referred to as WADA), international sports federations and national sports federations. The article substantiates legal inconsistency, absurdity and futility of international sanctions imposed against Russian athletes.

Keywords: sanctions, sports, politicization, Olympics, Russia, IOC, WADA

For citation: Shurub M. K. Political context of international sanctions against Russian athletes. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 475–481 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-4-475-481>, EDN: ZCPWKВ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Начиная с 2014 г. российский спорт высших достижений испытывает беспрецедентное по своим формам и интенсивности давление со стороны международных спортивных структур и организаций. Конечно же, попытки осуществления внешнего, обусловленного преимущественно политическими причинами вмешательства в

данную сферу неоднократно предпринимались и раньше, однако никогда прежде это воздействие не приводило фактически к полному исключению отечественных атлетов из системы крупнейших международных состязаний на срок длительностью в несколько олимпийских циклов подряд.

Дискриминационная политика в отношении российских атлетов косвенно повлияла и на то, каким образом граждане нашей страны стали относиться к государствам Запада, инициировавшим подобные действия через подконтрольные им структуры. Наряду с очевидной, фиксируемой ведущими социологическими центрами идейно-ценностной консолидацией общества, происходящей на фоне оказываемого на Россию давления¹, наметилась не такая заметная, но, тем не менее, весьма устойчивая линия размежевания людей (как обывателей, так и тех, кто имеет к спорту самое непосредственное отношение) по вопросу о том, как необходимо действовать в кардинально изменившихся условиях. Имеем в виду расхождение в оценках сложившейся ситуации между сторонниками и противниками выступлений отечественных спортсменов на международных соревнованиях и турнирах в нейтральном статусе – без национального флага, гимна и прочих атрибутов принадлежности к Российской Федерации.

Чаще всего спортивные санкции могут осуществляться в нескольких формах. Е. П. Гармашова, А. М. Дребот, А. Г. Баранов, А. А. Митус и М. Ю. Тарабардина совершенно оправданно, на наш взгляд, относят к числу таковых следующие:

1) запрет на участие в спортивных состязаниях спортсменов, представляющих страну, которая является объектом санкций со стороны организаторов соревнований;

2) запрет на участие в спортивных турнирах атлетов, представляющих страну, которая сама проводит санкционную политику;

3) запрет на проведение спортивных мероприятий в стране – объекте санкций;

4) запрет на поставку спортивного оборудования в конкретное государство [1, с. 655].

С учетом тех ограничений, которые накладывались на российских спортсменов в последние годы, приведенный выше перечень считаем необходимым дополнить еще двумя видами санкций:

¹ О современном российском патриотизме. Доля считающих себя патриотами в российском обществе достигла максимума за четверть века наблюдений // ВЦИОМ. 29 марта 2024 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (дата обращения: 20.07.2025) ; Доминанты. Поле мнений. Выпуск 28. Результаты еженедельных всероссийских опросов ФОМ // Фонд «Общественное мнение». 18 июля 2025 г. URL: <https://fom.ru/Dominanty/15216> (дата обращения: 20.07.2025).

5) запрет на использование спортсменами во время соревнований официальной символики (прежде всего, флага и гимна) государства, которое они представляют;

6) требование к спортсменам, претендующим на участие в международных соревнованиях, воздерживаться от публичного (даже осуществляемого в собственных аккаунтах в социальных сетях) одобрения политики руководства представляемой ими страны, а также демонстрации символики, которая считается нежелательной, неуместной или даже запрещенной (в нашем случае это были, например, георгиевская лента, буква Z и пр.) инициаторами санкций.

В связи с достаточно широким арсеналом используемых средств подобного давления на спортсменов возникает вопрос о том, кто чаще всего выступает в качестве субъектов санкций. В данном случае мы склонны взять за основу подход Ю. В. Куземко, Е. В. Трушечкиной и О. В. Пурахиной, предложивших трехуровневую концепцию системы органов, которые создают и исполняют правовые акты в области международного спортивного права. По их мнению, первый уровень представляет Международный олимпийский комитет (МОК), второй – международные федерации по видам спорта и, наконец, третий – национальные спортивные федерации [2, с. 60–61].

Развивая мысль упомянутых выше исследователей, полагаем, что структуры, составляющие каждый из этих уровней, вполне могут рассматриваться в качестве не только создателей и исполнителей нормативных актов в области международного спортивного права, но и субъектов-инициаторов санкций. При этом ключевым субъектом, по нашему мнению, являются все же не они, а государства, заинтересованные в оказании ограничительного воздействия на руководство какой-либо страны, являющейся в данном случае объектом санкций. В этом смысле наше представление о субъектах спортивных санкций во многом пересекается с трактовкой субъектов политизации спорта, предложенной М. М. Гандилияном [3]. Отметим при этом, что весьма важную роль в санкционном давлении на Россию оказывают также и западные средства массовой информации, однако, по нашему мнению, в данном случае их сложно считать в полной мере субъектными: скорее, они являются проводниками

воли государств и международных спортивных организаций, т. е. тех, кто действительно принимает конкретные санкционные решения.

По большому счету, все то обилие введенных против российских атлетов ограничений и рестрикций условно может быть разделено на две группы. Первую из них составляют наказания за допинговые нарушения, имевшие место до, в ходе и после Олимпиады в Сочи в 2014 г., а вторую – рестрикции, наложенные сразу после начала специальной военной операции России на Украине.

Нужно сказать, что допинговые скандалы с участием советских, российских и зарубежных спортсменов случались и прежде. Но если до 2015 г. в подавляющем большинстве случаев наказания за использование запрещенных в спорте препаратов накладывались на отдельных атлетов-нарушителей, то потом санкции постепенно начали приобретать сначала командный, а затем и «национальный» характер.

Начало процессу укрупнения санкционного масштаба было положено 2 декабря 2014 г., когда на немецком канале ARD впервые был показан фильм-расследование Х. Зеппельта о допинге в российской легкой атлетике с участием супругов Ю. и В. Степановых. Спустя месяц, 1 января 2015 г., Всемирное антидопинговое агентство (ВАДА) объявило о старте работы независимой комиссии под руководством Р. Паунда по анализу обвинений, содержащихся в упомянутом фильме немецкого журналиста. По результатам ее деятельности 10 ноября 2015 г. было принято решение о приостановлении работы Московской антидопинговой лаборатории. Спустя несколько месяцев ее бывший руководитель Г. Родченков в интервью «The New York Times» рассказал об употреблении допинга российскими чемпионами Зимней Олимпиады в Сочи в 2014 г. и о технологии подмены проб во время Игр с использованием «дырки в стене» и при помощи спецслужб. После этого ВАДА рекомендовал не допускать россиян до Олимпиады и Паралимпиады 2016 г.

6 сентября 2017 г. Международный паралимпийский комитет (МПК) разрешил российским спортсменам выступать на международных стартах в нейтральном статусе. 5 декабря того же года МОК принял решение о временном отстранении Олимпийского комитета России, но допустил российских спортсменов на Игры в Пхенчхане под олимпийским флагом. 28 февраля 2018 г. МОК восстановил членство Олимпий-

ского комитета России, которое было временно приостановлено на время Олимпиады в столице Южной Кореи. Однако спустя год, 23 сентября 2019 г., ВАДА обвинило Россию во внесении в базу данных Московской антидопинговой лаборатории серьезных незаконных изменений и на этом основании начал процедуру отзыва признания у РУСАДА. В результате 9 декабря того же года ВАДА объявил о четырехлетних санкциях в отношении российского спорта, предполагавших запрет выступлений на крупнейших соревнованиях под национальным флагом, запрет на проведение больших турниров и запрет российским чиновникам занимать посты в международных спортивных организациях.

Таковы лишь наиболее значимые вехи «допингового трека» санкционных ограничений в отношении российских атлетов.

Вторая группа санкций была введена гораздо более стремительно, чем первая. Спустя буквально несколько дней после начала специальной военной операции России на Украине, 28 февраля 2022 г., МОК рекомендовал международным спортивным федерациям не допускать российских и белорусских спортсменов к любым соревнованиям из-за начала боевых действий. При этом крайний срок по снятию отстранения Олимпийского комитета России установлен не был. 3 марта аналогичное решение принял МПК, сославшись при этом на угрозы нескольких федераций бойкотировать зимние Паралимпийские игры 2022 г.

Вслед за этим федерации практически всех видов спорта отстранили россиян от участия не только в предстоящих, но и в уже шедших на тот момент соревнованиях, а также лишили Российскую Федерацию права проведения международных турниров, которые должны были пройти в нашей стране. Что характерно, более коммерчески независимые и устойчивые федерации – например Ассоциация теннисистов-профессионалов, Всемирная теннисная ассоциация, Национальная хоккейная лига и некоторые другие – не поддались международному давлению и разрешили отдельным игрокам продолжать участвовать в соревнованиях, проходящих под их эгидой.

Нужно отметить, что в отношении юридической обоснованности введенных против России санкций возникают определенные сомнения. Отдельные ученые вполне справедливо, на наш взгляд, усматривают в них серьезные нарушения правовых норм. Так, например,

М. С. Сагандыков пишет буквально следующее: «Анализ решений Международного олимпийского комитета и международных федераций говорит об отсутствии сколь бы то ни было внятного юридического объяснения отстранения российских и белорусских спортсменов и команд от международных соревнований. Практика Спортивного арбитражного суда по вопросу недопуска футбольных команд из России к международным соревнованиям исходит из превалярования интересов международных федераций и “целостности” соревнований над правами спортсменов. Решение Международной федерации футбола о праве иностранных футболистов приостановить действие трудовых договоров, заключенных с российскими клубами, явно противоречит российскому трудовому законодательству» [4, с. 148].

О юридической необоснованности большинства претензий к антидопинговой и спортивной политике Российской Федерации в своей статье рассуждают также А. В. Серегин и С. Д. Людвиг [5]. На «нарушенные основополагающие принципы и нормы международного права и права человека, закрепленные Всеобщей декларацией прав человека и Конвенцией о защите прав и основных свобод и гарантированные конституциями цивилизованных государств, а также правилами Олимпийской хартии» обращает внимание В. А. Жилкин [6, с. 22].

Так или иначе, нам представляется очевидным, что обе волны санкций были продиктованы именно политическими мотивами. Даже если оставить за скобками вопрос об обоснованности выводов, сделанных в докладах Р. Паунда, Р. Макларена и иных лиц, занимавшихся расследованием якобы имевших место системных допинговых злоупотреблений в российском спорте, применявшийся принцип коллективной ответственности, когда за нарушения отдельно взятых атлетов отвечали представители всей команды по конкретному виду спорта или же всей олимпийской сборной страны, в данном случае явно не уместен. По крайней мере, в отношении других стран, спортсмены которых также уличались в использовании запрещенных медицинских препаратов, подобные коллективные санкции никогда не применялись.

Еще более ярко выраженным является политический подтекст ограничений, наложенных на российский спорт после начала специальной военной операции. Согласно п. 6.1 гл. 1 Олим-

пийской хартии, «Олимпийские игры – это соревнования в индивидуальных или командных видах спорта среди спортсменов, но не среди стран...»² В этом смысле трудно не согласиться с С. Б. Репкиным и В. М. Разувановым, считающими, что «... любые санкции, накладываемые на государства, вне зависимости от их источника и юрисдикции, не могут распространяться на спортсменов, поскольку не государства, а спортсмены и соответствующие общественные объединения (создаваемые или признаваемые МОК) обладают субъектностью в контексте олимпийского движения» [7, с. 37].

В целом же анализ научной литературы, посвященной проблематике санкций, наложенных на российский спорт, показывает, что едва ли не в каждой второй работе говорится о политической природе введенных ограничений. Что характерно, политическую подоплеку санкций подтверждают даже западные СМИ: поддерживая введенные против России рестрикции, они сами, тем не менее, считают их геополитическим инструментом «сдерживания России». В этом плане очень показательным, что проанализировавший внушительный массив материалов западных массмедиа А. Э. Сергиенко пришел к выводу о том, что «давление на российский спорт и членов национальной команды России начало усиливаться после победы сборной России в общекомандном зачете на Олимпийских играх в Сочи-2014 и после вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации. После начала ВС РФ специальной военной операции на Украине в отношении российского спорта было введено еще больше санкций и ограничений, Россию фактически исключили из международного спорта» [8, с. 487].

Наконец, даже формальный повод для введения второй группы санкций против российских и белорусских спортсменов – нарушение олимпийского перемирия – также не выдерживает никакой критики в том смысле, что прежде за аналогичные действия никакие ограничения никогда не вводились. Напомним, что правило олимпийского перемирия было закреплено в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 48/11 от 25 октября 1993 г., в которой содержался призыв к государствам соблюдать прекращение огня в течение всего срока про-

² Олимпийская хартия. URL: <https://stillmed.olympics.com/media/Documents/International-Olympic-Committee/IOC-Publications/EN-Olympic-Charter.pdf> (дата обращения: 20.07.2025).

ведения Олимпийских игр, а также в течение семи дней до и семи дней после них³. Однако в новейшей истории мира можно найти целый ряд примеров, когда олимпийское перемирие нарушалось, но государства-нарушители (и уж тем более представляющие их спортсмены) не несли за это никакой ответственности.

Таким образом, политика двойных стандартов, проводимая МОК, дает нам основания для того, чтобы разделить мнение не только российских, но и отдельных зарубежных ученых, полагающих, что Олимпийские игры используются влиятельными государствами в том числе для продвижения собственных политических, экономических и идеологических интересов и для ведения борьбы против своих геополитических оппонентов [9, 10]. К сожалению, в данном случае приходится признать, что основные постулаты политического реализма в теории международных отношений вполне могут быть распространены и на сферу спорта, которая изначально (по крайней мере, с момента возрождения Олимпийского движения бароном П. де Кубертенем) мыслилась как находящаяся «вне политики».

Какие последствия введенные санкции имели для российского спорта? Нужно заметить, что спектр эффектов наложенных ограничений достаточно широк. Условно все их многообразие можно свести в несколько взаимосвязанных, но при этом относительно самостоятельных блоков.

В сугубо спортивном измерении санкции, естественно, лишили большинство российских атлетов возможности соревноваться на международном уровне и даже тренироваться за границей. Это, в свою очередь, повлекло за собой трудности в объективной оценке уровня собственной подготовленности и конкурентоспособности в конкретный момент времени.

Неясные перспективы дальнейшего развития сложившейся ситуации для некоторых спортсменов стали серьезным психологическим фактором, повлиявшим на их стремление совершенствовать свое мастерство, необходимое для конкуренции с лучшими в мире визави. Все это вместе с отсутствием возможности для обмена опытом привело к тому, что ряд сравнительно возрастных (по меркам про-

фессионального спорта) российских атлетов приняли решение завершить свои карьеры, кто-то сменил спортивное гражданство, а кто-то столкнулся с необходимостью поиска иной, не связанной с участием в крупнейших международных состязаниях мотивации для продолжения каждодневной рутинной работы на тренировках.

Отдельный блок последствий санкционно-го воздействия на российский спорт касается финансово-экономических моментов. После начала специальной военной операции из нашей страны ушла целая группа компаний, спонсировавших в том числе профессиональные клубы. Например, прекратил свое сотрудничество с Российским футбольным союзом «Adidas», приостановил экспорт автомобилей в Россию спонсор футбольного клуба «Спартак-Москва» «Nissan», ушли с российского рынка поддерживавшие футбольный клуб «Зенит» компании «Bic» и «Nike».

Уход западных инвесторов повлек за собой внушительные убытки для отечественных спортивных клубов и организаций. По некоторым данным, начиная с 2022 г. из-за отстранения от международных соревнований российские спортсмены и тренеры потеряли более 1 млрд руб.⁴ Кроме того, существенно увеличилась стоимость необходимого спортивного питания и инвентаря; российский рынок покинули некоторые производители спортивной формы.

Помимо возможности завоевания титулов, отечественные атлеты лишились шанса получать призовые за успешные выступления на крупных международных турнирах. Плюс ко всему уже внутри нашей страны произошла переориентация финансовых ресурсов из сферы физической культуры и спорта на другие социально важные направления, и, как следствие, снизились объемы финансирования данной отрасли со стороны государства и частных инвесторов.

Несмотря на то, что введенные против России санкции в первую очередь были ориентированы на спорт высших достижений, косвенно они повлияли и на массовый спорт в субъектах Федерации. Причем, согласно проведенным исследованиям, наиболее уязвимыми в этом смысле во многом неожиданно оказались не

³ Резолюция ГА ООН 48/11 «Соблюдение олимпийского перемирия» от 25 октября 1993 г. URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/715/61/img/nr071561.pdf> (дата обращения: 22.07.2025).

⁴ Российские спортсмены и тренеры потеряли более 1 млрд из-за санкций / sportrbc.ru. 20 октября 2023 г. URL: <https://sportrbc.ru/news/65323d7b9a794778a9966485> (дата обращения: 22.07.2025).

самые густонаселенные регионы, жители которых обладают сравнительно высоким уровнем среднедушевых доходов [11, с. 104].

Между тем спортивные санкции ударили не только по нашей стране, но и по государствам, их инициировавшим. Кроме того, что введенные ограничения привели к отмене ряда международных турниров и прекращению действующих спонсорских соглашений с коммерческими компаниями, после «запрещения» многих сильных российских и белорусских спортсменов они также существенно снизили уровень международной спортивной конкуренции в отдельных видах спорта.

Более того, и для стран-объектов санкций, помимо негативных, наблюдаются также и позитивные последствия наложенных рестрикций. Так, по мнению Е. К. Фартеева, в отсутствие краткосрочной перспективы участия в крупнейших международных соревнованиях и необходимости добиваться там каких-либо значимых результатов у российских тренеров появилась возможность «обратить пристальное внимание на подготовку юных кадров и внести корректировки в подготовку подрастающих поколений спортсменов» [12, с. 65].

Очевидно, что уход западных производителей спортивной формы, товаров и атрибутики поставил Россию перед необходимостью активнее развивать собственное производство, оптимизировать и модернизировать тренировочную инфраструктуру, укреплять научно-исследовательскую базу и внедрять инновации.

Помимо этого, И. В. Солнцев отдельно выделяет такие позитивные моменты, как усиление контроля за использованием финансовых средств, повышение внимания к воспитанию отечественных спортсменов, постепенный переход на расчеты в рублях, рост требований к качеству проводимых внутри страны соревнований, формирование новой антидопинговой системы и увеличение финансирования медицинского обеспечения спорта [13, с. 90]. Наконец, еще одним косвенным следствием дискриминационной политики в отношении российского спорта стал уже упоминавшийся в начале данной статьи рост патриотических настроений среди населения.

Таковы основные политические аспекты международных санкций, наложенных на российский спорт начиная с 2015 г. На наш взгляд, первопричиной введенных против

нашей страны ограничений (по крайней мере, если говорить об их формах и беспрецедентных масштабах) было желание субъектов санкций оказать влияние на политику руководства Российской Федерации. При этом, если формально инициаторами санкций являлись МОК, ВАДА, международные федерации по видам спорта, национальные спортивные федерации и отчасти Спортивный арбитражный суд в Лозанне, то фактически их главными бенефициарами и, не исключено, основными «вдохновителями» были отдельные государства Запада. Прежде всего, имеем в виду США, Великобританию, Германию, Францию и прочих европейских оппонентов России.

Если оценивать санкции против российского спорта в целом, с точки зрения их политической «целесообразности», то можно отметить два присущих им свойства.

Первое – это определенная степень абсурдности. Запрещая участвовать в международных соревнованиях ни в чем не повинным высококлассным атлетам, большая часть жизни которых была подчинена именно этому – борьбе за победы на престижнейших мировых турнирах, субъекты санкций тем самым девальвируют ценности спорта высших достижений как такового, максимально его политизируют и создают опасные прецеденты на будущее. Спорт, таким образом, начинает восприниматься не как сфера, в которой человек может себя проявить и дать возможность всем желающим получить удовольствие от созерцания его способностей и таланта, а как средство ведения противоборства с политическими оппонентами, инструмент борьбы против «неугодных» политиков и государств. Получается, что международные спортивные структуры работают не в интересах атлетов, а против значительной их части. При этом абсолютное их большинство не имели никакого отношения к допинговым скандалам и напрямую не участвовали в политике.

Второе – это политическая и спортивная бесперспективность санкций. Как показывает опыт, введение не только спортивных, но и иных (экономических, финансовых, банковских, технологических, торговых и пр.) ограничений несколько не изменяет политику нашей страны. Иными словами, того, на что надеялись инициаторы рестрикций, не происходит. И судя по тому, как развиваются события, в обозримой временной перспективе не произойдет. Но при

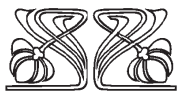
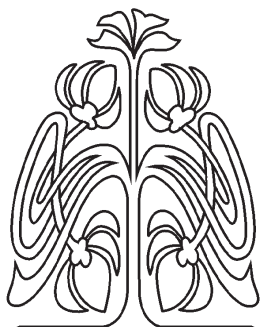

этом спортсмены и болельщики продолжают страдать, международные турниры становятся менее конкурентными, зрительский интерес падает, рекламные доходы организаторов соревнований и вещателей сокращаются. Более того, в последнее время со стороны международных спортивных федераций намечаются робкие шаги по возвращению российских атлетов (пусть пока только в индивидуальных видах и в нейтральном статусе) на международную арену. В условиях, когда специальная военная операция продолжается, возникает закономерный, как нам кажется, вопрос: что это такое, если не признание тупикового характера санкционного пути?

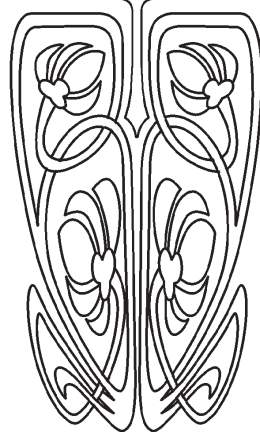
Список литературы

1. Гармашова Е. П., Дребот А. М., Баранов А. Г., Митус А. А., Тарабардина М. Ю. Санкции как меры международного принуждения: основные виды и теоретические подходы к понятию // Экономические отношения. 2020. Т. 10, № 3. С. 649–662. <https://doi.org/10.18334/eo.10.3.110824>, EDN: MSJIIW
2. Кузелько Ю. В., Трушечкина Е. В., Пурахина О. В. Правовой статус российского спортсмена в условиях международных санкций: анализ и перспективы // Человек и право – XXI век: альманах Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2. С. 59–64. EDN: QDIOGZ
3. Гандилян М. М. Теоретические основания политизации спорта в современном мире // Вестник Поволжского института управления. 2025. Т. 25, № 2. С. 30–41. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2025-2-30-41>, EDN: ZXTMLL
4. Сагандыков М. С. Международные санкции против российского спорта: правовые аспекты // Человек. Спорт. Медицина. 2023. Т. 23, № S1. С. 148–154. <https://doi.org/10.14529/hsm23s121>, EDN: UKEJNK
5. Серегин А. В., Людвиг С. Д. Стратегии развития правового регулирования спорта высших достижений в условиях применения международных санкций // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 4. С. 145–156. <https://doi.org/10.61205/jrp.2024.4.4>, EDN: MUTGYJ
6. Жилкин В. А. Информационные войны и санкции МОК как средство политического давления на российский спорт и общественное мнение // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5, № 3 (16). С. 22–28. <https://doi.org/10.17816/RJLS18376>, EDN: YQWWDZ
7. Репкин С. Б., Разуванов В. М. Спорт в условиях трансформационных процессов // Мир спорта. 2023. № 3 (92). С. 33–38. EDN: AQNOLH
8. Серуенко А. Э. Медиааспекты взаимосвязи политики и спорта на примере отстранения Российской Федерации от международных соревнований // Неофилология. 2024. Т. 10, № 2. С. 487–498. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-2-487-498>, EDN: LGNTFT
9. Kissoudi P. Sport, politics and international relations in the twentieth century // International Journal of the History of Sport. 2008. Vol. 25, iss. 13. P. 1689–1706.
10. Szymanski S. About winning: the political economy of awarding the World Cup and the Olympic Games // The SAIS Review of International Affairs. 2011. Vol. 31, iss. 1. P. 87–97. <https://doi.org/10.1353/sais.2011.0003>
11. Резепин А. В., Данилова И. В., Карпушкина А. В., Правдина Н. В. Оценка «ударопрочности» экономики спорта регионов России в условиях международных ограничений // Человек. Спорт. Медицина. 2024. Т. 24, № S1. С. 97–107. <https://doi.org/10.14529/hsm24s113>, EDN: UXLXJK
12. Фартеев Е. К. Развитие отечественного спорта в условиях санкций и ограничений // Актуальные проблемы и перспективы развития физической культуры, спортивной тренировки, рекреации и фитнеса, адаптивной и оздоровительно-восстановительной физической культуры : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Липецк, 11–12 апреля 2024 г.). Липецк : Липецкий гос. педагогический ун-т им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. С. 63–67. EDN: GFRHVQ
13. Солнцев И. В. Основные тренды инновационного развития индустрии спорта // Инновации. 2020. № 6 (260). С. 86–93. <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.260.6.011>, EDN: AGQUYQ

Поступила в редакцию 27.07.2025; одобрена после рецензирования 05.09.2025; принята к публикации 17.09.2025
The article was submitted 27.07.2025; approved after reviewing 05.09.2025; accepted for publication 17.09.2025

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36016

Оформить подписку на печатную версию

можно в интернет-каталоге

ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Электронная версия журнала находится

в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7 (845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского,

социологический факультет

Тел./факс: +7(845-2) 21-36-60, 51-81-26

E-mail: muninaov@sgu.ru, nikshestov@mail.ru

Website: <https://soziopolit.sgu.ru>